

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Материалы

Международной научно-практической конференции
«Правовые и правоприменительные проблемы в реализации
уголовной ответственности и их освещение в научных изданиях
(посвященной 20-летию научно-методического журнала
„Вестник Волгоградской академии МВД России“»)»
Волгоград, 24 апреля 2025 г.

Международной научно-практической конференции
«Актуальные проблемы предварительного расследования»
Волгоград, 23 октября 2025 г.

Волгоград
ВА МВД России
2026

УДК 343.102(082)
ББК 67я43
А 43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

- А 43 **Актуальные проблемы предварительного расследования** : материалы Международной научно-практической конференции «Правовые и правоприменительные проблемы в реализации уголовной ответственности и их освещение в научных изданиях (посвященной 20-летию научно-методического журнала „Вестник Волгоградской академии МВД России“»», Волгоград, 24 апреля 2025 г. ; Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предварительного расследования», Волгоград, 23 октября 2025 г. / редколлегия : Г. Х. Шаутаева, Ю. С. Сафонова, А. Н. Митасова [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России, 2026. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования: частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система от Windows 7 SP1 до Windows 11 ; оперативная память не менее 2 Гб ; 1,1 Мб свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800 × 600 ; оптический привод DVD-ROM/RW ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст электронный.

ISBN 978-5-7899-1662-9

В статьях сборника обсуждаются проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства России, противодействия преступлениям, актуальные вопросы квалификации преступлений, проблемы расследования преступлений в форме предварительного следствия и дознания, направления совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной практики и иные смежные проблемы.

Издание представляет интерес для широкого круга читателей: аспирантов и адъюнктов, преподавателей и практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.102(082)
ББК 67я43

Редакционная коллегия: Г. Х. Шаутаева (председатель), Ю. С. Сафонова (зам. председателя), А. Н. Митасова (отв. секретарь), Л. В. Попова, М. М. Бондарь, Д. Н. Евлушина, Н. Л. Голикова, Д. Е. Незнаева.

ISBN 978-5-7899-1662-9

© Волгоградская академия МВД России, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. Материалы Международной научно-практической конференции «правовые и правоприменительные проблемы в реализации уголовной ответственности и их освещение в научных изданиях (посвященной 20-летию научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России»)	8
Акимжанов Е. С., Битенова М. К. Некоторые вопросы досудебного расследования в Республике Казахстан	8
Акимжанов Е. С., Самигуллина Ж. С. Особенности расследования незаконного оборота наркотических средств, совершенного с использованием глобальной сети Интернет	11
Бондарь М. М. Актуальные вопросы осуществления уголовного преследования на современном этапе развития уголовного процесса России	16
Бутяева Н. А. Анализ типичных ошибок при подготовке и назначении судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела по факту хищения в сфере благотворительной деятельности	19
Глебов В. Г. Об эффективности досудебного соглашения о сотрудничестве в обеспечении привлечения к уголовной ответственности	22
Гордейчик С. А. Обжалование судьей решения вышестоящего суда	27
Дейкало Е. Ю. Правовые аспекты недропользования в Казахстане и государствах СНГ	30
Замылин Е. И. И снова о тактике установления психологического контакта в ходе допроса потерпевших и свидетелей	33
Кардашевская М. В. Сущность и содержание криминалистической характеристики истязаний несовершеннолетних, совершенных родителями или лицами, их заменяющими: теоретико-прикладной аспект	38

Лавров В. В. Юридическая феноменология применения конфискации имущества: предмет легализации доходов, полученных преступным путем, в свете руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации	41
Мельникова Е. Ф., Шаутаева Г. Х. Совершенствование норм уголовного законодательства и практики их применения к действиям, связанным с доведением лица до самоубийства	45
Молдыбаева Р. Б., Саханова Н. Т. Цифровизация уголовного судопроизводства: опыт Казахстана и перспективы	52
Решняк О. А. Особенности сбора криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, ошибки, допускаемые следователями	56
Сычева А. В. Актуальные проблемы расследования дистанционного мошенничества в современных условиях	58
Шкаплеров Ю. П. Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления в Беларуси: история и современность	61
РАЗДЕЛ II. Актуальные проблемы предварительного расследования	67
Алексеева А. П. Теневой искусственный интеллект как криминологический феномен цифровой эпохи	67
Аршба А. Д. Нарушение принципа справедливости в ст. 228.1 УК РФ: необходимость дифференциации санкций в зависимости от вида наркотического средства	70
Айтмагамбетов А. С. Технология виртуальной аутопсии в системе досудебного расследования: опыт и перспективы применения	74

Бувеч О. Л. Деятельность следователя на первоначальном этапе расследования разбойных нападений	79
Васюков В. Ф. Телефонное мошенничество как специфическая форма психологического воздействия (что учитывать следователю при допросе потерпевшего?)	83
Вихарев Д. Д., Дудин Е. Д. Особенности выявления преступлений, связанных с нарушением правил оборота сильнодействующих веществ (ст. 234 УК РФ)	87
Вихарев Д. Д., Кастальская С. А. Особенности выявления преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или лекарственных препаратов, содержащих в своем составе наркотические средства и психотропные вещества	91
Евлушина Д. Н. О некоторых аспектах применения специальных знаний в расследовании преступлений, связанных с мошенничеством с использованием электронных платежных средств	93
Замылин Е. И. Эволюция «психологизации» криминалистической тактики как постепенный и естественный процесс	97
Зуева В. А. Особенности участия специалиста в расследовании незаконной рубки лесных насаждений	102
Ищенко Д. П., Ищенко Г. К. Особенности допроса потерпевших и свидетелей при расследовании чрезвычайных происшествий и техногенных катастроф	106
Клишин В. В. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права в Российской Федерации	110
Лихолетов А. А. Проблемы применения положений об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по делам о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности	112

Митасова А. Н. Особенности привлечения к уголовной ответственности за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию	117
Назаренко И. С., Самойлова Ю. М. О некоторых аспектах использования цифровых следов в качестве доказательств при раскрытии и расследовании преступлений	121
Нифталиева И. А. Профилактика преступлений против половой неприкосновенности: виктимологический аспект	124
Олесовец В. Г. Проблемы правовой регламентации исполнения исправительных работ в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	127
Попов С. В. Информационное взаимодействие и межведомственное сотрудничество с учетом роли содействия граждан оперативно-разыскной деятельности	131
Сковородко А. А. Процессуальный порядок изъятия электронных носителей информации и копирования информации при производстве обыска	133
Сысолина Н. С. Значение места совершения преступления в доказывании занятия высшего положения в преступной иерархии	137
Тулеуова А. Ж. Институт имущественного расследования в системе противодействия незаконному выводу капитала	141
Шавкарова Е. Е. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с созданием некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан	145
Шавловский А. Б. Особенности информационно-аналитических исследований транзакций цифровой валюты	149

Шайхыстанова С. Н.

Правовые свойства негласных следственных действий как способа уголовно-процессуального доказывания	151
---	-----

Юбко Ю. М., Михневич В. Н.

Знание о механизме коррупционного преступления как основа его успешного раскрытия и расследования	156
--	-----

РАЗДЕЛ I

Материалы Международной научно-практической конференции «Правовые и правоприменительные проблемы в реализации уголовной ответственности и их освещение в научных изданиях (посвященной 20-летию научно-методического журнала „Вестник Волгоградской академии МВД России“)»

Ерик Серикович Акимжанов,

начальник факультета профессиональной подготовки
Костанайской академии МВД Республики Казахстан
им. Ш. Кабылбаева,

кандидат юридических наук;

Мольдыр Кемелбековна Битенова,

магистрант Костанайской академии
МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Досудебное расследование – важный процесс, направленный на сбор и оценку полных, объективных и всесторонних доказательств по уголовным делам. На данном этапе права и свободы человека защищены согласно требованиям уголовного судопроизводства, на основании соответствующих доказательств определяются обстоятельства дела. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) предусматривает три основные формы досудебного расследования: дознание, предварительное следствие и протокольная форма. Кроме того, в законе закреплен институт ускоренного досудебного расследования.

В сентябре 2024 г. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев в своем Послании «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» обратил внимание на необходимость повышения эффективности государственных институтов, включая судебную и правоохранительную систему [1]. Улучшение правоприменения и упрощение процедур досудебного расследования являются одними из приоритетов для обеспечения справедливости и прозрачности правосудия. Кроме того, глава государства отметил необходимость укрепления законности и обеспечения безопасности граждан, что напрямую связано с эффективностью досудебного расследования. Совершенствование процедур позволит повысить доверие общества к правоохранительным органам и улучшит работу судебной системы, устраняя коррупционные и административные барьеры, замедляющие процесс рассмотрения дел.

В данной статье рассматриваются сущность и особенности указанных объектов расследования, актуальные проблемы их практической реализации и пути совершенствования. Эффективность сферы досудебного расследования – одно

из главных условий обеспечения справедливости уголовного правосудия. Поэтому важно всесторонне изучить такие аспекты, как соблюдение сроков расследования, надзор со стороны прокурора, защита прав и свобод сторон, сбор и оценка доказательств.

В соответствии со ст. 189 УПК РК объектом досудебного расследования является дознание. Это форма досудебного расследования, направленная на скорейшее разоблачение лиц, совершивших преступление, своевременный сбор доказательств и подготовку материалов дела к отправке в суд [2]. Как правило, дознание проводят уполномоченные сотрудники органов внутренних дел чаще всего по уголовным правонарушениям легкой и средней тяжести, а также по отдельным делам, непосредственно указанным в законе. В ходе дознания дознаватель осуществляет следственные действия, необходимые для полного и объективного установления обстоятельств дела [3]. Контроль прокурора за делом дознания является обязательным.

Предварительное следствие – более расширенная и полная форма досудебного расследования. Оно проводится по тяжким и особо тяжким преступлениям, а также по любым уголовным делам, указанным в законе [4].

Главная особенность предварительного следствия заключается в том, что следователь обладает широкими полномочиями: он может всесторонне изучить все обстоятельства дела, подготовить обвинительный акт и направить дело прокурору. Надзорная функция прокурора здесь также имеет первостепенное значение: прокурор оказывает непосредственное влияние на решения следователя, санкционирование, прекращение или продолжение уголовного преследования, вопросы судопроизводства.

Протокольная форма применяется в основном по уголовным проступкам и относится к упрощенной процедуре, так как уголовные проступки (разновидность уголовных правонарушений) не представляют существенной опасности для общества и предполагают исполнение наказания в относительно упрощенном виде. В протокольной форме орган, проводящий расследование (обычно уполномоченное лицо, выполняющее функции дознания), собирает все необходимые сведения по делу и на их основе составляет протокол [5].

Ускоренное расследование – один из институтов, внедренных в уголовном процессе Казахстана в последние годы. Он позволяет в кратчайшие сроки расследовать уголовное дело и направить его в суд. Ускоренный порядок также может применяться к легким, умеренным, а иногда и серьезным преступлениям. При ускоренном расследовании следователь или дознаватель стараются максимально сократить объем следственных действий и собрать только необходимые и достаточные доказательства. Срок расследования не превышает 15 суток. Этот институт повышает оперативность следственного процесса. Тем не менее закон устанавливает конкретные условия и ограничения, чтобы правосудие и права человека не были нарушены. В практике встречаются случаи необоснованного применения ускоренного порядка или, наоборот, неиспользования, когда он подлежит применению. Поэтому важно развивать внутренние руководящие принципы и ведомственный контроль, которые предусматривают совершенствование института ускоренного расследования.

Сроки расследования – один из основных показателей, обеспечивающих качество и справедливость досудебного расследования. УПК РК ввел принцип «разумного срока». Этот принцип не допускает чрезмерного затягивания расследования и сохраняет за собой право всей заинтересованной стороны на получение своевременного решения по делу.

Срок расследования по дознанию обычно не должен превышать один месяц, а предварительное расследование – два месяца. В особых или особо сложных делах (многоэпизодных, международных, террористических) прокурором и органами высшей прокуратуры в установленном порядке могут быть продлены сроки расследования до 12 месяцев. Если возникают обстоятельства, препятствующие продолжению расследования, срок расследования прерывается, после устранения причин – возобновляется, о чем уведомляется прокурор.

На практике встречаются факты необоснованного продления срока расследования. В некоторых случаях следственные органы многократно продлевают сроки, умышленно их затягивая, или по объективным причинам (задержка экспертизы, невозможность найти свидетелей). Поэтому функции прокурора и суда по контролю за сроками следствия имеют первостепенное значение [6]. Необходимо обратить внимание на правильное применение принципа «разумного срока», чтобы граждане и организации не подвергались необоснованному расследованию и моральному и материальному ущербу.

В соответствии со ст. 58 УПК РК прокурор – должностное лицо, осуществляющее надзор за законностью досудебного расследования. Он вправе проверять, санкционировать действия следственных органов, запрашивать материалы дела и принимать процессуальные решения. В новом УПК РК введено понятие процессуального прокурора. Он является ответственным за поддержку обвинения в суде с момента начала досудебного расследования по конкретному уголовному делу до направления в суд. Существуют жесткие ограничения на замену процессуального прокурора, поскольку он усиливает личную ответственность за счет глубокого изучения дела.

Во многих развитых странах внедрена электронная система уголовного дела, ведется автоматизация процессов досудебного расследования. Это способствует сокращению сроков расследования, облегчению документооборота, ускорению обмена информацией между следствием и прокурором. В Казахстане также ведутся проекты «электронного уголовного дела». Но для полноценного внедрения этой системы необходимо решить такие вопросы, как соответствующая техническая база, меры кибербезопасности, цифровая грамотность должностных лиц.

На практике возникают такие проблемы, как необоснованное затягивание расследования, отсутствие единообразия в применении ускоренного расследования, необходимость уточнения полномочий прокурора. Для устранения этих пробелов, наряду с совершенствованием законодательства, важно укрепление кадровой подготовки правоохранительных органов, развитие электронного документооборота, совершенствование внутреннего контроля и методических указаний.

Досудебное расследование – первый и решающий шаг к уголовному правосудию. Его эффективность и легитимность напрямую способствуют защите интересов государства и общества, обеспечению конституционных прав и свобод граждан. Поэтому совершенствование форм расследования остается одним из приоритетных направлений развития правовой системы Казахстана.

Список библиографических ссылок

1. Справедливый Казахстан: правопорядок, экономический рост, общественный оптимизм: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 г. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 31.03.2025).
2. Наумов А. В. Прокурорский надзор в ходе досудебного расследования: учеб. пособие. М.: Норма, 2021. 268 с.
3. Вопросы обоснованного ограничения досудебного производства: сб. ст. / отв. ред. Н. Ж. Мухаметкалиев. Астана: КазГЮУ, 2018. 198 с.
4. Шавгулов М. А. Институт ускоренного досудебного расследования в уголовном процессе Казахстана. Алматы: Данекер, 2022. 174 с.
5. Ерболат Д. К. Процессуальные функции прокурора на стадии досудебного расследования: дис. Алматы, 2020. 145 с.
6. Мухтарова А. С. Правовой статус подозреваемого в уголовном процессе: монография. Нур-Султан: Академия юстиции, 2021. 220 с.

© Акимжанов Е. С., Битенова М. К., 2026

Ерик Серикович Акимжанов,
начальник факультета профессиональной подготовки
Костанайской академии МВД Республики Казахстан
им. Ш. Кабылбаева,
кандидат юридических наук;
Жанель Самигуллакызы Самигуллина,
магистрант Костанайской академии МВД Республики Казахстан
им. Ш. Кабылбаева

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Глобальная сеть Интернет становится неотъемлемой частью повседневной жизни человечества. В результате технологического прогресса обмен информацией из любой точки мира, продажа и покупка товаров и услуг, а также осуще-

ствление финансовых операций получили беспрецедентный доступ. Эти преимущества Интернета позволяют осуществлять не только легальные виды деятельности, но и незаконную деятельность на новом уровне.

Преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств также не исключена из этого списка. В период с 2022 по 2024 г. в Казахстане наблюдалась динамика в отношении наркопреступлений. В 2022 г. было зарегистрировано 34 891 преступление, из которых 8 363 были связаны с наркотиками. В 2024 г. количество наркопреступлений увеличилось до 7 920, что на 5,5 % больше, чем в 2022 г. В 2024 г. из незаконного оборота изъято около 22 тонн наркотиков, уничтожено 63 нарколаборатории, а также 610 раз выявлены и заблокированы ссылки на наркотические средства в Интернете. Таким образом, несмотря на рост числа наркопреступлений в 2024 г., правоохранительные органы активно борются с оборотом наркотиков, что подтверждается обилием изъятых наркотических средств и уничтоженных нарколабораторий [1].

Наркоторговля через Интернет – достаточно сложное явление, которое беспокоит как национальные правоохранительные органы, так и международное сообщество [2]. На анонимных платформах, известных как Darknet, или «темная сеть», есть открытая встреча спроса и предложения на наркотики, возможность анонимных платежей с помощью криптовалюты и использования различных методов транспортировки – все это значительно усложняет расследование.

Преступные группировки, занимающиеся распространением наркотиков, посредством Интернета быстро меняют способы доставки, используют различные сайты объявлений и чат-ботов, действуют через поддельные аккаунты. В этих случаях необходимо глубокое владение новыми технологиями в сборе и анализе электронных доказательств со стороны правоохранительных органов; налаживание сотрудничества на международном уровне.

В данной работе анализируются основные особенности организации незаконного оборота наркотических средств через глобальную сеть интернет, способы совершения преступлений, методы проведения расследования и сбора доказательств, а также значение международного сотрудничества. В рамках статьи будут даны рекомендации по совершенствованию правового регулирования в данной сфере с сопоставлением законодательства Республики Казахстан и международного опыта.

Интернет предлагает бесконечную платформу для торговли наркотиками. В то время как в открытом Интернете (Surface Web) предпринимались попытки продаж через социальные сети, специальные форумы и сайты объявлений, в последние годы широкое распространение анонимных сетей, таких как Darknet – Tor, I2P, подняло наркотрафик до «невидимого» уровня [3].

Торговля наркотиками в открытом Интернете часто ведется в небольших масштабах, в «секретной» форме. Например, фейковые аккаунты популярных пользователей в социальных сетях используются для рекламы наркотиков, распространения информации о скрытых продажах. Подобные объявления и каналы связи создаются и в «закрытых группах» в социальных сетях или в зашифрованных чатах в мессенджерах.

Криптовалюта играет особую роль в торговле наркотиками. Криптовалюты, такие как биткойн, монеро, эфириум, обеспечивают частичную или полную анонимность транзакций [4]. В подобной ситуации становится сложнее контролировать финансовые движения и выявлять преступников.

Доставка наркотиков клиенту часто осуществляется различными способами, такими как почтовые отправления, курьерские услуги, размещение в «тайниках» («заклад»). Особенно распространен метод «закладки» на просторах СНГ. Продавец прячет товар в определенном месте, а покупатель приходит в это место и забирает наркотики. Данная модель направлена на максимальное ограничение каналов связи, денежных выплат и личных встреч.

Расследование преступлений, совершенных через Интернет, по торговле наркотиками требует ряда новых подходов в дополнение к традиционным методам расследования. Здесь на протяжении всего уголовного процесса следует уделять внимание цифровым технологиям.

Следы общения в Интернете можно найти на электронных устройствах (компьютере, смартфоне, планшете), в мессенджерах, электронной почте, социальных сетях, криптовалютных кошельках, платежных системах [5]. Соответственно, следователю необходимо обратиться за помощью к квалифицированным специалистам для надлежащего изъятия, хранения и экспертизы этих сведений.

Получение электронных доказательств имеет свои особенности:

- применяемые международные протоколы. Поскольку серверы большинства интернет-провайдеров расположены за границей, требуется международная помощь и официальная процедура запроса;
- ограниченность сроков хранения данных. Некоторые поставщики интернет-услуг хранят лог-файлы в течение короткого времени, поэтому важно своевременно получать данные;
- шифрование и анонимизация. Многие мессенджеры и браузеры используют шифрование end-to-end, что снижает вероятность простого чтения содержимого сообщений.

Хотя анонимность криптовалюты затрудняет расследование, прозрачность технологии блокчейн предоставляет определенные возможности. Финансовые следы преступников можно найти, проверив транзакции между криптовалютными кошельками [6]. Специальные аналитические программы (Chainalysis, Elliptic, CipherTrace) помогают отслеживать потоки криптовалют. Здесь также важно международное сотрудничество, потому что криптовалютные биржи могут быть расположены в разных частях мира.

Оперативно-разыскные мероприятия имеют свое место в раскрытии наркопреступлений, совершенных через Интернет. Например, правоохранительные органы могут использовать анонимных агентов на анонимных форумах, организуя подход «контролирующих покупок». Такие операции должны проводиться с соблюдением требований закона и прав человека.

Глобальная интернет-торговля наркотиками не ограничивается никакими границами. Сегодня наркоторговец может находиться в одной стране, покупатель – в другой, а платежная операция может вообще проходить через биржу

в третьей стране. Для разоблачения такой многонациональной преступной деятельности особенно важно международное сотрудничество правоохранительных органов.

Такие организации, как Интерпол, Европол, Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC), помогают в расследовании посредством обмена информацией, создания общих баз данных, координации совместных операций [7]. Глобальная система связи Интерпола «I-24/7» позволяет национальным правоохранительным органам оперативно обмениваться информацией.

Международное сотрудничество:

- экстрадиция. Для задержания преступника и привлечения его к уголовной ответственности между различными государствами применяются условия экстрадиции;

- международная правовая помощь. Для получения электронных доказательств, имущественного розыска, допроса свидетелей, проведения экспертизы направляются официальные запросы;

- совместное обучение и обмен опытом. Проводятся совместные мероприятия по подготовке и повышению квалификации кадров, специализирующихся на раскрытии киберпреступности и наркопреступности.

Большое значение имеет использование специальных технических средств и программного обеспечения при расследовании наркопреступлений через Интернет.

Для проведения компьютерно-технических экспертиз необходимы современные технически оснащенные лаборатории. Они выполняют следующие функции:

- восстановление данных с цифровых носителей (жесткого диска, флешки, памяти мобильного телефона);

- поиск ключей зашифрованных устройств;

- анализ содержимого сообщений, электронной почты, истории браузера;

- экспертиза фотографий, видеозаписей и аудиозаписей.

Среди правоохранительных органов широко распространены специальные системы мониторинга в Darknet.

Эти системы предоставляют возможность поиска адресов скрытых сайтов, рекламы на них, продаваемых товаров и пользователей, а также автоматического анализа информации на форумах. Такие инструменты иногда используют искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения, чтобы они могли обнаружить потенциальную преступную деятельность на ранней стадии.

Данные по мобильным телефонам подозреваемых в обороте наркотиков станут ценным источником информации для расследования. На мобильных устройствах может храниться список контактов подозреваемого, переписка в мессенджере, данные геолокации, изображения и видеозаписи. Для получения таких данных правоохранительным органам необходимо специальное программное обеспечение (например, UFED, XRY).

Незаконный оборот наркотических средств с использованием глобальной сети Интернет – один из самых актуальных и сложных видов преступлений современности. Анонимность, услуга без границ, анонимные платежи через криптовалюту, широкое использование инструментов шифрования становятся серьезным испытанием для правоохранительных органов.

Тем не менее расширяется и возможность расследования наркопреступлений, осуществляемых через Интернет. Укрепление международного сотрудничества, развитие цифровых технологий и экспертных инструментов, появление эффективных способов анализа криптовалютных транзакций предоставляют следственному органу необходимые методы и ресурсы.

Правоохранительным органам Республики Казахстан важно совершенствовать механизмы, направленные на борьбу с наркопреступлениями в Интернете, путем изучения мирового опыта, взаимодействия с международными организациями и гармонизации национального законодательства с международными стандартами.

Кроме того, требуется подготовить квалифицированные кадры с юридической и технической точки зрения. Следователям и экспертам необходимо накопить глубокие знания и опыт в области киберпреступности, понять методы шифрования и анонимизации, освоить протоколы работы с электронными доказательствами. Надлежит также законодательно регламентировать криптовалютные операции, уточнить обязательства интернет-провайдеров по хранению данных, совершенствовать порядок представления и экспертизы электронных доказательств.

Таким образом, расследование незаконного оборота наркотических средств через Интернет – комплексная работа, требующая международного сотрудничества и эффективного использования современных технологий. В будущем только путем повышения технической оснащенности правоохранительных органов и квалификации сотрудников, а также формирования культуры безопасного использования Интернета в общественном сознании можно будет эффективно бороться с преступлениями в этой сфере, предотвращая их.

Список библиографических ссылок

1. Национальное бюро статистики. URL: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 01.04.2025).
2. United Nations Office on Drugs and Crime. World Drug Report 2021 / UNODC. Vienna: United Nations publication, 2021. 156 p.
3. Martin J. Drugs on the Dark Net: How Cryptomarkets are Transforming the Global Trade in Illicit Drugs. London: Palgrave Macmillan, 2014. 256 p.
4. Дараган В. В. Криптовалюта как средство совершения киберпреступлений: правовые и технические аспекты // Юридический вестник. 2019. № 3. С. 45–51.
5. Foster P. Digital Forensics in Cybercrime Investigations. New York: Routledge, 2018. 312 p.
6. Chainalysis. The 2022 Crypto Crime Report. Chainalysis Inc, 2022. 90 p.

7. INTERPOL. International cooperation in the fight against cybercrime / INTERPOL. Lyon: Interpol Public Information, 2020. 64 p.

© Акимжанов Е. С., Самигуллина Ж. С., 2026

Мария Михайловна Бондарь,
доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

На сегодняшний день уголовно-процессуальная политика в России отражает стремление государственной власти страны к модернизации и оптимизации уголовно-процессуальной системы, повышению транспарентности уголовного процесса. Уголовное преследование выступает приоритетным направлением деятельности стороны обвинения в уголовном процессе, а также одним из ключевых составляющих назначения уголовного процесса (ч. 2 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)) [1].

Вопрос о понятии уголовного преследования и содержании указанного института остается традиционно дискуссионным как в теории уголовного процесса, так и в правоприменительной практике. Как правильно утверждают Качалова О. В. и Качалов В. И., развитие уголовного процесса – это «перманентный поиск наиболее эффективных вариантов разрешения уголовно-правовых конфликтов, оптимальных форм предварительного расследования и разрешения уголовного дела, пересмотра вынесенных решений и устранения возможных судебных ошибок» [2, с. 37–39]. Поскольку именно уголовное преследование представляет собой наиболее продолжительный этап уголовного судопроизводства, отличающийся различными процессуальными формами, основной акцент в модернизации нормативного регулирования уголовного процесса необходимо сделать именно на этой деятельности.

Отметим при этом, что содержанием уголовного преследования является урегулированная уголовно-процессуальным законом деятельность должностных лиц, включающая комплекс процессуальных действий и решений государственных органов, направленных на выявление лиц, совершивших преступления, сбор доказательств виновности и привлечение последних к ответственности.

Должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование согласно закону, выступают следователь, дознаватель, а также руководитель

следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и прокурор. Реализуют в своей деятельности комплекс процессуальных действий и решений, направленных на выявление лиц, совершивших преступления, сбор доказательств виновности лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, и привлечение последних к ответственности.

Исходя из комплексного анализа уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, можно сделать вывод о том, что уголовное преследование осуществляется как в отношении конкретного лица (т. е. в персонифицированной форме), так и в отношении лица, данные о котором еще неизвестны (неперсонифицированной форме). Несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон в дефинитивной норме (п. 55 ст. 5 УПК РФ) определяет уголовное преследование как деятельность в отношении лица, обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого (персонифицированное преследование), говорит о начале уголовного преследования, реализация положений, предусмотренных чч. 1 и 1.1 ст. 144, а также п. 6 ч. 3 ст. 49, п. 1 ч. 1 и п. 3 ч. 4 ст. 46, свидетельствует о возможности осуществлять изобличительную деятельность, в том числе на этапе проверки сообщения о преступлении, в том числе в отношении неизвестного лица (неперсонифицированное преследование). При этом высшие органы судебной власти аналогичные выводы обосновали в своих решениях.

Так, Конституционный Суд РФ утверждает о необходимости учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, в том числе посредством производства в отношении него процессуальных действий в целях изобличения или свидетельствующих о наличии подозрений против него [3]. Верховный Суд РФ закрепил, что должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, и суд обязаны разъяснять лицу, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому (оправданному, осужденному, лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено) право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, установив, что невыполнение этого требования уголовно-процессуального закона влечет признание объяснений лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении, а также показаний вышеуказанных лиц полученными с нарушением закона [4].

В целях единообразного и правильного понимания и применения уголовно-процессуального закона (особенно в самой «травмирующей» личности части его действия – уголовном преследовании) видится необходимым определить термин «уголовное преследование» как процессуальную деятельность должностных лиц, начинающуюся с момента поступления сообщения о преступлении и завершающуюся поддержанием государственным обвинителем обвинения в суде, осуществляющаяся в персонифицированной и неперсонифицированной формах, в целях обеспечения правильного применения уголовного закона. В рамках рассмотрения уголовного преследования как деятельности следует говорить о том, что это целенаправленная правоприменительная деятельность уполномо-

ченных уголовно-процессуальным законом должностных лиц, каждый субъект которой обеспечивает правильное применение уголовного закона для последующих адресатов доказывания (субъектов доказывания в лице принявших к производству уголовное дело органов предварительного расследования) и для конечного адресата доказывания – суда. Именно обеспечение правильного применения закона является целью уголовного преследования, составляющего ядро предварительного расследования, предшествующего осуществлению правосудия судом.

Касательно субъектного состава должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, проблемным полем представляется нормативная регламентация правового положения следователя как одного из лидирующих участников уголовного процесса, осуществляющего уголовное преследование. Несмотря на значимую роль следователя в реализации уголовного преследования, в норме, устанавливающей круг его полномочий, отсутствует указание на реализацию последним уголовного преследования. При условии, что существенную долю досудебного производства занимает именно предварительное расследование, и, обратившись к статистике, можно сказать о том, что 61,2 % от числа зарегистрированных преступлений в период с января по декабрь 2025 г. составили преступления, по которым предварительное следствие обязательно [5]. В то же время норма, регламентирующая положение прокурора в уголовном процессе, по своей сути лишенного должного инструментария на прямое осуществление уголовного преследования в досудебном производстве, прямо закрепляет этого участника как субъекта, непосредственно реализующего уголовное преследование. Такое положение представляется, по крайней мере, нелогичным и предопределяет необходимость внесения в текст ст. 38 УПК РФ прямого указания на осуществление следователем уголовного преследования, учитывая его главенствующую роль в данном виде деятельности на досудебных стадиях уголовного процесса.

Рассматриваемые нормативные несовершенства российского уголовно-процессуального законодательства имеют место ввиду того, что институт уголовного преследования в России прошел долгий путь становления и эволюции – от чисто обвинительного (репрессивного) до состязательного (с обеспечением равноправия сторон и свободного доступа к правосудию). Безусловно, что такой переход от традиционных институтов к новым условиям осуществляется постепенно и не может исключать недочеты в процессе реформирования. Однако первоочередной задачей, стоящей перед законодателем на современном этапе развития уголовно-процессуального права, учитывая стремительную цифровизацию уголовного процесса, появление новейших форм преступности и разнообразие способов совершения преступлений, наряду с «количественным» и «качественным» кадровым составом органов уголовного преследования, видится именно четкое и корректное закрепление в тексте закона основополагающих положений, которые определяют сущность и содержание уголовно-процессуальной деятельности, позволяют однозначно понимать и применять уголовно-процессуальный закон, осуществлять уголовное преследование.

Список библиографических ссылок

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Качалова О. В., Качалов В. И. Прекращение уголовного преследования и вопросы эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Российская юстиция. 2025. № 6. С. 37–45.
3. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 г. // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 20.01.2026).

© Бондарь М. М., 2026

Наталья Алексеевна Бутяева,
адъюнкт Краснодарского университета МВД России

АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ ОШИБОК ПРИ ПОДГОТОВКЕ И НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ФАКТУ ХИЩЕНИЯ В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Хищения в сфере благотворительной деятельности представляют собой категорию преступлений с экономической направленностью, они негативно отражаются не только на общественной жизни граждан, но и на функционировании национальной экономики. В связи с этим расследование данных преступлений требует проведения финансового анализа всех документов, относящихся к административно-хозяйственной и финансовой деятельности некоммерческих организаций, осуществляющих благотворительную деятельность.

Расследование хищений, совершенных лицами, не имеющими отношения к деятельности благотворительных организаций, но собирающими пожертвования под предлогом благотворительной помощи и посредством информационно-телекоммуникационных технологий, также требует проведения финансового

анализа или назначения судебных экспертиз. В этом случае расширяется спектр документов и материалов, подлежащих экспертной оценке.

Назначение экспертиз обусловлено необходимостью выявления корректности, правдивости отражения сведений, законности показателей, установления цепочки и связи потоков денежных средств. Эксперт в рамках производства экспертизы оценивает уровень искажения экономической информации, степень влияния на определенные аспекты финансово-хозяйственной деятельности некоммерческой организации [1, с. 98].

При анализе действительной практики по судебным делам данной категории мы пришли к выводу, что заключения экспертов и результаты судебных экспертиз могут стать существенным основанием при доказывании вины подозреваемого (подозреваемых). Результаты анкетирования следователей Краснодарского края, Республики Адыгея и иных регионов РФ позволили выделить экспертизы, которые наиболее часто назначаются на стадии возбуждения уголовного дела по фактам хищений денежных средств в сфере благотворительной деятельности: судебно-бухгалтерская (73 % респондентов выбрали данный вариант ответа), судебно-компьютерно-техническая (64 %), судебно-почерковедческая (41 %).

Назначение судебных экспертиз и их производства позволяет решить несколько основных вопросов на стадии возбуждения уголовного дела. Во-первых, судебно-бухгалтерские экспертизы дают ответы на вопросы о целевом или нецелевом распределении денежных средств, которые были перечислены в фонд на благотворительные нужды. Во-вторых, судебно-бухгалтерская экспертиза позволяет определить разницу (при ее наличии) между документальными и фактическими данными, которые отражены в отчетности фонда (источники финансирования, остатки, распределение, движение денежных средств). В-третьих, судебная компьютерно-техническая экспертиза может определить незаконные изменения в электронной документации некоммерческой организации, которая ведет благотворительную деятельность (изменения в программном обеспечении, подделка и изменение электронных файлов, фальсификация) [2, с. 234].

Так, на стадии возбуждения уголовного дела по факту хищения денежных средств в сфере благотворительной деятельности следователь назначил судебно-бухгалтерскую и судебно-почерковедческую экспертизы. Судебно-бухгалтерская экспертиза была назначена на предмет установления движения денежных средств с расчетных счетов потерпевшего и подсудимого. Согласно заключению эксперта факт перевода денежных средств потерпевшим подсудимому Р. С. Добровольскому получил подтверждение, что впоследствии также стало основанием для возбуждения уголовного дела. Заключение эксперта по судебно-почерковедческой экспертизе позволило определить недостоверность подписи в заявлениях на закрытие счета (принадлежала подсудимой М. А. Кукушкиной), что также стало одним из основных доказательств по делу [3].

Исходя из ответов сотрудников экспертно-криминалистических центров МВД России и следователей Краснодарского края и республики Адыгеи, судебно-бухгалтерская экспертиза занимает от одного до трех месяцев, что обу-

словливается состоянием бухгалтерского учета и отчетности у исследуемого экономического субъекта (51 % респондентов выбрали данный вариант ответа) и объемом материалов, представленных в распоряжение эксперта в области проведения бухгалтерских экспертиз (42 %). Предмет экспертизы носит довольно специфический характер – это документы, содержащие определенную финансовую (бухгалтерскую) информацию (финансовые отчеты некоммерческой организации, кассовые документы, банковские выписки, сметы расходов, грантов или актов выполненных работ, справки из Федеральной налоговой службы, Министерства юстиции РФ).

Проведение экспертизы и ее результаты во многом зависят от первоначальных действий следователя, который собирает объекты для передачи эксперту и готовит ряд вопросов, подлежащих изучению экспертным лицом [4]. Так, в ходе анкетирования сотрудников экспертно-криминалистических центров МВД России были определены типичные ошибки, которые могут быть допущены следователем при назначении экспертизы по факту хищений в некоммерческой организации, в том числе в сфере благотворительной деятельности:

- несвоевременность назначения экспертизы (71 % респондентов выбрали данный вариант ответа);
- указание в постановлении о назначении экспертизы не всех вопросов (51 %);
- некорректная, нечеткая или неясная формулировка вопросов (47 %);
- недостаточная полнота изложения обстоятельств произошедших событий (24 %);
- вопросы, выходящие за пределы специальных знаний эксперта-бухгалтера (12 %);
- вопросы, выходящие за пределы компетенций эксперта (8 %).

Для правильной формулировки вопросов, предполагаемых к разрешению экспертом, необходимо изучение документов, электронных носителей информации, обстоятельств уголовного дела, которые в дальнейшем могут быть представлены следователем на экспертизу. При проведении указанных мероприятий следователем совместно со специалистом, обладающим специальными познаниями в определенной области экономики, могут быть выработаны надлежащие вопросы, перечень которых позволит установить фактические обстоятельства совершения преступления и истину по делу на этапе предварительной проверки [5].

Таким образом, эмпирические результаты исследования позволили выявить ряд типичных ошибок, которые могут быть допущены следователями при назначении судебных экспертиз по факту хищения денежных средств в сфере благотворительной деятельности. На основе рассмотренных ошибок были выработаны рекомендации следователям, которые занимаются расследованием дел данной категории. Для достоверности и эффективности проведения судебных экспертиз следователь должен:

- 1) указать в постановлении корректные, полные и четкие вопросы, необходимые для проверки документационного обеспечения деятельности благотворительной организации;

2) в полной мере изложить в постановлении о назначении судебной экспертизы обстоятельства хищения денежных средств, предназначенных на благотворительные нужды;

3) выбирать для назначения экспертизы допустимые, проверенные (с точки зрения информативности) объекты;

4) организовать консультацию с экспертом по разъяснению экспертного заключения.

Список библиографических ссылок

1. Новиков С. А., Сафонова Т. Б. Значение судебной экспертизы при расследовании преступлений экономической направленности // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 1. С. 97–100.

2. Тимохина М. И. Роль и значение судебных экспертиз в расследовании преступлений экономической направленности // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 12. С. 234–236.

3. Приговор № 1-11/2022 от 3 февраля 2022 г. по делу № 1-11/22. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskiy/services/cases/criminal/details/dd978c80-80d8-11eb-92e1-a19b0f0fe77b> (дата обращения: 03.04.2025).

4. Пименов Н. А. Финансовые расследования: основные подходы // Финансы: Теория и Практика. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyerassledovaniya-osnovnye-podhody> (дата обращения: 03.04.2025).

5. Лебедев И. А., Ефимов С. В. Финансовые расследования: российская практика и зарубежный опыт // Аудиторские ведомости. 2018. № 10. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/40915> (дата обращения: 25.03.2025).

© Бутяева Н. А., 2026

Василий Герасимович Глебов,
профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Вопросы эффективности правовых установлений различного уровня регулирования давно являлись объектом научных исследований таких ученых-юристов, как А. Д. Бойков, З. З. Зинатуллин, А. М. Ларин, Т. Г. Морщакова, Ф. П. Пашкевич, И. Л. Петрухин и др. В настоящий момент, как представляется,

актуальность этого направления научной работы сохранилась и нацелена в основном на выработку предложений по совершенствованию законодательства с учетом существующих в нашем государстве тенденций по изменению социально-правовых отношений.

Одним из важных и проблемных аспектов анализа эффективности в юриспруденции выступает определение соответствующих критериев и показателей, которые позволяют делать достаточно обоснованные выводы о степени эффективности той или иной нормы права или правового института. Однако единого мнения по результатам проведенных исследований до настоящего времени так и не выработано [1, с. 180].

Наиболее значимой работой можно указать диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук О. И. Даровских, в которой она подвергла достаточно глубокому анализу проблемы эффективности уголовно-процессуальной деятельности [2].

Анализ высказанных в связи с этим предложений приводит к выводу о том, что большинство ученых склоняются к использованию такого подхода, как «практика – критерий истины». Подобное видение вопроса позволяет сделать важный вывод применительно к проблематике данной статьи – эффективность уголовного судопроизводства, в том числе и следственных действий, зависит и определяется не только нормами, регламентирующими непосредственно их производство, но и нормами, характеризующими правовое положение участников этой деятельности. Кроме того, на достижение целей доказывания оказывают существенное влияние нормы обеспечительного характера, применение которых в практической деятельности по доказыванию создает для нее же наиболее благоприятные условия. Это касается главным образом мер уголовно-процессуального принуждения и ответственности, а также обеспечительных (охранных) требований.

С 2009 г. в уголовный процесс России был введен новый правовой институт – досудебное соглашение о сотрудничестве, правила реализации которого были закреплены в гл. 40.1 УПК РФ «Особый порядок вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Значимость содержащихся в ней новелл трудно переоценить, несмотря на продолжающиеся до сих пор дискуссии среди ученых-процессуалистов и практиков-правоприменителей о положительных или отрицательных сторонах соответствующих процессуальных процедур.

Вместе с тем анализ эффективности действия данной особой процессуальной процедуры в любом случае позволяет признать, что она в целом успешно работает, позволяя в основном обеспечивать привлечение к установленной ответственности и неотвратимость наказания лиц за совершенные преступления. В первую очередь это касается составов преступлений, связанных с их совершением группой лиц. Это обусловлено тем, что в соответствии с положениями процессуального закона применение досудебного соглашения о сотрудничестве предусматривает и такие цели, как «содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступ-

ления» (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). Такой подход открывает достаточно широкие возможности для правоприменительной практики органов предварительного расследования.

Однако утверждать о массовом заключении соглашения о сотрудничестве с подозреваемыми или обвиняемыми нельзя, но определенные тенденции увеличения таких дел за прошедшие годы прослеживаются. При этом усматривается определенная количественная стабильность по числу лиц, с которыми были заключены досудебные соглашения о сотрудничестве, и по таким делам, рассмотренным судами.

Сказанное подтверждают статистические данные о применении досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, в 2023 г. судами с применением особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве было рассмотрено 2 912 уголовных дела в отношении 2 757 подсудимых [3]. За первое полугодие 2024 г. рассмотрено 1 309 таких уголовных дел, по которым осуждено 1 218 лиц [4]. Сравнение этих данных за последние два года говорит об их сопоставимости и определенной стабильности.

В то же время по сравнению с общим количеством рассмотренных уголовных дел и числом осужденных по ним (254 224 и 268 657 соответственно за шесть месяцев 2024 г.) в процентном отношении дела с применением досудебного соглашения о сотрудничестве составляют всего около 0,5 %.

Конечно, говорить о массовом склонении подозреваемых и обвиняемых к заявлению ходатайств о заключении с ними органами предварительного расследования досудебного соглашения о сотрудничестве нереально. Однако использовать такую возможность можно, особенно применительно к преступлениям, совершенным в соучастии или группой лиц. Поэтому важным видится анализ составов преступлений, по которым судами были рассмотрены уголовные дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40.1 УПК РФ.

Так, наибольшее количество заключенных досудебных соглашений о сотрудничестве и рассмотренных судами в первом полугодии 2024 года уголовных дел касалось следующих преступлений: незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами – 377; мошенничество – 164; кража – 114; бандитизм, организация незаконных формирований, банд и преступных организаций или участие в них – 21.

В предыдущий 2023 г., кроме того, в число лидеров попали: нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта – 168; получение взятки – 152; преступления в сфере экономической деятельности – 113; другие преступления против интересов службы в органах власти и местного самоуправления – 95; присвоение или растрата – 63; умышленное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью – 31.

В числе «отстающих» оказались преступления террористической, экстремистской, коррупционной направленности, т. е. те, которые связаны с их совершением группой лиц, и где есть возможность склонить и убедить конкретных подозреваемых или обвиняемых к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве.

Между тем эту специфическую особенность таких видов преступлений можно рассматривать в двух аспектах. В уголовно-правовом аспекте в соответствии с положениями гл. 7 УК РФ – как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, что предполагает возможное наличие организатора, исполнителя, подстрекателя и пособника, или же совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией).

С другой стороны, эти преступления можно рассматривать как коллективно-групповое деяние, как организационно-криминальное явление. Это обстоятельство позволяет в целях раскрытия, расследования таких преступлений и изобличения совершающих их лиц комплексно использовать различные средства как уголовно-правового, уголовно-процессуального характера, так и криминалистического, предполагающего применение соответствующих тактических и методических рекомендаций.

В первую очередь подобные возможности заложены в предусмотренных уголовным законом правилах об освобождении от уголовной ответственности лиц, принимавших участие в совершении преступлений, например, экстремисткой направленности (при соблюдении указанных в примечаниях к ст. 282.1–282.3 УК РФ условий). Предусматривается также обязательное ограничение срока и размера наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 61, 62 УК РФ), среди которых указывается и «активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления».

Однако, как показывают данные правоприменительной практики, возможности, заложенные в рассматриваемом процессуальном средстве по раскрытию и расследованию преступлений, в том числе изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, используются далеко не в полной мере.

Да, следует признать, что в ряде случаев за совершение преступлений, совершенных несколькими лицами, по уголовным делам привлекается один обвиняемый, но вероятность установить сведения о причастности других лиц к этим или иным преступлениям достаточно высокая. По всей видимости, как показывают опросы следователей и прокуроров, основная причина кроется в том, что они занимают пассивно-выжидательную позицию, надеясь, что соответствующее ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве будет подано подозреваемым или обвиняемым, как правило, по рекомендации их защитников.

В связи со сказанным, с позиций обеспечения неотвратимости уголовной ответственности и наказания, к одному из элементов принципа публичности совершенно справедливо некоторые процессуалисты относят «требование процессуально-должностной активности в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс» [5, с. 37].

Для повышения эффективности использования возможностей досудебного соглашения о сотрудничестве можно предложить закрепить в УПК РФ требование об обязательном разъяснении следователями по уголовным делам о преступлениях, совершенных группой лиц, права подозреваемому или обвиняемому на заключение соответствующего соглашения и позитивных последствий принятия и выполнения условий такого решения. Например, вполне логично это сделать при предъявлении обвинения.

Конечно, при этом возникают и вопросы к степени обеспечения прав и законных интересов других участников процесса. Причина негативной оценки реализации данного требования кроется в противоречивости терминологии, используемой в законе. Так, п. 61 ст. 5 УПК РФ, раскрывая понятие досудебного соглашения о сотрудничестве, указывает, что оно заключается «между сторонами обвинения и защиты». А положения главы 40.1 УПК РФ предусматривают непосредственное участие в этой процедуре со стороны обвинения следователя, руководителя следственного органа и прокурора. Однако к стороне обвинения относятся также потерпевший и гражданский истец, которые, несмотря на наличие у них своего правового интереса в деле, никаких прав на участие в заключении соглашения не имеют. Закон даже не предусматривает уведомление этих участников процесса о факте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Аналогичная ситуация складывается и с процессуальным положением гражданского ответчика и законного представителя, так как непосредственно со стороны защиты в заключении досудебного соглашения участвуют подозреваемый или обвиняемый, а также их защитники. Поэтому для устранения (хотя бы частично) данной проблемы представляется возможным закрепить в процессуальном законе обязанность уведомления других участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты о поступившем ходатайстве обвиняемого и результатах его рассмотрения, а также право обжаловать принятые решения.

Список библиографических ссылок

1. Григорьева М. Л. Эффективность уголовно-процессуальной деятельности: понятие и критерии // Закон и право. 2024. № 8. С. 180–183.
2. Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. 538 с.
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809> (дата обращения: 24.01.2025).
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2024 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773> (дата обращения: 24.01.2025).

5. Аширбекова М. Т., Кудин Ф. М. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации). Волгоград: ВолГУ, 2007. 239 с.

© Глебов В. Г., 2026

Сергей Алексеевич Гордейчик,
судья Волгоградского областного суда,
кандидат юридических наук

ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЬЕЙ РЕШЕНИЯ ВЫШЕСТОЯЩЕГО СУДА

В судебной практике нередко возникает ситуация, когда вышестоящим судом отменяется или изменяется приговор или иное решение нижестоящего суда, при этом судья последнего не согласен с принятым вышестоящим судом решением. Возникает вопрос о возможности судьи обжаловать акт вышестоящего суда.

Отрицательный ответ на поставленный вопрос, на первый взгляд, очевиден, поскольку согласно ст. 401.2 УПК РФ [1] судья не указан в перечне лиц, наделенных правом обжалования состоявшегося решения. Однако уголовно-процессуальный закон наряду с другими участниками процесса упоминает «иных лиц», при условии, если оспариваемым решением суда нарушаются их права и законные интересы. Согласно абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 (ред. от 29.06.2021) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» таковыми признаются залогодатель, заявитель, если по его сообщению о преступлении не возбуждено уголовное дело, владелец имущества, подвергнутого аресту [2].

Правильный ответ на вопрос, относится ли судья к «иным лицам», напрямую зависит от того, затрагивает ли решение вышестоящего суда права и законные интересы названного судьи. Здесь необходимо коснуться вопроса о дисциплинарной ответственности судьи за принятые им решения. Согласно п. 2 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон) [3] не допускается привлечение судьи к любому виду ответственности за высказанное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, за исключением случаев, когда вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в вынесении заведомо неправосудного судебного акта.

Данная гарантия независимости судьи неоднократно ставилась под сомнение в научных и практических кругах, высказывались мнения о необходимости привлечения судей к дисциплинарной ответственности в случае отмены или изменения их решения вышестоящим судом [4; 5].

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ и статей 19, 21 и 22 Федерального закона „Об органах судейского сообщества в Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко» также отметил, что поводом для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, вплоть до прекращения его полномочий, может стать вынесение им неправомерного судебного акта [6].

Указанная правовая позиция нашла отражение в практике работы квалификационной коллегии судей Волгоградской области (далее – Коллегия).

Так, по решению Коллегии на судью Г. наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания. Поводом послужило обращение первого заместителя руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области, в котором выражалось несогласие с принятыми судьей решениями по ряду уголовных дел, которые впоследствии были отменены вышестоящим судом как незаконные. Коллегия пришла к выводу о том, что судья при рассмотрении уголовных дел грубо и систематически нарушала нормы УПК РФ, в результате чего были ущемлены права сторон, не соблюдены разумные сроки уголовного судопроизводства, а также судья уклонилась от принятия итогового судебного решения, что дало возможность виновным лицам в связи с истечением сроков давности избежать уголовной ответственности за совершенные ими деяния [7].

Оставляя без изменения решение Коллегии и отклоняя доводы Г. о недопустимости привлечения ее к дисциплинарной ответственности за выраженное ей при осуществлении правосудия мнение в силу п. 2 ст. 16 Закона, Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации указала, что Г. привлечена к ответственности не за принятое решение или высказанное мнение, а за несоблюдение норм уголовно-процессуального законодательства [8].

В названном примере обе коллегии разграничили мнение судьи и соблюдение требований норм уголовно-процессуального законодательства при принятии решения, хотя судья может и должен высказывать свое мнение только в рамках установленных законом процедур. Любое несогласие с мнением судьи вышестоящий суд может выразить только через констатацию допущенного судьей существенного нарушения закона, причем трактовка последнего полностью зависит от усмотрения судьи вышестоящей судебной инстанции. В связи с этим любая отмена судебного решения вышестоящим судом может рассматриваться как основание для привлечения судьи нижестоящего суда к дисциплинарной ответственности.

Кроме этого, понятие дисциплинарного проступка, закрепленное в ст. 12.1 Закона, носит неопределенный характер, содержит множество оценочных признаков, на что обоснованно указывалось в юридической литературе. Это предоставляет широкие возможности для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности после отмены или изменения его решения вышестоящим судом.

Необходимо также указать, что решение вышестоящего суда не является истиной в последней инстанции и тоже может быть отменено.

Например, согласно постановлению мирового судьи судебного участка Ч., обвиняемый по ст. 319 УК РФ, на основании ст. 76.2 УК РФ от уголовной ответственности освобожден, ему был назначен судебный штраф. Апелляционная инстанция Ленинского районного суда г. Севастополя данное решение оставила без изменения.

Четвертый кассационный суд общей юрисдикции названные судебные акты отменил, уголовное дело передал на новое рассмотрение, указав, что, поскольку объект преступления, в совершении которого обвинялся Ч., составляет нормальная деятельность государственных органов, судами не установлено, как выполненные Ч. действия (принесение извинений через местную газету, внесение денежных сумм на благотворительность) понижают общественную опасность содеянного. Принимая решение об отмене определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции и оставляя без изменения судебные акты мирового судьи и апелляционной инстанции, Верховный Суд РФ указал, что уголовный закон не предусматривает ограничений для освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в зависимости от объекта преступного посягательства и конструкции состава преступления, а причиненный преступлением вред может быть возмещен в любой форме.

В приведенном примере мировой судья и судья апелляционной инстанции после отмены их решений теоретически могли быть привлечены к дисциплинарной ответственности с возможной формулировкой: «За грубое нарушение норм уголовного закона, выразившееся в незаконном освобождении виновного лица от уголовной ответственности».

В связи с изложенным полагаю необходимым наделить судью правом обжалования решения вышестоящего суда об отмене или изменении его решения, если имеются достаточные основания полагать, что судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за вынесенное им решение.

Список библиографических ссылок

1. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 10.07.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Филиппов П. М. Можно ли ставить вопрос об ответственности суда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 41–50.

3. Луценко С. И. Дисциплинарная ответственность судьи за нарушение единства судебной практики // Современное право. 2020. № 4. С. 85–91. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко: постановление Конституционного Суда РФ

от 20 июля 2011 г. № 19-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

5. Квалификационная коллегия судей Волгоградской области: офиц. сайт. URL: <http://vgg.vkks.ru/> (дата обращения: 25.03.2025).

6. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://vkks.ru/> (дата обращения: 25.03.2025).

7. Аулов В. К., Туганов Ю. Н. Процедура дисциплинарной ответственности судей: пути дальнейшего совершенствования // Современное право. 2014. № 6. С. 102–105. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 117-УД23-1-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гордейчик С. А., 2026

Елена Юрьевна Дейкало,
докторант Карагандинской академии
МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова,
магистр юридических наук

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ И ГОСУДАРСТВАХ СНГ

Недра Казахстана богаты практически всеми видами минерального сырья, необходимыми для стабильного функционирования и развития национальной экономики. Минерально-сырьевая база страны составляет фундамент почти всех ее отраслей.

Опыт Казахстана в модернизации государственного управления и регулирования в области недропользования демонстрирует важность изучения международной практики для повышения эффективности и рационального использования природных ресурсов. Особое значение, на наш взгляд, имеет анализ правового регулирования недропользования в странах СНГ. Интерес к законодательству постсоветских государств обусловлен общим историческим наследием и схожими подходами к государственному управлению в этой сфере. Тем не менее каждая страна пошла своим путем в формировании административно-правовых механизмов недропользования.

В течение последних десяти лет прослеживается разнонаправленное развитие законодательства о недрах в различных странах постсоветского пространства. Степень законодательного регулирования в сфере недропользования существенно варьируется от государства к государству. Ключевым специализированным нормативным актом, регулирующим вопросы использования недр в этих странах, выступает закон о недрах.

В Республике Казахстан в настоящее время действует Закон «О недрах и недропользовании», принятый 27 декабря 2017 г. [1]. Согласно законодательству право на недропользование в Казахстане может возникать при наличии определенных юридически значимых условий, среди которых: 1) правовые нормы; 2) лицензионные режимы недропользования; 3) возможность передачи права пользования недрами и объектами, связанными с ними.

Сформировавшийся в Казахстане механизм правового регулирования в сфере использования и охраны недр считается одним из самых прогрессивных и развитых среди стран постсоветского пространства. Так, порядок предоставления права на недропользование, установленный Законом «О недрах и недропользовании» [1], имеет лицензионную основу, однако отличается рядом специфических особенностей. В зависимости от целей недропользования, законодательство предусматривает различные основания для предоставления лицензии: по результатам конкурса инвестиционных программ; по решению уполномоченного органа; по лицензии, выданной областным исполнительным органом; на основании контракта.

В частности, лицензия на разведку и (или) добычу полезных ископаемых в Казахстане предоставляется по итогам конкурса инвестиционных программ или переговоров, что является уникальной чертой казахстанского лицензионного режима и не применяется в других странах СНГ.

В Кодексе Киргизской Республики о недрах [2] сохраняется лицензионная система предоставления прав недропользования. Принятие решений о приостановлении или прекращении действия лицензии должно основываться на прозрачных правовых процедурах с обязательным учетом позиций заинтересованных сторон.

Аналогично в Молдове Кодекс о недрах [3], как и законодательство Киргизской Республики [2], связывает предоставление права недропользования с выдачей лицензии и оформлением горного отвода.

В Республике Казахстан право недропользования классифицируется как временное или постоянное. Срок действия лицензии и контракта определяется соглашением сторон в рамках условий лицензии и положений типового контракта. В частности, при наличии лицензии на разведку недр срок недропользования может продлеваться дважды, каждый раз – не более чем на два года [1]. В то же время Кодекс «О недрах» Республики Молдова [4] предусматривает срочное и бессрочное недропользование, однако конкретные сроки устанавливаются правительством, а не закреплены в самом кодексе.

На Украине законодательство в сфере недропользования допускает участие иностранных юридических лиц и граждан в добыче и переработке минерального сырья на основе соглашений (контрактов) [5]. Однако Конституционный суд Украины признал недопустимым предоставление недр в пользование иностранным субъектам, поскольку это нарушает суверенное право народа Украины на природные ресурсы, учитывая их невозобновляемый характер.

Среди законодательных актов стран СНГ наиболее развернутое и структурированное регулирование в сфере недропользования представлено в Кодексе Республики Казахстан «О недрах и недропользовании». Согласно казахстан-

скому законодательству условия контрактов, противоречащие условиям лицензии, признаются недействительными. При этом порядок заключения контрактов, а также ограничения или прекращение прав недропользователей регулируются правительством Казахстана.

Одним из ключевых институциональных элементов является способ предоставления прав на недропользование. В Казахстане, как и в Киргизии, используются два основных метода – проведение конкурсов и прямые переговоры. Однако в Казахстане именно конкурс выступает главным механизмом предоставления прав на недропользование. Контракты на разведку, добычу или соvmещенные работы заключаются на основе результатов конкурса. При этом закон четко регламентирует, в каких случаях допускается предоставление прав через прямые переговоры.

Как видно из вышеизложенного, в странах СНГ в последние два года ведется системная работа по совершенствованию законодательства в области недропользования. Эти реформы опираются на накопленный опыт правоприменительной практики, начиная с момента принятия профильных законов. Однако модернизация законодательства в разных странах происходит неравномерно и отражает особенности экономического развития, состояния правовой системы и текущую ситуацию на рынке природных ресурсов.

Сравнительный анализ подходов к регулированию недропользования в СНГ позволяет заключить, что именно в Казахстане сформировался наиболее развитый и прогрессивный правовой механизм регулирования в этой сфере.

Например, на Украине современный этап реформ в области недропользования сосредоточен на создании системы, определяющей правовые основания для предоставления специального права на использование недр. Для достижения успеха в этом направлении необходимо четкое законодательное регулирование правового режима недр [6].

Таким образом, среди всех законодательств стран СНГ именно казахстанский Кодекс «О недрах и недропользовании» наиболее полно охватывает ключевые аспекты: режим пользования недрами, порядок государственного управления и регулирования, особенности возникновения, осуществления и прекращения прав на недра, правовой статус недропользователей и их деятельность, а также механизмы распоряжения правами недропользования и другие важные вопросы, связанные с использованием недр [1].

Список библиографических ссылок

1. Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 2017 г. № 125-VI ЗРК «О недрах и недропользовании». URL: <http://zakon.uchet.kz> (дата обращения: 30.03.2025).
2. Закон Кыргызской Республики «О недрах» от 19 мая 2018 г. № 49. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 30.03.2025).
3. Кодекс «О недрах» Республики Молдова // Монитор Парламента Республики Молдова. 1993. № 11. ст. 62.

4. Леонова О. В. Общая характеристика административно-правовых отношений в сфере недропользования // Право и общество. Научный журнал. 2010. № 4. С. 149–155.

5. Кодекс Украины «О недрах»: закон Украины от 27 июля 1994 г. № 132/94-ВР // Ведомости Верховной Рады Украины. 1994. № 36. ст. 340.

6. Леонова О. В. Нормативно-правовое регулирование отношений недропользования в Украине: современное состояние и перспективы совершенствования // Вестник Академии таможенной службы Украины. Серия: Право. 2010. № 2 (5). С. 70–78.

© Декайло Е. Ю., 2026

Евгений Иванович Замылин,
профессор кафедры криминалистики
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

И СНОВА О ТАКТИКЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА В ХОДЕ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

***Признание проблемы – половина успеха
в ее разрешении.***

Зигмунд Фрейд – психолог, психоаналитик, психиатр и невролог

Потерпевший и свидетель в уголовном судопроизводстве незаменимы; они выступают носителями искомой информации в процессе выяснения обстоятельств по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя (дознателя). В ходе предварительного расследования показания данной категории участников процесса формируются в большинстве случаев как результат их личного восприятия момента совершения уголовно наказуемого деяния, т. е. они созданы самими обстоятельствами дела. Однако в литературе в отношении свидетельских показаний имеют подчас место высказывания, ставящие под сомнение доказательственную значимость исходящей от них информации. Определенную роль в столь неоднозначной оценке в деле установления истины сыграло стремительное развитие естественных и технических наук на рубеже XIX–XX вв., достижения которых стали применяться в процессе раскрытия и расследования преступлений. В этот период в ущерб доказательственной ценности свидетельских показаний происходило «возвеличивание» вещественных доказательств, так называемых немых свидетелей, которые якобы со временем смогут окончательно вытеснить из уголовного судопроизводства источники доказательств, «наделенные даром речи».

Однако правоприменительная практика и время убедительно доказали обратное: практически не существует уголовных дел, при расследовании по которым следователь или лицо, производящее дознание, не прибегали бы к допросу; количественное соотношение показаний потерпевших и свидетелей среди иных источников доказательственной информации по делу исчисляется 80–90 %. Касаясь исследуемой проблемы, еще более 100 лет назад прокурор А. В. Скопинский, один из представителей высшего чиновничества Российской империи, относил показания данных фигурантов по делу к «альфе и омеге уголовного процесса» [1, с. 3]. Соответственно, установление с ними психологического контакта как обладателями искомой и востребованной в ходе расследования информации является актуальной и насущной потребностью в деятельности следователя.

В зарубежной криминалистической литературе, затрагивающей проблемы установления психологического контакта, следователю рекомендуется применять в ходе допроса ряд приемов, которые, как нам кажется, заслуживают внимания и представляют определенный интерес, а именно:

- дружелюбно, но не фамильярно приветствовать допрашиваемого, представляться ему;
- не подчеркивать своего служебного положения и не создавать образ службиста;
- убирать со стола бумагу и пишущие приборы (записи во время допроса препятствуют установлению доверия);
- допрашивая, следователь должен сидеть и смотреть в глаза собеседнику, не вскакивать, не ходить, так как, с одной стороны, это ослабляет контакт, а с другой – свидетельствует о его нервозности;
- говорить понятно для допрашиваемого [2, с. 95–96].

В работах отечественных криминалистов и психологов нашли отражение наиболее общие направления достижения делового сотрудничества между взаимодействующими сторонами – следователем и потерпевшим (свидетелем), которые в основном сводятся к рекомендациям по его формированию посредством применения тактических приемов, направленных на стимулирование желания участника уголовного процесса передать следователю достоверную информацию, имеющую значение для расследования, а тот в рамках требований законодательства ее зафиксировать и эффективно использования по уголовному делу, находящемуся в его производстве.

Анализ и обобщение следственной практики позволил нам определиться, что среди наиболее часто используемых тактических приемов установления психологического контакта с потерпевшими и свидетелями применяются те, что заключают в себе побудительное начало, а именно: проявление искреннего интереса к личности; нейтрализация конфликтного настроения; преодоление смыслового и эмоционального «барьеров»; стимулирование интереса и активности к проводимым процессуальным мероприятиям и др. Здесь же надо признать, что достигнутый контакт «требует» поддержки на протяжении всего производства по делу; это не менее значимая составляющая тактики следователя.

Как правило, со стороны потерпевших и свидетелей не прослеживается намерений по противодействию расследованию (особенно это характерно для первоначального этапа производства по делу), но необходимость налаживания делового сотрудничества должна иметь место в деятельности должностного лица еще в период проведения организационных мероприятий по подготовке к допросу. В целом это и способ вызова того или иного индивида на допрос, и место проведения следственного действия, и манера обращения, и даже выражение лица и внешний вид следователя и т. д. Потерпевшему (свидетелю) далеко не безразличны личностные качества должностного лица, вызвавшего его на допрос. Следователь должен принять за правило, что главное здесь не занимаемая им должность и его звание; аккуратный внешний вид, подчеркнутая вежливость и искренний интерес не только к сведениям по делу, носителем которых является допрашиваемый, но и к проблемам самого обладателя информации, стимулирует у последнего желание содействовать расследованию.

Продумывая пути установления психологического контакта, следователь не может дистанцироваться от того, что вызов потерпевшего (свидетеля) по месту ведения следствия по своей сути, как и предлагаемая форма общения (допрос), носит принудительный характер. Чтобы нейтрализовать потенциальный конфликт, выбирая место допроса, определяя время его проведения и способ вызова фигуранта по делу, следователь должен исходить не только из своих служебных интересов и дефицита времени, но учитывать запросы потенциальных допрашиваемых. Выбор места допроса и создание соответствующей обстановки во многом определяется личностными (социальными) качествами допрашиваемого и его процессуальным положением. Так, лиц престарелого возраста следует допрашивать по месту их жительства; больных – по месту излечения; находящихся в отдаленной местности – по месту пребывания, не затрудняя ситуацию необходимостью преодоления значительных расстояний, принимая во внимание их временные и материальные затраты, и т. д.¹ Как итог – это благоприятно сказывается на их готовности и восприимчивости к контакту и порой нейтрализует назревающий конфликт.

Здесь же будет уместным прислушаться к мнению психологов, которые однозначно дают нам понять, что результативность получения искомой информации в ходе допроса во многом определена первым впечатлением, которое произвела каждая из взаимодействующих сторон друг на друга [3, с. 178]. Уже в ходе первой встречи (знакомства) проявляется такое важное профессионально значимое качество должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, как «умение преподать себя». В целом это проявляется и в поведенческой установке следователя на момент разъяснения прав и обязанностей участника уголовного судопроизводства и оказания ему консультаций по тем или иным правовым вопросам, и в ходе обоснования преимуществ и аргументации предлагаемого сотрудничества, и пр. Даже, казалось бы, такое довольно заурядное действие со стороны следователя, как предупреждение об уголовной

¹ Подробно об этом см.: Замылин Е. И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации. Волгоград, 1998. С. 23.

ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний, накладывает свою специфику и может породить неоднозначную ответную реакцию допрашиваемого: иногда он испытывает обиду (а бывает и проговаривает ее) за якобы высказанное ему «недоверие», а иногда и чувство страха за возможную ошибку, неточность в исходящих от него показаниях, принимая буквально на свой счет, что он предупрежден об этом и будет нести ответственность. Это произвольно сковывает допрашиваемого, накладывает свою специфику на процесс воспоминания и сотрудничества в негативном плане. На практике нам не единожды с подобным приходилось сталкиваться.

Говоря о практических путях совершенствования психологического климата, заметим, что успешная реализация рассматриваемого метода требует расширения неофициальной структуры взаимоотношений следователя и допрашиваемого. Для создания соответствующей обстановки желательно, чтобы неофициальная и официальная части допроса соответствовали и дополняли друг друга. Вполне естественно, что отдельные лица стремятся выговориться, поделиться сомнениями, тревогой, которые присущи индивиду вследствие предоставления им информации, искомой следователем, и пр. Успех общения здесь во многом обусловлен способностями следователя вникать в проблемы собеседника, а «умение слушать допрашиваемого не менее важно, чем умение задавать вопросы» [4, с. 48].

К качествам, характеризующим способности и навыки следователя вступать в контакт с незнакомыми ранее людьми, получать от них наиболее полную и достоверную информацию при проведении допроса, следует отнести коммуникативные способности: вежливость, эмоциональную устойчивость, общительность, умение находить темы для беседы, простоту, скромность, чуткость, выдержанность и др. Коммуникабельность же, в свою очередь, тесно связана с культурой общения, мышления; немаловажная роль здесь отведена языку и стилю речи как «орудиям труда» следователя. Однако речевой контакт нельзя возводить в абсолют. Информация содержится не только в вербальном выражении должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, но и в его неречевом самовыражении, манере держаться; средствами ее передачи здесь являются и тембр голоса, и мимика, и пантомимика, и жесты, и даже паузы, короткий или длительный период молчания.

Так, исследования в области межличностного общения убедительно доказали, что в процессе речевого общения непосредственно словами передается лишь 7 % полезной информации, звуками и интонацией – до 38 %, а жестами, позой, телодвижениями, перемещением в пространстве – до 55 % [5, с. 319, 371]. Поэтому следователь должен не только строго и критически отслеживать вербальные и невербальные реакции, но и обладать способностью их «прочитывать», особенно если налицо колебания фигуранта относительно принятия той или иной позиции, той или иной стороны в расследовании по делу. Способность следователя в подобной обстановке на своевременный интеллектуальный или эмоциональный «толчок» может в корне переломить неблагоприятную ситуацию, направить ее в русло делового сотрудничества.

Однако на практике складывается ситуация: многие следователи (дознаватели) не обладают должной коммуникативной компетентностью. Низкий уровень психологических знаний, отсутствие навыков профессионального общения негативно сказываются на возможности достижения психологического контакта, на предупреждении конфликта с допрашиваемым, а в целом – на получении от него достоверной и полной информации по делу. Так, в частности, игнорирование такого обязательного этапа, как подготовка к допросу, крайне отрицательно сказывается на эффективности применения тех или иных приемов психологического воздействия. Нельзя уподобляться «методу страуса» и отказываться «замечать» то, что сейчас происходит на практике, когда в ходе допроса тактические приемы, разработанные криминалистикой и апробированные в деятельности следователя, довольно часто подменяются психическим насилием в виде угроз, оскорблений и пр.

Среди факторов, имеющих значение для успешного общения, психологи выделяют надежность говорящего, понятность его сообщений. Так, Е. Мелибрда в ходе проведенных исследований обосновал положение, где лица, которые оценивались партнерами как надежные, обладали значительными возможностями влиять на собеседника, а значит, получать необходимую им информацию. К действиям, которые могут повысить надежность в глазах реципиента, он относит открытое выражение своих намерений, проявление доброжелательного отношения, демонстрацию своей компетенции в обсуждаемом вопросе, умение излагать и обосновывать свои доводы [6, с. 148–149]. Степень надежности следователя в глазах участника уголовного процесса зависит также и от того, насколько последний уверен в нем как в источнике информации. Этому способствует и логика мышления следователя, и подтверждение исходящей от него информации из других источников, и умение предвидеть развитие событий, и пр.

Таким образом, мы приходим к однозначному выводу, что, помимо прочего, важными личностными качествами должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, способствующими установлению психологического контакта с потерпевшими и свидетелями, являются интеллектуальные, характерологические, психофизиологические и др. Обладание ими формирует устойчивую деловую активность взаимодействующих сторон, упрощает решение следователем задач по формированию психологического контакта с фигурантами, вовлеченными в процесс расследования, независимо от их процессуального статуса и складывающейся следственной ситуации.

Список библиографических ссылок

1. Скопинский А. В. Свидетели по уголовным делам: пособие для практиков. М.: Кн. маг. И. К. Голубева, п/ф «Правоведение», 1911. 194 с.
2. Гусаков А. Н. Криминалистика США: теория и практика ее применения: монография. Екатеринбург: УралГУ, 1993. 125 с.
3. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком: монография. М.: МГУ, 1982. 199 с.

4. Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса: учеб.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2001. 320 с.

5. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2002. 447 с.

6. Мелибруда Е. Я – ТЫ – МЫ: Психологические возможности улучшения общения / пер. с польского Е. В. Новиковой. М.: Прогресс, 1986. 256 с.

© Замылин Е. И., 2026

Марина Владимировна Кардашевская,
профессор кафедры криминалистики
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
профессор кафедры криминалистики
Московской академии СК России им. А. Я. Сухарева,
доктор юридических наук, профессор

**СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТЯЗАНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
СОВЕРШЕННЫХ РОДИТЕЛЯМИ ИЛИ ЛИЦАМИ,
ИХ ЗАМЕНЯЮЩИМИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ**

Согласно Федеральному закону от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» государство признает детство как важный этап жизни человека. Законодательство основывается на принципах, которые направлены на обеспечение приоритетной подготовки детей к успешной интеграции в общество. Особое внимание уделяется формированию у несовершеннолетних общественно значимых и творческих компетенций, а также воспитанию высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданской ответственности [1]. Данный подход является ключевым элементом государственной политики в сфере защиты прав детей и обеспечения их гармоничного развития в контексте социально-культурных и правовых норм Российской Федерации. Поэтому любое преступление в отношении несовершеннолетних подлежит тщательному изучению, особенно когда речь идет о совершении истязания несовершеннолетнего в кругу его семьи.

В соответствии с ч. 1 ст. 117 УК РФ истязание определяется как умышленное причинение физических или моральных страданий через систематическое нанесение ударов или других насильственных действий, которые не приводят к последствиям, предусмотренным ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» и ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» УК РФ.

Пункт «г» ч. 2 указанной статьи определяет ответственность за истязание, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего. Кроме того, практике известны случаи, когда истязание несовершеннолетнего осуществлялось с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего (п. «д»). Например, А., будучи отчимом 15-летней Н., вместе с ее старшим братом Т. заподозрили Н. в краже банковской карты А. и наличных денежных средств из кошелька матери Н. А. и Т. вывезли девушку на автомобиле А. на поле за поселок, где они все вместе проживали. Там А. избил Н., требуя ее признания в краже. После этого он привязал ее к бамперу автомашины. Отчим и брат поочередно управляли автомашиной, волоча девушку по земле [2].

Кроме того, в последние годы стали появляться случаи, когда родитель снимал свои действия на видеокамеру и потом выкладывал видеозапись в сети Интернет (п. «и»). Так, отчим и мать 12-летнего К. неоднократно издевались над ним: заставляли его спать без верхней одежды в холодном помещении; морили голодом; сломали ногу; рассекли губу, а потом зашили ее в домашних условиях. Кроме того, отчим заставил мальчика съесть стиральный порошок, записал это на видеокамеру своего мобильного телефона и разместил видеозапись в социальной сети [3].

Следует отметить, что совершение истязания в отношении несовершеннолетнего не всегда являлось квалифицирующим признаком данного преступления.

Статья 113 УК РСФСР предусматривала ответственность за систематическое нанесение побоев или совершение иных действий, квалифицируемых как истязание, если они не повлекли последствий, предусмотренных ст. 108 и 109 этого же кодекса. В этой связи Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 25 сентября 1979 г. № 4 с последующими изменениями от 25 октября 1996 г. подчеркнул необходимость разграничения преступлений, предусмотренных ст. 112 и 113 УК РСФСР. В частности, было отмечено, что истязание, в отличие от деяния, описанного в ст. 112 УК РСФСР, подразумевает умышленное систематическое (более двух раз) нанесение побоев потерпевшему или совершение иных насильственных действий, направленных на причинение потерпевшему особой мучительной боли или страданий [4].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в Уголовном кодексе РСФСР основное внимание уделялось способу преступления с особым акцентом на обязательные признаки объективной стороны рассматриваемого деяния. При этом не учитывались личностные характеристики преступника и потерпевшего, их социальные связи и зависимость потерпевшего от виновного. Подобный подход обеспечивал объективность и беспристрастность в оценке преступных деяний, что являлось значимым аспектом правовой системы того времени.

Такой квалифицирующий признак истязания, как совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего, был выделен законодателем только в 1996 г. при принятии УК РФ. Признак, характеризующий способ совершения истязания – с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего, – был введен Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ. Признак, характеризующий действия преступника во время и после совершения преступления – публичная демонстрация истязания, в том числе

в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), – появился только в принятием Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ.

Учитывая специфику уголовно-правовой квалификации истязаний несовершеннолетних, совершенных родителями или лицами, их заменяющими, представляется возможным сформулировать дефиницию и раскрыть содержание криминалистической характеристики этого вида преступлений. В процессе разработки данного определения целесообразно опираться на уже существующие дефиниции криминалистической характеристики истязаний [5, с. 23; 6, с. 24], которые обладают более общим характером по сравнению с формулируемым.

Криминалистическая характеристика истязаний несовершеннолетних, совершенных родителями или лицами, их заменяющими, – это система сведений, полученных на основе анализа криминалистически значимых, устойчивых признаков истязания, обусловленных взаимосвязью обстановки совершения преступления и личности его участников, сформированная в целях наиболее эффективного выявления, раскрытия, расследования и предупреждения истязаний, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Исходя из этого, элементами данной криминалистической характеристики являются:

- личность потерпевшего несовершеннолетнего;
- способ и орудия преступления (систематическое нанесение побоев и иные насильственные действия);
- последствия преступного деяния: материальные (причинение физического вреда несовершеннолетнему, который может проявляться в виде телесных повреждений различной степени тяжести; нарушение психической стабильности, посттравматическое стрессовое расстройство или иные формы психического дисбаланса) и нематериальные (психологические страдания, утрата доверия к окружающим, снижение самооценки и другие негативные изменения в эмоциональном состоянии несовершеннолетнего);
- условия, в которых совершается преступление, и особенности обстановки его совершения (преступления указанной категории, как правило, совершаются в домашней обстановке);
- личность преступника (преступников), его умысел и мотивы.

Изучение указанных элементов криминалистической характеристики истязаний несовершеннолетних, совершенных родителями или лицами, их заменяющими, является очень важным. Без учета их содержания сложно планировать рассмотрение сообщений по данной категории преступлений и расследование соответствующих уголовных дел, невозможно выстроить правильную тактику проводимых следственных действий.

Список библиографических ссылок

1. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовное дело № 1-1505/2024 // Архив Калужского областного суда.
3. Уголовное дело № 1-1246/2025 // Архив Кузнецкого районного суда г. Новокузнецка.
4. О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 сентября 1979 г. № 4 (ред. от 25.10.1996). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7603/? (дата обращения: 02.04.2025).
5. Горшков М. М. Методика расследования истязаний: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. 26 с.
6. Самитов Э. О. Криминалистическое обеспечение расследования истязаний: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. 25 с.

© Кардашевская М. В., 2026

Владимир Владимирович Лавров,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ
КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА:
ПРЕДМЕТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ
ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ,
В СВЕТЕ РУКОВОДЯЩИХ РАЗЪЯСНЕНИЙ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Противодействие легализации доходов от преступной деятельности в современных условиях становится одним из основных средств борьбы с организованной преступностью, которая в своем феноменологическом выражении является не чем иным, как извлечением доходов в результате совершения участниками организованных групп и преступных сообществ тяжких и особо тяжких преступлений корыстной направленности.

Уголовно-правовые основы противодействия легализации доходов от преступной деятельности в виде норм особенной части, которыми предусмотрены соответствующие уголовно-правовые запреты на придание правомерного вида обладанию материальными ценностями, образующими извлеченные путем совершения преступлений доходы, составляют, однако, не основные, а вспомогательные средства предотвращения криминального обогащения – капитализации прибыли преступных организаций и отдельных лиц.

Основными же средствами предотвращения капитализации доходов от преступной деятельности, понимаемой как выгодное обладание и, соответственно, использование материальных ценностей, которые образуют такие доходы, вне всякого сомнения, являются обнаружение указанных ценностей, а также их изъятие. Обнаружение имущества, которое образует доходы от преступной деятельности, и обращение на него взыскания обеспечиваются применением мер финансового мониторинга, осуществляемого уполномоченным органом власти, и, разумеется, конфискации имущества, являющейся, как известно, отличной от наказания, но также применяемой обвинительным приговором суда мерой уголовно-правового характера.

Придание же правомерного вида обладанию материальными ценностями, образующими доходы от преступной деятельности, путем совершения с их использованием экономически значимых действий в виде сделок и финансовых операций, приобретающих форму сделок, – это особый вид общественно опасной деятельности. Основное его функциональное назначение, с точки зрения криминалистической характеристики легализации и капитализации извлеченных преступным путем доходов, состоит в сокрытии образующих такие доходы материальных ценностей от обнаружения в результате осуществления учреждениями финансово-кредитной системы и другими агентами финансового мониторинга деятельности по выявлению операций, подлежащих обязательному контролю, и подозрительных операций. Кроме того, совершение действий, указываемых законодателем в ст. 174 и 174¹ УК РФ в качестве альтернативных признаков объективной стороны составов предусмотренных ими преступлений, нацелено имплицитно на предотвращение конфискации относящихся к обязательному в указанных составах признаку предмета преступления материальных ценностей.

Иными словами, участникам преступной деятельности требуется, образно выражаясь, маскировка криминальных корней обладания имуществом, какое представлено денежными средствами или иными материальными ценностями, приобретенными или полученными преступным путем. В противном случае они могут быть идентифицированы в качестве образующих доходы от преступной деятельности, что, в свою очередь, становится юридической предпосылкой к обращению на них взыскания в пользу государства путем применения судом меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества.

Таким образом, очевидна актуальность анализа объективных признаков общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, которая, по нашему мнению, сохраняется даже с появлением руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации этих деяний. Особое место в числе объективных признаков этих составов занимает предмет, поскольку к нему как раз и относятся материальные ценности, которые взыскиваются в доход государства в порядке применения конфискации имущества.

Отметим, что постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых и содержатся такие разъяснения, в отечественной правовой системе приобретают свойство источников уголовного права, не являясь, однако источниками соответствующего отраслевого законодательства, по крайней мере, с формально-

юридической точки зрения. Единственным таким источником *de jure* остается, согласно ст. 1 УК РФ, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Не углубляясь в изучение истории руководящих разъяснений по вопросам уголовно-правовой оценки легализации доходов от преступной деятельности, укажем, что к настоящему времени содержатся они в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (далее – Постановление от 7 июля 2015 г. № 32) в редакции Постановления от 26 февраля 2019 г. № 1 [1].

Обратим внимание на некоторые недочеты, которые обнаруживаются в разъяснениях, относящихся к признаку предмета в составах легализации доходов от преступной деятельности (ст. 174 и 174¹ УК РФ), предложив попутно авторские комментарии, которые могут быть учтены в практической уголовно-процессуальной и оперативно-проверочной деятельности, связанной с уголовно-правовой оценкой деяний указанного вида.

Наши комментарии позволят сформировать некоторые доктринальные основы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, и могут, таким образом, использоваться в качестве рекомендаций для органов уголовной юстиции, поскольку они не входят в противоречие с руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, но лишь их дополняют. Кроме того, они всецело и полностью основываются на действующем уголовном законодательстве и ему не противоречат, что подтверждается достаточно подробной аргументацией каждого из наших комментариев.

Развернутая уголовно-правовая характеристика такого признака в составе предусмотренного ст. 174 и 174¹ УК РФ преступления, как предмет (который, относясь к числу объективных признаков, разумеется, является обязательным для данных составов), дается в п. 1 Постановления от 7 июля 2015 г. № 32. Этим разъяснением указывается, что с предметом подобных преступлений отождествляются материальные ценности, приобретенные в порядке совершения конкретного преступления (хищение любой из форм или взятка), а также полученные в виде вознаграждения за совершение преступления из корыстных побуждений («заказного» убийства и т. п.) или в качестве выручки от реализации ограниченных в гражданском обороте предметов (например, наркотических средств или психотропных веществ). Кроме того, в том же пункте дается характеристика материального субстрата, отличающего объективный признак предмета преступления в составах легализации доходов, извлеченных преступным путем. В этом качестве указаны денежные средства в российской или иностранной валюте, как в наличной, так и в безналичной форме, включая электронные денежные средства (равно как и полученные в результате преобразования цифровых активов в виде криптовалюты), документарные или бездокументарные ценные бумаги, недвижимость, а также движимое имущество, представляющее имплицитно потребительскую ценность.

В дополнение к этому прокомментируем, что к денежным средствам или иному имуществу, которое указано в диспозициях ст. 174 и 174¹ УК РФ, могут относиться материальные ценности, которыми виновный обладал в результате замены на них имущества, непосредственного приобретенного преступным путем. Примером могут служить безналичные денежные средства, которые были получены в качестве кредита или займа, когда для обеспечения такового использовалось похищенное движимое имущество или ценные бумаги. Кроме того, следует учитывать, что основным (предикатным) преступлением, которое является источником легализуемых доходов, может быть любое умышленное преступление, даже не отличающееся корыстной направленностью, что относится, в частности, к преступлениям террористического характера. Так, в качестве денежных средств, которые получены путем совершения преступления, должны признаваться те средства, которые виновный собирал и / или аккумулировал на счетах в учреждениях финансово-кредитной системы в целях осуществления им или другими лицами финансирования незаконных вооруженных формирований, террористических организаций или экстремистских сообществ либо совершения преступления террористического характера. При наличии к тому оснований по ст. 205¹ или 282³ УК РФ как финансирование терроризма или экстремистской деятельности.

Таким образом, в нашем понимании предмет легализации доходов, извлеченных путем совершения преступления (ст. 174 и 174¹ УК РФ), должен отождествляться с любыми материальными ценностями или активами, приравняемыми к ним юридически (криптовалюта и другие цифровые активы), которые образуют доходы от совершения преступной деятельности в экономическом смысле. При этом не имеет юридического значения для уголовно-правовой оценки содеянного тот имущественный контекст, в каком они возникают в результате замены имущества, непосредственно и первоначально приобретенного преступным путем (в результате совершения предикатного преступления), на другие материальные ценности.

Кроме того, следует решительным образом отказаться от догмы, которая носит стереотипный характер, возникая из складывающейся правоприменительной парадигмы, согласно которой извлечь преступным путем доходы можно лишь совершив оконченное составом преступление. Уголовным законом наряду с оконченным своим составом преступлением (ст. 29 УК РФ) признаются уголовно-противоправными также приготовление к преступлению и покушение на его совершение (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Таким образом, с извлеченными путем совершения преступления доходами могут и должны извлекаться материальные ценности, приобретаемые на любой из стадий совершения умышленного преступления, независимо от того, было ли оно в итоге окончено.

Список библиографических ссылок

1. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, при-

обретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 февраля 2019 г. № 1 // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/27620/> (дата обращения: 13.04.2025).

© Лавров В. В., 2026

Екатерина Федоровна Мельникова,
доцент кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук;

Гульнара Хасановна Шаутаева,
начальник кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ К ДЕЙСТВИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ДОВЕДЕНИЕМ ЛИЦА ДО САМОУБИЙСТВА

Самоубийство – это самостоятельное лишение себя жизни. Данное явление порицается как обществом, так и государством. Никакой ответственности за совершение подобного деяния не предусмотрено, однако внимание государства сфокусировано на выявлении причин, которые привели к суицидальному поведению лица. Причины самоубийств принято разделять на две группы: 1) субъективные причины, т. е. непосредственно связанные с лицом, у которого возникло желание самостоятельно прекратить свою жизнь, например, гнетущее чувство одиночества, последствия депрессии, злоупотребления алкоголем, наркотиками, полученных травм; 2) объективные причины, т. е. действующие на субъекта извне, к примеру: систематическое унижение человеческого достоинства другими лицами, социально-экономические факторы.

Проблемы также возникают при разграничении данного состава и смежных с ним. После появления в 2016 г. игр под названием «Синий кит», «Красная сова», «Беги или умри», «Огненная фея» законодатель отреагировал на проблему в обществе и ввел в 2017 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации уголовную ответственность за склонение к самоубийству или содействие ему (ст. 110.1 УК РФ), а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). Исходя из вышеуказанного, актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки методики расследования сотрудниками следственных органов доведения до само-

убийства. Ведь одной из обязанностей государства является защита прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств, обеспечение правовой защиты лиц, пострадавших от преступлений. При сложившейся правоприменительной практике, обусловленной проблемами в толковании ст. 110–110.2 УК РФ, трудно сказать, что защита обеспечивается в полной мере в связи с низкой раскрываемостью рассматриваемых преступлений.

Данные правовой статистики [1]:

1. За 2024–2025 гг. статистика в официальных источниках о фактах привлечения к уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ отсутствует.

2. За 2023 г. по ст. 110 УК РФ: привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 – 9 чел., по ч. 2 – 10 чел., оправдано 0, осуждены к лишению свободы по ч. 1 – 5 чел., по ч. 2 – 7 чел.; по ст. 110.1 УК РФ по ч. 1 ч. 3 осуждено – 0 чел., применялись принудительные меры медицинского характера (далее – ПММХ) 1 раз, по ч. 4 осуждено – 3 чел., 2 – к лишению свободы; по чч. 5–6 привлечено к уголовной ответственности 0 чел.; по ст. 110.2 УК РФ по ч. 1 привлечено к уголовной ответственности 0 чел., по ч. 2 осужден к лишению свободы 1 чел.

3. За 2022 г. по ст. 110 УК РФ: привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 – 7 чел., по ч. 2 – 6 чел., оправдано – 0, осуждены к лишению свободы по ч. 1 – 6 чел., по ч. 2 – 3 чел., применялись ПММХ 2 раза; по ст. 110.1 УК РФ по ч. 2 осуждено 0 чел., по ч. 3 – 4 чел., по ч. 4 – 3 чел., 2 – к лишению свободы; по чч. 5–6 привлечен к уголовной ответственности 1 чел. к условному лишению свободы; по ст. 110.2 УК РФ по чч. 1–2 привлечено к уголовной ответственности 0 чел.

4. За 2021 г. по ст. 110 УК РФ: привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 – 7 чел., по ч. 2 – 6 чел., оправдан 1, осуждены к лишению свободы по ч. 1 – 5 чел., по ч. 2 – 6 чел., применялись ПММХ 0 раз; по ст. 110.1 УК РФ по чч. 1–2 осуждено – 2 чел., 1 осужден к лишению свободы, по ч. 3 осужден 1 чел., по ч. 4 осуждено 0 чел., к 1 применялись ПММХ; по ч. 5 осужден 1 чел. к лишению свободы, по ч. 6 осуждено 0 чел.; по ст. 110.2 УК РФ по ч. 1 привлечено к уголовной ответственности 0 чел., по ч. 2 осуждено 4 чел., двое к лишению свободы.

Особая сложность в расследовании рассматриваемых преступлений выражается в общей тенденции перехода преступлений, предусмотренных УК РФ, в дистанционные, т. е. совершаемые в сети Интернет, а конкретно с момента начала создания различных групп смерти в социальных сетях. До сих пор история появления известных всем групп остается спорной. Изначально об их создании забили тревогу СМИ в 2016 г., указав на группы в социальных сетях под названиями «F57», «F58», «Тихий дом», «Мертвые души», «Синий кит» и др., заманивавшие несовершеннолетних участвовать в игре, финалом которой становился суицид [2]. Согласно расследованию журналистов разных изданий в 2015 г. в социальной сети «ВКонтакте» приобрели популярность группы, распространяющие материал, вызывающий яркие эмоции у аудитории, включающий в себя фотографии и видеоролики, содержащие сцены насилия, самоубийств, различных действий с мертвыми телами людей и животных.

Одним из создателей подобной группы («F57») стал аккаунт под ником «Филипп Лис», принадлежащий Будейкину Филиппу Александровичу. Он распространил в своей группе информацию о самоубийстве подростка под ником «Ирина Камбалина», чем привлек внимание аудитории, отметив, что самоубийство произошло в результате проведенной игры в группе «F57». В связи с возникшим ажиотажем к этой теме администрация социальной сети «ВКонтакте» начала блокировать группы, создаваемые Будейкиным Ф. А., однако они возобновлялись под новыми названиями и продолжали свою деятельность, подкрепляя интерес несовершеннолетних подписчиков, которым владельцы групп присваивали порядковые номера и с которыми обсуждали тему самоубийств и личных переживаний подростков. Параллельно с этими событиями создавались другие группы лицами, участвовавшими в движении «Инсайдеры». Целью групп было распространение информации об одиночестве и самоубийствах для завлечения подростков, чувствующих сильное подавленное эмоциональное состояние, ведения с ними переписки. Как утверждается в расследовании новостного интернет-издания Lenta.ru, Будейкин Ф. А. воспользовался методами завлечения несовершеннолетних и общения с ними, используемыми в движении, описанном выше.

Согласно фотографиям из диалогов и его групп Будейкин Ф. А. раздавал порядковые номера подписчикам, вел общение, присылая загадки, создающие таинственность и уникальность общения для подростка, обсуждал с ними темы похорон и смерти. Некоторые подписчики групп, находясь под их влиянием, создавали иллюзию, что совершили самоубийство: не заходили долгий период в социальную сеть, публиковали фотографии и видеоролики инсценировки причинения себе вреда. В результате этих действий подписчиков становилось все больше, они верили, что существуют реальные участники игр, которые ушли из жизни.

Будейкин Ф. А. был осужден по ст. 110, ч. 3 ст. 30, ст. 110 УК РФ (на момент рассмотрения судом уголовного дела еще не были приняты ст. 110.1–110.2, ст. 151.2 УК РФ) к лишению свободы.

С начала 2017 г. было заблокировано более 16 000 подобных групп, об этом сообщил глава МВД РФ В. А. Колокольцев, подчеркнув необходимость во взаимодействии правоохранительных ведомств и Роскомнадзора [3].

Группы имели свою иерархию:

1. Подписчики и игроки (выполняли задания под влиянием кураторов и администратора).

2. Кураторы (как правило, это не одно лицо) – занимались поиском новых игроков; расспрашивали о личной жизни ребенка для последующего оказания давления; требовали выполнить 50 заданий (например, вырезать на руке фразу, не спать в 4 ч. 20 мин. и т.д., последним заданием было совершение самоубийства). Примером использования личных данных для оказания давления на игрока выступают материалы уголовного дела следственного отдела г. Коркино СУ СК РФ по Челябинской области: С. настойчиво предлагал В. совершить самоубийство любым способом, за отказ от выполнения этого задания С. угро-

жал В. ее убийством и ее родителей в связи с тем, что был уведомлен о месте жительства В. [4, с. 37].

3. Администратор – создатель и идейный вдохновитель группы – мог осуществлять действия куратора: распространял файлы, содержащие деструктивно-суицидальную информацию, создавал ощущение уникальности и секретности общения, при этом вел общение в часы, предназначенные для сна человека. В одной из групп смерти был найден договор на оплату за деятельность кураторов, за доведение игрока до самоубийства администратор обещал выплатить 25 % от установленной суммы куратору [5]. Согласно материалам уголовного дела 2018 г. СУ СК России по Челябинской области подозреваемая В. была куратором и администратором групп в различных социальных сетях под названиями «Синий кит», «Тихий Дом». Посредством создания хештега «#хочу в игру» находила игроков от 11 до 17 лет, добавляла их в чат, затем отправляла задания (первым из 50 стало вырезать на руке «F57», последним было совершить самоубийство) [4].

Проанализировав следственную практику, мы делаем вывод о том, что привлечь к уголовной ответственности лицо, создавшее группу в сети Интернет, затруднительно в связи со способами сокрытия информации, используемыми преступниками: группы создаются через мессенджеры, получить информацию из которых затруднительно (например, если уголовное дело возбуждено в Нижегородской области, для того чтобы получить информацию об аккаунте, созданном в социальной сети «ВКонтакте», необходимо получить судебное разрешение на выемку охраняемой законом тайны, затем направить запрос в главный офис «ВКонтакте», находящийся в г. Санкт-Петербурге, послеждаться, когда запрос обработают и выгрузят всю требуемую информацию, далее следователь должен произвести выемку полученной информации, а это для следователя, например, в Нижегородской области подразумевает планирование поездки в командировку в г. Санкт-Петербург, что в итоге затягивает расследование уголовного дела).

Полученная информация может быть недостаточной для привлечения к уголовной ответственности в связи с использованием преступником сервиса для подмены IP-адресов, что затрудняет определение точного местоположения совершаемого преступления. Преступник может использовать чужие персональные данные, абонентские номера, фотографии, что затрудняет установление его личности; он также может маскировать следы преступлений, используя анонимный доступ к сети Интернет через программное обеспечение Tor.

Согласно материалам уголовного дела, возбужденного по ст. 110 УК РФ, расследовавшегося СУ СК России по Челябинской области в 2018 г., экспертом установлено, что в телефоне подозреваемого установлено программное обеспечение Tor Browser for Android [4, с. 39]. В настоящее время злоумышленники используют мессенджер Telegram для совершения преступлений на территории Российской Федерации, зная, что у правоохранительных органов отсутствуют законные способы установления цифровых следов в связи с тем, что организация Telegram зарегистрирована в Объединенных Арабских Эмиратах, а механизм международно-правового сотрудничества с данной организацией не нала-

жен. Сложившаяся ситуация приводит к низкой раскрываемости данных преступлений и их распространенности на территории Российской Федерации.

Например, в 2024 г. двое несовершеннолетних лиц совершили нападения в своих школах с применением оружия, насилия и попыткой самоубийства [6]. В ходе осмотра их телефонов в мессенджере Telegram были обнаружены группы под названиями RNBWN и «Красный дельфин», управляемые пользователем под ником «Антон Мишашин». Эти группы представляли взаимосвязанную цепочку: группа trrrist/rnbwn, содержащая ссылку на тг-канал, для вступления в который несовершеннолетнее лицо должно было прислать свои фотографии, а также распространить информацию о названии этой группы среди других людей, например, через листовки, граффити на стенах. После вступления в канал RNBWN несовершеннолетнее лицо получало доступ к инструкциям по созданию взрывных устройств, по обращению с оружием, по убийству, расчленению людей и т. д., а также имело возможность лично общаться с администратором канала, который помогал несовершеннолетним совершать преступления [7]. Кроме того, администратор этих групп создал тг-канал под названием «Красный дельфин», в котором на момент блокировки состояло около 20 000 человек (согласно данным, приведенным на интернет-ресурсе tgstat.ru). В ней Мишашин распространял игру, состоящую из 50 заданий, включающих в себя самоубийство, причинение вреда окружающим, распространение символа на зданиях городов, самоубийство.

Когда на группы обратила внимание прокуратура, администратор групп усложнил способ просмотра публикуемой информации: для доступа в «Красный дельфин» необходимо было сразу же выполнить 10 заданий, а для доступа в RNBWN – расклеивать на стенах зданий QR-коды, ведущие в группу, содержащие на оборотной стороне приклеенные лезвия. Это было сделано для усложнения доступа правоохранительных органов к информации в группах [7]. Сложность долгое время состояла также в том, что мессенджер Telegram не блокировал данный ресурс. В настоящее время все группы и каналы, содержащие эти названия, блокируются администрацией Telegram.

Роскомнадзор с 2017 г. активно блокирует в сети Интернет информацию, содержащую одобрение суицидальных мыслей, однако блокировка информации в социальной сети Telegram возможна только через запрос к администрации мессенджера, что не дает возможности противодействовать распространению запрещенной информации оперативно.

В ходе написания статьи проводился эксперимент, целью которого было установить, насколько сложно несовершеннолетнему лицу найти суицидальную информацию, содержащуюся в открытом доступе в мессенджере Telegram. Для эксперимента мы использовали аккаунт в Telegram и поисковую строку, для поиска информации – наборы слов, которые чаще всего распространяются в «группах смерти»: «Синий кит», «Кит», «Дельфин», «F57», «f58» (и другие номера), «тихий дом», «море китов», rnbwn, «Куратор», «суицид», «убийство», «одинокчество», «смерть», «разбуди меня», «4:20» и другие сочетания слов, в том числе на английском языке. В результате эксперимента были найдены открытые тг-каналы, содержащие рассуждения и рассказы о суицидальных мыслях.

В ходе осмотра установлено, что большая часть таких каналов содержит слова «нет призыва к деструктивно-суицидальным мыслям, не игра», что может исключать эти группы при удалении администрацией мессенджера, однако согласно публикуемой в них информации тема суицида в них романтизируется и может повлиять на несформировавшуюся психику несовершеннолетних лиц, в том числе при наблюдении за фотографиями, картинками, содержащими сцены нанесения вреда самому себе. Более того, через эти группы преступники могут искать потенциальных жертв будущих преступлений.

Далее использовались при поиске информации хештеги «#синийкит», «#хочувигру», в результате мы нашли личные тг-каналы подростков, в которых они отмечали данные хештеги. На сообщения, содержащие указанные хештеги, отвечают скрытые от поиска тг-каналы с названиями, содержащими слова, используемые нами при поиске. При осмотре указанных выше тг-каналов мы обратили внимание на канал с названием «4:20», который имеет следующие признаки: не появляется в поиске тг-каналов, если указывать его название, при этом другие каналы, содержащие часть этого названия в поиске, отражаются; администратор канала отвечает на сообщения подростков, где они указывают хештеги, привлекая внимание других лиц к его каналу; имеет структуру связанных друг с другом диалогов – через «4:20» осуществляется переход в другой канал с названием «СЕКРЕТЫ_КАНАЛА420», также «4:20» содержит ссылку на куратора, и, как указано в описании, владельца с ником «Фрея». Кроме того, исходя из смысла текста, опубликованного в «4:20», созданы закрытые каналы, чаты.

В феврале 2025 г. в «4:20» опубликован пост, содержащий следующий текст: «4:20 хочет поиграть. 100к звезд для победителя (1500 \$). За каждого игрока, который покинет игру, бюджет увеличивается на 1к звезд. Игра не связана с суицидом и причинением физической и психологической боли, все кураторы ознакомлены с правилами и не несут ответственность за действия игроков, игрок принимает добровольное решение зайти в игру».

Внутри текста отражены условия игры: «100 игроков, 2 секретных чата, по 50 игроков с пропиской Игрок № и цифра. Максимальное количество кураторов на чат 3. Правила: 1. Выжить любой ценой и не быть дисквалифицированным. 2. Уважение к игрокам и кураторам. 3. Выполнение всех оригинальных заданий всеми игроками. 4. Все происходящее не должно выйти за пределы секретного чата. 5. Только 100 участников для этого сезона. 6. Вы всегда имеете право прекратить игру и уйти. 7. Вы имеете право взять с собой в игру одного человека и пройти этот путь с ним».

В условиях также прописано, что есть возможность принять участие в роли наблюдателя, для этого необходимо заплатить 2 000 звезд. Роль наблюдателя дает возможность запросить свое игровое действие от участников. В конце текста прописано: «Не имеет значения, сколько вам лет, важна лишь ваша сила и ум». Для получения доступа к закрытым чатам от участников требуется: написать куратору заявку в личные сообщения, а также разместить 100 хештегов в другие любые чаты: «#хочувигру420», «#явигре420», «#игра420», «#куратор420», «#найди420», «#ялюблю420», «#f42».

Мы не можем утверждать, что в этой группе присутствуют признаки совершаемого преступления, однако данная игра имеет структуру, иерархию, присущие ранее создаваемым «группам смерти», при этом личные данные создателей не раскрываются. С учетом того, что администратор групп утверждает, что это игра, не нацеленная на суицид участника, остается открытым вопрос, почему создатели используют фразу «4:20», которая может иметь значение времени поступления заданий в прошлых случаях «групп смерти», также в Telegram чаты с подобным названием чаще всего содержат суицидальную информацию. Согласно материалам уголовного дела, возбужденного по ст. 110 УК РФ в г. Сыктывкар СУ СК России по Республике Коми в 2021 г., подозреваемая утверждала: «f» – это первая буква имени Ф. А. Будейкина (цифры в ранее создававшихся играх менялись с целью обойти блокировки администраций социальных сетей).

Кроме того, администраторы групп просят участников заплатить внутреннюю валюту мессенджера «звезды», которые они могут вывести через блокчейн-платформу, а затем в реальные денежные средства. Мы не можем утверждать, что это признаки преступления, однако существует практика, когда таким способом преступники прячут следы преступлений и получают доход от своей деятельности. С учетом того, что игра не предусматривает возрастных ограничений, и у лиц, обладающих финансовыми возможностями стать «Наблюдателями», есть право диктовать задания для подростков, к данной группе должно быть проявлено повышенное внимание со стороны администрации Telegram, Роскомнадзора и правоохранительных органов.

Подводя итог, следует обозначить потребность в исследовании практики выявления преступлений, предусмотренных ст. 110–110.2 УК РФ, и расследования следственными органами в связи с малым количеством дел, доходящих до рассмотрения судом, поэтому представляется необходимым формирование постановления Пленума Верховного Суда РФ. Остается открытым вопрос: какая информация в сети Интернет должна быть ограничена от просмотра пользователями? Спорными остаются определение формы вины преступника и места совершения преступления, а также квалификация преступных деяний. В перспективе надлежит дать правовую оценку подобному деструктивному контенту для возможного признания каналов и групп в социальных сетях запрещенной формой коммуникации, например экстремистским движением. Это выведет борьбу со склонением к совершению самоубийства на новый уровень.

Список библиографических ссылок

1. Агентство правовой информации, 2015–2025. URL : <https://судебнаястатистика.рф> (дата обращения: 27.01.2025).
2. Тодоров В. Л. Кто стоит за детскими суицидами и группами смерти во ВКонтакте // Лента.Ру. 17.05.2016. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/17/suicidetrue/> (дата обращения: 14.03.2025).
3. В России с начала 2017 года заблокировали более 16 тысяч «групп смерти» // ТАСС. 26.06.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4365653> (дата обращения: 14.03.2025).

4. Ильин Н. Н. Вопросы квалификации и расследования доведения до самоубийства несовершеннолетних с помощью сети Интернет: практ. пособие. М.: Московская академия Следственного комитета, 2022. 88 с.

5. Галицына А. М. «Группы смерти» как средство манипулирования сознанием // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 4. С. 30–34.

6. Молоток отобрал учитель // Коммерсантъ. 23.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7180573> (дата обращения: 14.03.2025).

7. Тайная сеть. Стало известно, кто стоит за нападением на школу подростком // РИА Новости. 18.09.2024. URL: <https://ria.ru/20240918/napadenie-1973254186.html> (дата обращения: 14.03.2025).

© Мельникова Е. Ф., Шаутаева Г. Х., 2026

Райгуль Батырхановна Молдыбаева,

старший преподаватель

кафедры уголовного процесса и криминалистики

Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан,

магистр юридических наук;

Нелли Талаповна Саханова,

начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики

Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан,

ассоциированный профессор (доцент)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОПЫТ КАЗАХСТАНА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В условиях стремительного развития информационных технологий и задач модернизации правоохранительной системы цифровизация уголовного судопроизводства в Республике Казахстан становится ключевым направлением повышения эффективности правосудия.

На протяжении нескольких лет довелось наблюдать, как шаг за шагом трансформировалась вся система уголовного судопроизводства Казахстана. Особенно заметные изменения произошли в последние годы, когда начался активный процесс цифровизации. Сегодня уже невозможно представить работу следователя без электронных систем, автоматизированных реестров и онлайн-доступа к материалам уголовного дела. Это не просто технологическое обновление, а качественный скачок в обеспечении прозрачности, оперативности и законности в расследовании преступлений.

Одним из первых и наиболее значимых этапов цифровизации стало внедрение Единого реестра досудебных расследований (далее – ЕРДР). До его появления регистрация заявлений и сообщений о преступлениях велась вручную, что допускало случаи необоснованных отказов в регистрации, манипуляций

сроками и искажения статистики. Внедрение ЕРДР позволило исключить эти риски за счет автоматизированной, централизованной регистрации всех поступивших сообщений, формируемых с присвоением уникального номера дела [1].

ЕРДР также обеспечил более высокий уровень прокурорского надзора, позволяя в режиме реального времени отслеживать ход досудебного расследования, соблюдение сроков, принятые решения. Для следователя это стало не только средством контроля, но и инструментом организации собственной работы – все этапы расследования фиксируются, и любые просрочки или нарушения видны незамедлительно.

ЕРДР ориентирован на внутренний контроль за действиями сотрудников органов внутренних дел. Система анализирует каждый шаг следователя и сообщает о нарушениях процессуальных сроков, несвоевременном выполнении следственных действий и других отклонениях от норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Система ЕРДР существенно повысила дисциплину и правовую грамотность следователей, особенно в регионах. Хотя поначалу она вызывала настороженность, впоследствии была воспринята как действенный механизм профессионального самоконтроля и защиты от возможных обвинений в недобросовестности.

Ключевым и наиболее масштабным проектом в рамках цифровизации стало создание системы «Е-уголовное дело», позволяющей вести уголовное дело полностью в электронном формате. Эта платформа объединила в себе возможности формирования, хранения, передачи и рассмотрения всех материалов уголовного дела в цифровом виде [2].

Теперь не требуется множества бумажных копий, ручной подшивки и передачи томов между инстанциями. Следователь, прокурор, адвокат и суд получают доступ к материалам через защищенные каналы связи с возможностью подписания документов электронной цифровой подписью и фиксацией всех действий в хронологической последовательности.

Особое значение в условиях цифровизации приобретает вопрос кибербезопасности и защиты персональных данных участников процесса. Уголовные дела содержат чувствительную информацию – сведения о частной жизни, состоянии здоровья, финансовых и деловых интересах, а в некоторых случаях и государственные тайны. Утечка таких данных может иметь тяжелые последствия не только для конкретного человека, но и для репутации всего органа правосудия. В этой связи большое внимание уделяется шифрованию данных, разграничению прав доступа и защите серверной инфраструктуры [3].

Отдельного внимания заслуживает подготовка кадров – сотрудники правоохранительных органов должны обладать не только юридической, но и цифровой грамотностью. В этой связи активно внедряются программы повышения квалификации, проводятся практические семинары, разрабатываются типовые алгоритмы расследования в цифровой среде.

На наш взгляд, цифровизация уголовного судопроизводства – это не временное новшество, а стратегический вектор развития правоохранительной системы Казахстана. Он дает нам инструменты для прозрачного, объективного,

законного расследования, где исключаются не только ошибки, но и коррупционные риски.

Цифровизация коснулась и проведения следственных действий, именно самых разных обстоятельств проведения следственных действий: от выездов в отдаленные аулы до работы в условиях пандемии. Если раньше допрос, очная ставка или осмотр могли быть проведены только лично, при обязательном физическом присутствии всех участников, то сегодня возможности цифровых технологий открыли совершенно новый подход – дистанционное производство следственных действий.

Появление такой практики не было случайным. Пандемия COVID-19 в 2020 г. стала своеобразным катализатором изменений, когда необходимость изоляции вынудила искать альтернативные формы взаимодействия со всеми участниками уголовного процесса. Именно в этот период активно начал использоваться формат видео-конференц-связи (ВКС), а документы стали оформляться и подписываться с использованием электронной цифровой подписи (ЭЦП) [3].

На сегодняшний день, согласно действующему законодательству, допрос, очная ставка, предъявление для опознания, а также отдельные виды осмотра и выемки могут быть проведены в дистанционном формате – при наличии технической возможности, согласия участников и с обязательной видеофиксацией. Такая форма организации позволяет оперативно и эффективно реагировать на обстоятельства дела, не тратя время и ресурсы на командировки или транспортировку лиц, особенно находящихся в отдаленных регионах или местах содержания под стражей. Например, в одном из уголовных дел по факту мошенничества подозреваемый находился в следственном изоляторе в Актау, а ключевой свидетель – в Костанае. Благодаря ВКС и поддержке технических специалистов, допрос был проведен своевременно, с фиксацией всех процессуальных моментов. Свидетель подписал протокол с помощью ЭЦП, что позволило включить его в материалы дела без задержек и с соблюдением всех требований закона.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, дистанционные следственные действия порождают и ряд серьезных правовых и технических вопросов, которые требуют особого внимания:

1. Надлежащая идентификация участников. Следователь обязан установить личность каждого участника процессуального действия. В дистанционном формате это может вызвать затруднения, особенно если участник не владеет ЭЦП или использует чужую учетную запись [4]. Здесь важна четкая процедура верификации личности – через ИИН, биометрию, видеофиксацию удостоверения личности.

2. Конфиденциальность и отсутствие постороннего вмешательства. При проведении допроса или очной ставки дистанционно нельзя гарантировать, что рядом с участником не находится третье лицо, которое оказывает давление или подсказывает ответы. Особенно это касается дел с высокой степенью чувствительности (домашнее насилие, коррупция, экономические преступления). Поэтому в регламент следственных действий должны быть внесены четкие процеду-

ры контроля среды – визуальный осмотр помещения, обязательное фиксирование угла обзора и т. д. [5]

3. Технические сбои и сохранность доказательств. Любая нестабильность Интернета, сбой сервера, потеря видеозаписи могут поставить под сомнение легитимность всего действия. Не раз сталкивались с ситуацией, когда запись допроса оборвалась на середине, а участник отказался повторно давать показания. Такие пробелы могут повлиять на доказательственную силу материалов и привести к признанию их недопустимыми.

4. Правовой режим цифровых доказательств. Электронные файлы, переданные через сеть, могут быть подвержены изменению. Это требует строгого соблюдения процедур по их фиксации, хешированию, хранению в защищенных хранилищах. При проведении осмотра места происшествия через онлайн-трансляцию необходимо удостовериться, что запись ведется в надлежащем формате, без монтажа, с указанием даты и времени.

5. Защита персональных данных. Следственные действия затрагивают личную и часто чувствительную информацию. Ее передача по каналам связи требует шифрования, ограничения доступа, а также информирования участников о рисках утечки. Закон РК «О персональных данных и их защите» прямо обязывает следственные органы обеспечивать конфиденциальность и техническую безопасность таких данных [6].

Несмотря на обозначенные трудности, считаем, что будущее за гибридной моделью расследования – когда следователь может использовать как традиционные формы, так и цифровые инструменты, в зависимости от ситуации. При этом необходимо:

- совершенствовать законодательную базу, включая четкое определение процедур дистанционных следственных действий;
- обеспечить техническое оснащение следователей – качественные камеры, стабильный Интернет, сертифицированное ПО;
- регулярно обучать сотрудников, особенно в регионах, где навыки цифрового взаимодействия еще не полностью сформированы.

Таким образом, цифровизация уголовного судопроизводства в Республике Казахстан – это не просто техническое усовершенствование, а глубокая реформа всей системы уголовной юстиции. Внедрение ЕРДР, платформы «Е-уголовное дело» позволило кардинально повысить прозрачность, подотчетность и эффективность расследований, минимизировать влияние человеческого фактора и коррупционных рисков.

Однако важно понимать: какие бы современные технологии ни внедрялись, они остаются лишь инструментом. В центре уголовного судопроизводства всегда будет человек – с его правами, судьбой и доверием к государству. И именно от профессионализма следователя, его правосознания и принципиальности будет зависеть, станет ли цифровизация не просто удобством, а реальной гарантией справедливости.

Список библиографических ссылок

1. Об утверждении Правил ведения Единого реестра досудебных расследований: постановление Правительства Республики Казахстан от 8 декабря 2015 г. № 972. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> (дата обращения: 23.03.2025).
2. Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 23.03.2025).
3. О персональных данных и их защите: Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094/z13094.htm> (дата обращения: 23.03.2025).
4. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательств в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. Том 1, № 1 (2023). URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.11> (дата обращения: 23.03.2025).
5. Нубаева Г. Г., Сердалинов К. М. Дистанционное проведение допроса: перспективы развития // Вестник академии правоохранительных органов. 2024. № 3 (33). С. 90–100. URL: <https://academy-rep.kz/uploads/1097123dd88ca17b414c7574fbd25eb6fc93.pdf>. 2023 г. (дата обращения: 23.03.2025).
6. О персональных данных и их защите: Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094/history> (дата обращения: 23.03.2025).

© Молдыбаева Р. Б., Саханова Н. Т., 2026

Ольга Александровна Решняк,
доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ СБОРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Деятельность органов предварительного расследования достаточно сложна и является важным инструментом обеспечения законности и справедливости в стране. Поэтому она должна осуществляться качественно подготовленными и целеустремленными следователями. Но, к сожалению, как показывает официальная статистика, раскрывается из всего числа зарегистрированных преступ-

лений меньше половины (47 %) [1]. Связано это с недостаточно качественным уровнем сбора криминалистически значимой информации о преступлении, которая служит основой достижения положительного результата расследования.

Анализ недостатков деятельности органов предварительного расследования позволил выявить проблемы, возникающие у следователя при сборе криминалистически значимой информации о преступлении, влияющие на уровень раскрываемости преступлений:

1. Недостаточный уровень знаний. Следователь, выезжая на место совершения преступления в составе следственно-оперативной группы, не знает, в каком виде и где могут располагаться возможные следы преступной деятельности, а поэтому не в полном объеме изымает их и, соответственно, не исследует. Связано это с большой текучкой кадров в следственных подразделениях, в основном там работают молодые неопытные следователи, которых некому научить и подсказать.

2. Игнорирование правил сбора следов преступления. Следователи пренебрегают правилами обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки следов преступления, а поэтому в большинстве случаев уничтожают криминалистически значимую информацию или оставляют свои следы на них.

3. Недооценка значимости вещественного доказательства. При осмотре места происшествия или при обыске следователи не обращают внимания на мелкие детали, следы и предметы, которые, возможно, имеют отношение к делу.

4. Нехватка времени для качественного проведения следственного действия. В связи с нехваткой кадров в следственных подразделениях, как нами уже было отмечено ранее, на одного следователя ложится двойная или тройная нагрузка, а поэтому дел становится больше, следственных действий и мероприятий необходимо проводить больше, на которые времени просто не хватает. В результате страдает качество их проведения. Следственные действия либо проводятся на низком качественном уровне, либо совсем не проводятся. В связи с этим криминалистически значимая информация о преступлении остается неустановленной и неизученной, а дело нераскрытым.

5. Несвоевременность проведения действий, направленных на получение криминалистически значимой информации о преступлении. Несвоевременные осмотр места происшествия, назначение экспертиз, допросы, обыски и т. п. способствуют уничтожению следов преступной деятельности или значимой информации по делу. Так, при запоздалом осмотре места происшествия возможные следы, оставленные преступником, могут быть уничтожены под воздействием окружающих условий. При несвоевременном допросе подозреваемые, свидетели могут дать не соответствующие действительности показания, с кем-либо проконсультировавшись по поводу произошедшего и какую тактику необходимо избрать. При затягивании с назначением экспертизы изъятые с места происшествия вещества могут испортиться (кровь, запах и др.).

6. Халатное отношение к хранению вещественных доказательств или следов, изъятых с места происшествия, которое приводит к их порче, уничтожению и потере возможности назначения экспертиз и идентификации преступника.

Перечень указанных ошибок не исчерпывающий, но является основным и чаще всего допустимым следователями. Для устранения проблем расследования следователям стоит ответственнее относиться к проведению следственных действий и не пренебрегать мелочами, возможно, имеющими значение для дела. Кроме того, в условиях современного дефицита кадров необходимо предпринимать меры к самообразованию и изучению научных трудов ученых-криминалистов, разработавших методические рекомендации по расследованию преступлений. Представляется, что данные меры будут способствовать повышению качества расследования и установлению лиц, причастных к совершению преступления.

Список библиографических ссылок

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports?ysclid=m8ea0d461n847399686>] (дата обращения: 02.03.2025).

© Решняк О. А., 2026

Анна Викторовна Сычева,
доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Проблема дистанционного мошенничества как в России, так и во всем мире приобретает все большую актуальность. Данные преступления затрагивают различные категории граждан (от несовершеннолетних до пожилых людей независимо от образования) и наносят значительный ущерб и отдельным гражданам, и экономике нашей страны в целом.

По данным статистики МВД России, за 2024 г. зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом каждое четвертое преступление в России совершалось при помощи телефона и сети Интернет. Число зарегистрированных преступлений в сети Интернет выросло на 30 %, а мошенничеств в этой сфере – на 40 % [1].

Прежде чем рассматривать проблемы расследования указанной категории преступлений, необходимо дать определение дистанционному мошенничеству.

В теории криминалистики существует множество мнений ученых относительно определения данного понятия [2, с. 218; 3, с. 78; 4, с. 68]. Но общепризнано, что под дистанционным мошенничеством принято понимать вид мошенничества, при котором виновный, чаще всего используя информационно-телекоммуникационные технологии, без прямого или физического контакта с потерпевшим, воздействует на сознание последнего путем обмана и склоняет к передаче имущества удаленным образом.

Сложность раскрытия данной категории преступлений обусловлена такими факторами, как:

- постоянное появление новых способов совершения дистанционного мошенничества;
- минимальная следовая картина (в последнее время мошенники научились совершать преступления, практически не оставляя цифровых следов);
- излишняя доверчивость граждан;
- низкий уровень финансовой грамотности граждан.

Рассмотрим некоторые способы совершения дистанционных мошенничеств в современных условиях. Известно, что преступники, четко отслеживая новостные ленты, постоянно совершенствуют уже известные способы осуществления мошенничества. Теперь, когда они просят жертву перевести денежные средства на якобы безопасный счет, последний, в свою очередь, оказывается дубликатом беспроводного интерфейса, что дает возможность злоумышленникам не оставлять цифровых следов совершенного преступления, создавая таким образом проблемы при раскрытии и расследовании данных преступлений.

1. Первоначальный этап совершения подобного рода дистанционных мошенничеств остался неизменным. Преступники звонят потенциальной жертве и под различными предложениями (например, для обновления приложения банка) пытаются убедить последнюю установить на свой смартфон программу. Мошенники могут звонить жертвам от имени сотрудников оператора сотовой связи, кредитной организации или под видом представителя любой крупной компании. В том случае, если жертва соглашается на предложение мошенника и устанавливает на свой смартфон вышеуказанную программу, то на телефон жертвы попадает вредоносная модифицированная версия приложения NFCGate¹. Данная

¹ NFCGate – это мобильное приложение, разработанное в 2015 г. студентами Дармштадтского технического университета (Германия). Оно предназначено для захвата, мониторинга и анализа NFC-трафика путем его перехвата и воспроизведения. Однако в ноябре 2023 г. приложение начали применять в криминальных целях. Злоумышленники маскируют NFCGate под легитимные приложения, используя названия, которые могут вызвать доверие, например «Госуслуги Верификация» или «ЦБРезерв+». После установки приложения на смартфоне жертвы оно просит пользователя приложить банковскую карту к телефону для верификации. Когда пользователь прикладывает карту к NFC-модулю, данные карты передаются злоумышленникам. URL: <https://habr.com/ru/companies/F6/news/875614/> (дата обращения: 24.03.2025).

программа позволяет преступникам удаленно управлять чужим смартфоном и создавать виртуальные копии банковских карт. В результате у мошенников появляется возможность беспрепятственно снимать денежные средства жертвы в банкоматах.

2. Мошенники стали активно требовать от своих жертв оплаты несуществующих покупок. Указанное преступление таким способом в основном совершается организованной группой или преступным сообществом с четким распределением ролей. Так, злоумышленники посредством мобильной связи осуществляют телефонный звонок потенциальной жертве и сообщают о якобы поступившей на ее имя бандероли. Далее преступник пытается убедить жертву выкупить бандероль и оплатить таможенные сборы. Другой участник организованной группы в разговоре с доверчивой жертвой старается выдать себя за настоящего получателя посылки, требуя у собеседника передать бандероль ему. На завершающем этапе преступления жертве сообщают счет, на который необходимо перевести средства за посылку, или передают QR-код для оплаты. В итоге после перечисления денежных средств мошенники исчезают.

3. Мошенники посредством мессенджера Telegram создают фишинговые ссылки, которые маскируют под объявления о предоставлении бесплатных косметологических услуг. Они размещают посты, в которых девушек и женщин приглашают на омолаживающие процедуры в качестве моделей. Потенциальных жертв привлекают не только отсутствием оплаты за «омоложение». Злоумышленники подчеркивают, что свободных мест на посещение данной процедуры очень мало, поэтому нужно поторопиться с регистрацией участников. Таким образом, преступники стараются отвлечь внимание жертвы. Опасность данного способа совершения мошенничества заключается в том, что при попытке записаться на процедуру преступники получают личные данные потенциальных жертв. Например, это могут быть сведения, которые позволяют воспользоваться аккаунтами в социальных сетях, банковских приложениях или даже на портале «Госуслуги».

4. Конечно, сфера косметологических услуг далеко не единственная, где мошенники пытаются обмануть граждан в целях получения незаконной выгоды. Так, преступники начали обманывать граждан посредством предоставления скидок на оплату коммунальных услуг. Преступники отправляют сообщения потенциальным жертвам от имени управляющей компании и предлагают якобы сделать перерасчет. Но в действительности мошенники хотят получить доступ к реквизитам банковских карт и кодам из СМС-сообщений.

5. Мошенники научились захватывать сим-карты граждан с помощью определенной комбинации. Они звонят потенциальной жертве под видом инженеров оператора сотовой связи и просят ввести определенную комбинацию, например, «*90» или «*09». Такая комбинация передает право на управление сим-картой человеку, который позвонил.

6. Давно известный способ совершения мошенничества в сфере предложения работы также был видоизменен. Так, жители различных регионов России стали получать предложения работы с высоким заработком. После этого предложения мошенники просят потенциальную жертву пройти по указанной

ими ссылке и заполнить анкету. В результате человек попадает на сайт, который похищает персональные данные и дает доступ к мессенджерам. Кроме этого, все контакты жертвы получают спам-сообщение с призывом пройти опрос и получить за участие в нем 5000 рублей или иную сумму. Причем для прохождения опроса просят скачать соответствующее приложение, которое в дальнейшем будет способствовать хищению личных данных жертвы.

С учетом постоянно изменяющихся способов совершения дистанционных мошенничеств следователю необходимо отслеживать новые способы их совершения, так как эти сведения являются основным элементом криминалистической характеристики дистанционных мошенничеств и могут оказать помощь в выдвижении следственных версий, их отработке, установлении личности преступника и его розыске.

Список библиографических ссылок

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports?ysclid=m8ea0d461n847399686>] (дата обращения: 02.03.2025).
2. Кудрявцев Р. В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 218–221.
3. Яковлева Л. В. Современные способы дистанционного мошенничества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4 (54). С. 77–80.
4. Потетинов В. А., Антонова Д. В. Дистанционное мошенничество: проблемные вопросы, возникающие при осуществлении предварительного расследования // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 68–73.

© Сычева А. В., 2026

Юрий Павлович Шкаплеров,
профессор кафедры общеправовых дисциплин
и уголовно-правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ЗАДЕРЖАНИЕ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОЗНИКШЕМУ ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления является одной из наиболее распространенных мер уголовно-процессуального принуждения, применяемой в том числе до возбуждения уго-

ловного дела. Основания и порядок его применения урегулирован ст. 108–110 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь. Однако прежде чем получить современную детальную регламентацию, задержание прошло довольно сложный исторический путь.

Как отмечается в литературе, первые упоминания о задержании можно найти еще в древнерусских источниках права, таких как Русская правда [0, с. 131], а именно в ст. 38 Краткой редакции или ст. 40 Пространной редакции Русской Правды [0, с. 35], согласно которым преступника на месте совершения преступления можно было как задержать, так и убить.

Это же нормативное положение с определенными редакционными изменениями в дальнейшем было включено в тексты Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг., например в ст. 20 раздела XIII Статута 1529 г. [0, с. 128–129]. Возможность задержания и доставления пойманного на месте преступника в орган власти для разбирательства предусматривалась и другими статьями статутов [0, с. 124; 0, с. 203–204; 0, с. 175–176].

После присоединения белорусских территорий к Российской империи в конце XVIII в. здесь начали действовать законы российского государства, регулирующие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения. Что интересно, Свод законов Российской империи 1832 г. (далее – Свод законов) также включал нормы, регламентировавшие поиск и задержание лица, совершившего преступление, известные к тому времени уже несколько столетий [0]. В частности, ст. 115 книги 2 тома XV Свода законов освобождала от ответственности лицо, причинившее смерть обвиняемому, оказавшему сопротивление при задержании.

Каких-либо иных положений, определяющих порядок задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, Свод законов не содержал. Вместе с тем данный нормативный акт в ст. 109–111 книги 2 тома XV регламентировал такой процессуальный институт, как «взятие обвиняемого к следствию», который можно рассматривать в качестве некоего исторического предшественника современного задержания обвиняемого для предъявления обвинения в соответствии со ст. 111 УПК Республики Беларусь.

Принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав) [0] ознаменовало новый этап в развитии уголовно-процессуального права Российской империи. В контексте настоящего исследования интерес представляет ст. 257 Устава, которая в качестве оснований применения полицией мер «к пресечению подозреваемому способов уклоняться от следствия» называла случаи, когда: 1) подозреваемый был застигнут при совершении преступного деяния или непосредственно после его совершения; 2) потерпевшие или очевидцы прямо указывали на подозреваемое лицо; 3) на подозреваемом или в его жилище были найдены явные следы преступления; 4) вещи, служившие доказательством преступного деяния, принадлежали подозреваемому или оказывались при нем; 5) подозреваемый пытался скрыться или был пойман после побега; 6) подозреваемый не имел «постоянного жительства или оседлости».

Следует обратить внимание на тот факт, что приведенный перечень близок к перечню оснований задержания по непосредственно возникшему подозрению

в совершении преступления, содержащемуся в ст. 108 УПК Республики Беларусь. При этом интересно, что процессуалисты на рубеже XIX–XX вв. при разъяснении приведенной нормы права применяли процессуальный термин «задержание» [0, с. 310].

После Октябрьской революции 1917 г. и последовавшего за ней периода правового вакуума были приняты УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г., действовавшие на территории Беларуси [0; 0]. В данных уголовно-процессуальных законах задержание по непосредственно возникшему подозрению регламентировалось примерно так же, как это имело место во время действия Устава. Например, согласно ст. 100 УПК РСФСР 1923 г. основания такого задержания во многом были схожи с основаниями, указанными в ст. 257 Устава. В целях предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда, в соответствии с названной статьей советского уголовно-процессуального закона, орган дознания мог задержать подозреваемого в случаях, когда: 1) тот был застигнут «при непосредственном подготавливании, самом совершении преступления или тотчас после его совершения»; 2) потерпевший или очевидцы указывали на данное лицо как на совершившее преступление; 3) при нем или на нем, в его жилище были найдены следы преступления; 4) он покушался на побег или был задержан во время побега; 5) он не имел постоянного места жительства или «места постоянных занятий»; 6) не была установлена его личность.

Кроме того, интерес представляет высказывание М. А. Чельцова-Бебутова о том, что п. 5 и п. 6 ст. 100 УПК РСФСР было необходимо применять только в совокупности [0, с. 365], как это имеет место сегодня согласно УПК Республики Беларусь.

С принятием УПК БССР 1960 г. порядок задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления получил свое дальнейшее развитие. В соответствии со ст. 119 УПК БССР 1960 г. правом на задержание подозреваемого обладал только орган дознания, хотя согласно ч. 6 ст. 44 УПК БССР 1960 г. таким полномочием наделялся и следователь. В данном случае законодатель, несмотря на определенную нелогичность, сохранил идею, заложенную в ст. 257 Устава, о том, что задержание подозреваемого по горячим следам может осуществить только орган дознания (полиция, а затем – милиция), оперативно прибывший по сообщению о преступлении. Такая концепция прослеживалась и в ст. 100 УПК РСФСР 1923 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. в целях обеспечения соблюдения прав граждан и укрепления законности с 1 января 1977 г. вводилось в действие Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления (далее – Положение), которое по сравнению с уголовно-процессуальным законом уточняло и детализировало регламентацию рассматриваемой меры процессуального принуждения. Так, должностное лицо органа уголовного преследования, осуществившее задержание, теперь обязывалось уведомлять об этом родственников задержанного либо законных представителей несовершеннолетнего лица, подозреваемого в совершении преступления (ст. 5 Положения). Исключение из данного правила составляло задержание по подозрению в совершении тяжкого преступления,

когда решение о необходимости уведомления членов семьи задержанного принимали следователь или лицо, производящее дознание, индивидуально в каждом конкретном случае [0, с. 3–18].

Кроме того, в отличие от ч. 4 ст. 119 УПК БССР 1960 г., в которой указывалось лишь на необходимость составления протокола задержания и отсутствовало требование о вынесении соответствующего постановления, последнее, но без описания процедуры его вынесения, упоминалось в ч. 2 ст. 3 Положения [0, с. 11]. По сложившейся в МВД практике, нашедшей свое отражение в ведомственных нормативных актах, решение лица, производившего дознание, о задержании утверждалось начальником органа внутренних дел [0, с. 13].

Вместе с тем еще до принятия рассматриваемого Положения Указом Президиума Верховного Совета БССР от 30 декабря 1966 г. ст. 119 УПК была дополнена ч. 5, согласно которой допускалась возможность освобождения задержанного по постановлению органа дознания [0, с. 142]. А уже в ст. 16 Положения подробно регламентировались основания и порядок такого освобождения на основе постановления прокурора, следователя и лица, производящего дознание [0, с. 3–18].

Непосредственно в УПК БССР 1960 г., в отличие от действующего ныне белорусского уголовно-процессуального закона, отсутствовали нормы, определявшие особенности задержания отдельных категорий лиц. Однако такие правила устанавливались в других нормативных актах. Так, согласно ст. 33, 34 Закона СССР «О статусе народных депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР», принятого 20 сентября 1972 г., депутаты Верховного Совета СССР, Верховного Совета союзной республики, областного, районного, поселкового и сельского советов депутатов могли быть задержаны лишь с согласия соответствующего Совета, а в период между сессиями – с согласия соответствующего исполнительного комитета. Аналогичный порядок распространялся и на принятие решения о возбуждении уголовного дела в отношении названной категории граждан [0].

Вступление в силу 1 января 2001 г. ныне действующего УПК Республики Беларусь ознаменовало новый этап в эволюции анализируемого вида задержания. Статьи 108–110 УПК Республики Беларусь вобрали в себя уточненный порядок задержания, регламентируемый прежде УПК БССР 1960 г. и Положением о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления 1976 г. Кроме того, в УПК Республики Беларусь включена отдельная ст. 109, определяющая порядок захвата гражданами лица, совершившего преступление, а в ч. 2 ст. 110 установлено, что правовым основанием для кратковременного содержания под стражей задержанного является постановление органа дознания, следователя и прокурора.

Однако с принятием действующего УПК Республики Беларусь развитие нормативной регламентации задержания не закончилось и продолжилось в последующие годы. Так, Законом Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З ст. 108 УПК Республики Беларусь была дополнена ч. 4, содержащей перечень тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 139 «Убийство», ст. 285 «Создание преступной организации либо участие в ней» Уголовного кодекса Республики

Беларусь и др.), по подозрению в совершении которых лицо может быть задержано до 10 суток, а не на 72 часа, как это было ранее. В дальнейшем данный перечень неоднократно расширялся, в последний раз – в феврале 2025 г. В частности, в него включались такие статьи Уголовного кодекса Республики Беларусь, как ст. 294 «Хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ», ст. 295 «Незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» и т. п.

Кроме того, Законом Республики Беларусь от 20 декабря 2007 г. № 290-З ст. 108 УПК Республики Беларусь дополнялась ч. 1¹, согласно которой при отсутствии оснований для задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, указанных в ч. 1 этой статьи, «при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может скрыться от органа уголовного преследования, и при наличии письменного согласования решения о его задержании» с Генеральным прокурором Республики Беларусь, Министром внутренних дел Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и иными указанными в законе должностными лицами данное подозреваемое лицо все равно может быть задержано органом уголовного преследования.

Таким образом, проведя ретроспективный анализ процессуального порядка задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, можно сформулировать следующие краткие выводы. Задержание по подозрению в совершении преступления прошло в своем развитии путь от простого упоминания в законе до детально регламентированного уголовно-процессуального института. При этом перечень оснований задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, закрепленный сегодня в ст. 108 УПК Республики Беларусь (с поправкой на изменившуюся юридическую терминологию), фактически дословно воспроизводит перечень оснований применения полицией мер «к пресечению подозреваемому способов уклоняться от следствия», приведенный в ст. 257 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Список библиографических ссылок

1. Павловец Г. А., Уласевич Т. Н. Задержание в уголовном процессе: история становления и развития // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сб. ст. / МВД Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (председ.) [и др.]. Могилев: Могилев. институт МВД, 2020. С. 131–135.

2. Бабкин Л. М. Эволюция и состояние института задержания в уголовном процессе России // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2021. № 24. С. 34–43.

3. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года / Академия наук Белорусской ССР, отдел правовых наук. Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1960. 253 с.
4. Доўнар Т. І., Сатолін У. М., Юхо Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года; рэдкал. Т. І. Доўнар і інш. Мінск: Тэсей, 2003. 352 с.
5. Якубель М. М., Рейба П. Н. Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления в нормах Статутов Великого княжества Литовского // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2. С. 174–178.
6. Свод законов Российской империи. В 34 т. Том XV: Законы уголовные. Книга вторая: Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. СПб.: Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. 964 с.
7. Устав уголовного судопроизводства. С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции / сост.: В. Ширков, М. Шрамченко. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1899. 948 [56, IV] с.
8. О распространении действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР на территорию ССР Белоруссии: постановление Центрального Исполнительного Комитета ССР Белоруссии, 24 июня 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССР Белоруссии. 1922. № 5. Ст. 81.
9. О распространении действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР второго издания на территорию Белоруссии: постановление Центрального Исполнительного Комитета ССР Белоруссии, 30 марта 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССР Белоруссии. 1923. № 4. Ст. 41.
10. Чельцов-Бебутов М. А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд. тип. «Печатный двор», 1948. 624 с.
11. Гуляев А. П., Комаров Б. В., Малиновкин С. М. Комментарий к Положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления; под ред. С. В. Мурашова. М.: Юрид. лит., 1982. 56 с.
12. Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилов А. А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М.: Академия МВД СССР, 1975. 93 с.
13. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР / под общ. ред. А. А. Здановича. 3-е изд., испр. и доп. Мн.: Изд-во БГУ, 1973. 504 с.
14. О статусе народных депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР: Закон СССР от 20 сентября 1972 г. № 3352-VIII. URL: <http://museumreforms.ru/node/13912> (дата обращения: 17.02.2026).

© Шкаплеров Ю. П., 2026

РАЗДЕЛ II

Актуальные проблемы предварительного расследования

Анна Павловна Алексеева,
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

ТЕНЕВОЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Современные киберпреступники все активнее используют технологии искусственного интеллекта для совершенствования своих методов воздействия как на отдельные личности, так и на информационные системы. С помощью искусственного интеллекта злоумышленники автоматизируют создание фишинговых сообщений, разрабатывают персонализированные планы атак, создают реалистичные дипфейки и используют новые виды вредоносного программного обеспечения. Такие технологии значительно повышают масштаб и результативность преступных схем, затрудняя их обнаружение и предотвращение [1, с. 18].

Термин «теневого искусственный интеллект» (Dark AI) в криминологическом контексте обозначает совокупность модифицированных нейросетей и запросов (промтов), изначально разработанных для обхода этических барьеров и легальных алгоритмов фильтрации. Такие системы действуют в серой зоне между технологическим экспериментом и преступным инструментом, формируя новые типы криминальной активности. Это означает, что теневого искусственный интеллект не всегда создается или используется прямо как преступное средство – он часто возникает из экспериментов разработчиков, энтузиастов или исследователей, которые пробуют модифицировать нейросети, снимая их ограничения. Однако, как только такая модифицированная система начинает выполнять запрещенные задачи – например, генерировать инструкции по взлому, писать вредоносный код или создавать дипфейки для обмана людей, – она фактически становится инструментом преступной деятельности, даже если ее создатели изначально не имели преступного умысла. Таким образом, «серая зона» – это область, где технология формально не нарушает закон, но может быть использована для противоправных действий; отсутствуют четкие правовые рамки, определяющие, кто несет ответственность – разработчик, пользователь или сам алгоритм; граница между инновацией и криминальной применимостью размыта [2, с. 118]. Именно это делает Dark AI объектом криминологического интереса – Dark AI существует на границе между научным исследованием и киберпреступностью.

С точки зрения криминологии интересным представляется тот факт, что теневой искусственный интеллект не просто повторяет команды человека. Он сам по себе способен впитывать, запоминать и воспроизводить характерные способы совершения преступлений. Такие системы «учатся» на примерах противоправных действий, поэтому становятся инструментом, который не только помогает нарушать закон, но и сам распространяет криминальные методы, делая их доступными для других [3, с. 38]. В результате Dark AI превращается в своеобразного «преступного помощника», который хранит и тиражирует приемы и шаблоны кибератак, даже если пользователь плохо разбирается в технике и не знает, как самостоятельно совершить преступление [4, с. 123]. Это снижает порог для входа в преступную среду и ускоряет распространение подобных видов нарушений.

Появление Dark AI стало следствием трех взаимосвязанных тенденций: коммерциализация генеративных моделей и открытый доступ к ним; появление профессиональных сообществ, обучающих обходу защитных механизмов (джейлбрейков); дефицит оригинальных обучающих данных, что стимулировало повторное использование моделей и их утечку в даркнет [5, с. 60]. Платные доступы к «освобожденным» нейросетям, стоимость которых колеблется от 100 до 300 долларов в месяц, выступают элементом криминальной экономики информационного рынка [6, с. 64]. Наиболее распространенные методы – это джейлбрейки, или модифицированные промты, заставляющие нейросеть отвечать на запреты через вымышленных персонажей, визуальные коды или псевдобучающие сценарии. Среди них – известные примеры FraudGPT, DarkBARD и Dan. Криминологический интерес вызывает феномен делегированного преступления: нейросеть становится посредником, который выполняет интеллектуальную часть атаки, снимая моральную и психологическую ответственность с исполнителя [7, с. 78].

Распространение Dark AI усиливает демократизацию преступности: процессы, при которых доступ к сложным преступным механизмам получают массы неквалифицированных пользователей. В результате растет риск непреднамеренных атак, утечек данных, а также появления новых форм цифрового насилия, включая манипулятивные дипфейки и подделку идентичностей. Инциденты с имитацией голоса и внешности известных лиц уже фиксируются в криминалистической практике, что свидетельствует о смещении фокуса угроз с информационных систем на персональные и социальные пространства [8, с. 159].

Стоит отметить, что Dark AI пока не способен выполнять сложные когнитивные задачи – его потенциал опирается на уже опубликованные шаблоны. Однако даже эта ограниченная функциональность способствует увеличению числа первичных преступлений и росту цифрового шума, затрудняющего работу экспертов по информационной безопасности. С криминологических позиций это можно трактовать как стадию массового приспособления технологии, когда преступления совершаются без осознания их реальных последствий.

Исходя из этого, можно констатировать, что теневой искусственный интеллект обнажает нормативные пробелы между технологией и правом. Пока к юридической ответственности можно привлечь исключительно пользователя,

что создает зону правовой неопределенности для создателей и распространителей модельных jailbreak-промптов. Страны с развитой правовой системой по-разному подходят к квалификации подобных действий – от «использования вредоносных инструментов» до «создания средств совершения преступления». Теневой искусственный интеллект выступает в роли инструмента делегирования интеллектуальных функций, связанных с планированием и совершением преступных действий, на алгоритмические системы. Такое развитие свидетельствует о трансформации криминальной деятельности от индивидуальных актов правонарушения к распределенным и сетевым формам поведения, в которых границы между ролью пользователя, исполнителя и технологией становятся размытыми. В связи с этим перед научным сообществом и правоохранительными органами встает задача разработки эффективной правовой и этической базы, направленной на регулирование и контроль за применением искусственного интеллекта в целях обеспечения его функционирования в рамках законности и соблюдения моральных норм.

Список библиографических ссылок

1. Алексеева А. П., Берестовой А. Н. Информационно-телекоммуникационные технологии и социальная инженерия в механизмах дистанционных хищений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 18–24.
2. Анисимов А. П., Филимонова Е. А. Цифровизация и право: теория взаимодействия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 118–126.
3. Новиков А. А., Поляков А. В. О некоторых аспектах удаленного доступа к электронной информации с целью противодействия преступлениям, совершаемым с применением высоких технологий // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63). С. 38–42.
4. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации / С. В. Катков, Г. М. Семененко, Н. С. Костенко, А. П. Алексеева // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 123–128.
5. Поляков А. В. Актуальные аспекты прогностической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел: проблемы и пути их решения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (73). С. 60–63.
6. Иванов П. И. Оперативно-разыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 64–67.
7. Алексеева А. П., Белокобыльская О. И. Современные способы совершения кибермошенничеств и основные пути противодействия им // Вестник Кали-

нинградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 78–84.

8. Желудков М. А., Алексеева А. П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159–169.

© Алексеева А. П., 2026

Алан Джонович Ариба,
адъюнкт адъюнктуры
Краснодарского университета МВД России

НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СТ. 228.1 УК РФ: НЕОБХОДИМОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ САНКЦИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДА НАРКОТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА

Современная правоприменительная практика свидетельствует о том, что принцип справедливости в уголовном праве может быть нарушен на различных стадиях уголовного процесса: анализ судебной практики выявляет системные деформации принципа справедливости в материальном и процессуальном уголовном праве, проявляющиеся при санкционировании, юридической оценке деяний и обеспечении процессуальных гарантий.

Санкционная деятельность судов характеризуется рядом дисфункций.

Во-первых, нарушение правил назначения наказания при особом порядке, установленных ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), может привести к назначению чрезмерно сурового или, наоборот, чрезмерно мягкого наказания. Императив двух третей максимальной санкции (ч. 5 ст. 62 УК РФ) нередко нарушается параллельно с дефектной интерпретацией смягчающих (ст. 61 УК РФ) и отягчающих (ст. 63 УК РФ) факторов [1].

Во-вторых, пенализация рецидивов преступлений сопровождается систематическим несоблюдением требований ст. 68 УК РФ. Суды игнорируют минимальный порог одной трети от максимума наиболее строгой санкции (ч. 2 ст. 68 УК РФ), допускают ошибки в детерминации пенитенциарного учреждения (ст. 58 УК РФ), нарушают процедурные механизмы, обеспечивающие независимость правосудия [2].

В-третьих, совокупность преступлений и приговоров: ошибки в реализации норм о назначении санкций при множественности деяний (ст. 69, 70 УК РФ) выступают самостоятельным процессуальным поводом для пересмотра судебного акта. Типичной формой подобных нарушений становится некорректная квалификация юридических оснований объединения санкций: судебная инстанция подменяет механизм частичного сложения (ч. 2 ст. 69 УК РФ) полным

поглощением или сложением (ч. 3 ст. 69 УК РФ), игнорируя категорийную принадлежность одного из инкриминируемых деяний к тяжким преступлениям [3]. Распространена и противоположная ситуация: при определении окончательной меры воздействия не принимается во внимание фактическое исполнение предшествующего обвинительного акта.

Параллельно существует проблема искажения базового начала справедливости карательной политики, проявляющаяся через дефектное толкование репрессивных предписаний законодательства, в том числе при назначении наказания, что является основанием для отмены или изменения приговора. Судебная практика по ст. 228.1 УК РФ демонстрирует примеры таких нарушений, в частности, касающиеся зачета времени содержания под стражей [4].

На сегодняшний день уголовная ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку ряда наркотических средств, в частности каннабиса (марихуаны) и синтетических наркотиков, в Российской Федерации определяется ст. 228.1 УК РФ. Принцип справедливости в данном контексте реализуется через дифференциацию наказания в зависимости от размера наркотического средства, обстоятельств его сбыта (например, место совершения, использование Интернета, участие группы лиц, отношение к несовершеннолетним) и личности преступника. Сравнение ответственности за каннабис и синтетические наркотики в рамках ст. 228.1 УК РФ не предполагает отдельного регулирования, а основывается на общих нормах, касающихся всех наркотических средств и психотропных веществ.

Целью данной статьи является попытка обоснования новой уголовно-правовой нормы, предусматривающей дифференциацию санкций в зависимости от вида наркотического средства в ст. 228.1 УК РФ, во избежание нарушения принципа справедливости в уголовном праве.

Следует провести обоснование реализации данного принципа: ст. 228.1 УК РФ устанавливает ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Нормативная регламентация не содержит явной дифференциации санкций применительно к незаконному обороту препаратов каннабисной группы в противоположность наркотикам – производным синтетического происхождения, применяя единые нормы для всех запрещенных веществ. Однако принцип справедливости проявляется в том, что тяжесть наказания зависит:

- от размера наркотического средства. Например, дифференциация наказаний в ст. 228.1 УК РФ (чч. 1–5) осуществляется с учетом количественных характеристик запрещенных веществ: законодатель устанавливает градацию ответственности, коррелирующую со степенью общественной опасности деяния, определяемой через категории значительного, крупного либо особо крупного объема. Размеры наркотических средств, в том числе каннабиса и синтетических наркотиков, утверждаются Правительством Российской Федерации;

- обстоятельств совершения преступления. Так, факторы, детерминирующие интенсивность карательного воздействия (квалифицирующие признаки), включают: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, лицом с использованием служебного положения,

в отношении несовершеннолетнего, в местах лишения свободы, образовательных организациях, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет);

– личности виновного. При определении меры уголовной ответственности судебные инстанции принимают во внимание индивидуальные характеристики осужденного, а также факторы, способствующие как снижению, так и усилению карательного воздействия, что является проявлением принципа индивидуализации наказания.

Таким образом, сравнение ответственности за сбыт каннабиса и синтетических наркотиков сводится к оценке конкретных обстоятельств дела, размера изъятого вещества и других квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ.

Однако ни в анализируемой статье, ни в ст. 228.1 УК РФ действующее уголовное законодательство не предусматривает градации санкций за противоправное изготовление, распространение либо транспортировку наркосодержащих препаратов, психоактивных соединений и их производных с учетом фармакологической категории данных веществ (растительные (например, тот же каннабис) или синтетические (к примеру, мефедрон)). Действующее законодательство устанавливает идентичные санкции за распространение различных психоактивных веществ в крупном размере, игнорируя при этом существенную разницу в их деструктивном воздействии на организм. Так, сбыт каннабиса и синтетического катинона влечет одинаковую ответственность при квалификации деяния по признаку крупного размера, хотя токсикологический профиль и потенциал формирования зависимости у этих субстанций радикально различаются.

Мефедрон (синтетический психостимулятор, относящийся к классу катинонов, созданный как аналог природного алкалоида ката, но быстро распространившийся как наркотическое средство; вызывает эйфорию, прилив энергии, общительность и гиперактивность) характеризуется значительно более выраженным нейротоксическим эффектом и стремительным развитием патологического влечения, что остается вне поля зрения нормативной дифференциации ответственности.

Нормативная база требует дифференциации ответственности с учетом природы распространяемых психоактивных веществ. Несмотря на формальное равенство санкций при сбыте каннабиса и синтетических стимуляторов в идентичных объемах, целесообразно ввести градацию наказаний, основанную на генезисе наркотического средства.оборот синтетических производных должен влечь более строгие меры уголовного преследования, чем оборот веществ растительного происхождения, что отразит повышенную общественную опасность химически модифицированных психоактивов. Выражаясь неюридическим языком, в уголовном законодательстве важно отразить, что, например закладчик, распространяющий марихуану в крупных размерах, и закладчик, распространяющий мефедрон в таких же размерах, несут ответственность по закону одинаково. Тем не менее необходимо отграничить эти наказания по виду наркотика

(например, растительного происхождения от синтетического) – за синтетические наркотики уголовная ответственность должна быть более жесткой.

Проект изменений ч. 1 ст. 228.1 УК РФ с учетом предложенной дифференциации уголовной ответственности в зависимости от вида наркотического средства мог бы выглядеть следующим образом:

Статья 228.1. Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов <...>

(Новая редакция)

1. Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, <...>, –

наказываются:

– лишением свободы на срок от четырех до восьми лет с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового – в случае, если речь идет о наркотических средствах, психотропных веществах или их аналогах естественного (растительного) происхождения;

– лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Если речь идет о наркотических средствах, психотропных веществах или их аналогах синтетического происхождения <...>

Для ясности терминологии предлагается дополнить ст. 228.1 УК РФ определением понятий «естественное (растительное) происхождение» и «синтетическое происхождение».

Данные определения возможно закрепить в виде примечания к ст. 228.1 УК РФ.

Примечания:

1. Под наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами естественного (растительного) происхождения понимаются природные растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, а также выделяемые из них компоненты, полученные естественным путем без химической модификации.

2. Под наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами синтетического происхождения понимаются искусственно синтезированные химические соединения, включая производные химически преобразованных натуральных компонентов.

Таким образом, предложенная автором трактовка о том, что оборот синтетических наркотических средств должен влечь более строгие меры уголовного наказания по сравнению с веществами растительного происхождения, позволит избежать неопределенности в правоприменительной практике и обеспечит справедливое применение закона. Кроме того, данная концепция отражает фундаментальные основы уголовно-правового регулирования, ориентированные на дифференциацию санкций с учетом степени общественной опасности деяния и потенциального вреда для здоровья граждан.

Список библиографических ссылок

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.
2. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 6 ноября 2025 г. по делу № 22-1665/2025. Доступ из информ.-правового портала «Гарант». URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/348682883/paragraph/5:0> (дата обращения: 15.01.2026).
3. Апелляционное постановление Брянского областного суда от 18 декабря 2025 г. по делу № 22-1394/2025. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/348672655/paragraph/1:0> (дата обращения: 15.01.2026).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 4.

© Аршба А. Д., 2026

Алмаз Сагындыкович Айтмагамбетов,
докторант факультета послевузовского образования
Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
магистр национальной безопасности и военного дела

ТЕХНОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ АУТОПСИИ В СИСТЕМЕ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Современное уголовное судопроизводство активно цифровизируется, что требует внедрения новых научно-технических средств для повышения объективности доказывания. Одним из инновационных направлений судебно-медицинской визуализации является виртуальная аутопсия (виртопсия) – цифровой метод посмертного исследования с использованием компьютерной и магнитно-резонансной томографии [1]. Виртопсия позволяет изучать тело без вскрытия, сохраняя доказательства в цифровом формате, что обеспечивает их воспроизводимость, проверяемость и этичность, особенно при религиозных или санитарных ограничениях.

Несмотря на преимущества, в Казахстане и России правовой статус виртопсии остается неурегулированным. Уголовно-процессуальные кодексы допускают использование научно-технических средств, но цифровые технологии визуализации не упоминаются, что создает правовую неопределенность при их применении в досудебном расследовании. Международный опыт показывает,

что виртопсия уже интегрирована в судебно-медицинскую практику как альтернатива традиционному вскрытию.

Цель исследования – определить роль виртопсии в досудебном расследовании, ее доказательственное значение и предложить пути нормативного и организационного внедрения в практику правоохранительных органов Казахстана, России и зарубежных стран.

Реализация поставленной цели требует анализа понятийных и методологических основ технологии виртуальной аутопсии как современного научно-технического средства досудебного расследования.

С научной точки зрения виртуальная аутопсия (виртопсия) представляет собой совокупность неинвазивных методов посмертного исследования тела с использованием компьютерной и магнитно-резонансной томографии, трехмерного сканирования и цифровой визуализации, позволяющих получать данные о внутреннем строении без нарушения анатомической целостности. Термин «Virtopsy» впервые предложен профессором М. Тали и коллегами из Университета Цюриха, где технология объединяет радиологические и цифровые подходы для формирования детализированной 3D-модели тела [1].

Практическая ценность виртопсии заключается в высокой информативности и воспроизводимости: метод позволяет фиксировать мельчайшие повреждения, переломы, инородные тела и следы насилия с большой точностью [2]. Сохранение результатов в цифровом формате делает возможным их повторное исследование без эксгумации, что обеспечивает научную надежность и процессуальную безопасность [3].

В уголовном судопроизводстве виртопсия рассматривается как современное научно-техническое средство фиксации доказательственной информации. По мнению А. Б. Оракбаева и соавторов [3], результаты виртопсии сопоставимы с фото- и видеосъемкой, но обладают большей точностью и возможностью последующей проверки.

Технология отличается этической и социальной приемлемостью, поскольку позволяет учитывать религиозные и культурные ограничения, снижая конфликтность при расследовании дел, связанных со смертью, при сохранении доказательственной значимости данных [3]. Метод особенно эффективен при расследовании убийств, дорожно-транспортных происшествий, врачебных ошибок и иных случаев насильственной смерти, т. к. обеспечивает точную реконструкцию механизма травмы и объективную фиксацию следов преступления.

Таким образом, виртуальная аутопсия представляет собой новую форму процессуальной фиксации, интегрирующую достижения медицины, цифровых технологий и криминалистики в практику досудебного расследования.

Рассмотрение сущностных характеристик технологии виртуальной аутопсии позволяет перейти к анализу ее правового статуса и процессуальных оснований применения в досудебном расследовании.

Применение технологии виртуальной аутопсии в Казахстане и России опирается на положения уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего использование научно-технических средств при расследовании преступлений. Как отмечают А. Б. Оракбаев и соавторы [3], нормы УПК обеих

стран (в частности, ст. 58, 74, 80, 84, 166, 168, 189, 190 УПК РФ [4] и ст. 80, 116, 120, 199, 210, 212 УПК РК [5]) допускают применение технических средств фиксации, фото- и видеорегистрации, а также участие специалистов при производстве следственных действий и судебных экспертиз. Это создает правовые предпосылки для признания результатов виртуальной аутопсии как допустимой формы процессуальной фиксации доказательственной информации, полученной с использованием цифровых технологий визуализации.

В соответствии с п. 381 приказа Министра юстиции Республики Казахстан от 27 апреля 2017 г. № 484 [6] судебно-медицинский эксперт может участвовать в следственных действиях как специалист при осмотре трупа, эксгумации, следственном эксперименте и проверке показаний на месте, что подтверждает возможность применения цифровых методов фиксации в подобных процедурах.

Аналогичные положения содержатся в ч. 6 ст. 164 УПК РФ [4] и ч. 3 ст. 197 УПК РК [5], допускающих использование технических средств и иных способов обнаружения и фиксации доказательств, включая компьютерные технологии визуализации.

В медицинской сфере применение виртуальной аутопсии основывается на нормах Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» (ст. 131) [7] и приказах Министерства здравоохранения № КР ДСМ-170/2020 [8] и № КР ДСМ-259/2020 [9], которые регулируют проведение патологоанатомических исследований и допускают использование визуализирующих методов при наличии согласия родственников умершего.

Таким образом, действующее законодательство Республики Казахстан и Российской Федерации уже содержит правовые нормы, позволяющие использовать технологию виртуальной аутопсии в качестве одного из видов научно-технических средств фиксации доказательственной информации. Вместе с тем отсутствие прямого нормативного упоминания цифровых методов визуализации указывает на необходимость их дальнейшего законодательного уточнения и официального признания в качестве допустимого инструмента судебно-медицинского исследования.

Вместе с тем остаются нерешенными вопросы, касающиеся обращения цифровых данных: отсутствуют единые стандарты сертификации оборудования, метаданных и проверки подлинности файлов (*chain of custody*), что создает риски при их оценке в уголовном процессе. Решением может стать включение в процессуальное законодательство положений о цифровых формах фиксации доказательств и разработка ведомственных стандартов аутентификации, обеспечивающих допустимость и юридическую достоверность результатов виртуальной аутопсии.

Международный опыт подтверждает эффективность подобного подхода. В Швейцарии результаты виртопсии сохраняются в централизованной базе данных с электронной подписью экспертов и регистрацией доступа. В США технология применяется при расследовании массовых катастроф и признается допустимым цифровым доказательством при условии верификации данных. Аналогичные решения реализованы и в ряде других стран, где виртуальная

аутопсия интегрирована в судебно-медицинские и следственные информационные системы.

Таким образом, правовые и организационные предпосылки для внедрения технологии виртуальной аутопсии в Казахстане и России уже сформированы, однако требуют дальнейшего развития и детализации с учетом международных стандартов цифровой фиксации доказательств.

Практическая оценка технологии показывает, что ее применение не ограничивается теоретико-правовым уровнем, но уже находит отражение в деятельности следственных и экспертных органов.

Виртуальная аутопсия играет значительную роль в деятельности органов досудебного расследования, обеспечивая точную фиксацию обстоятельств преступления и повышая качество доказательственного процесса. Технология особенно эффективна при документировании повреждений и реконструкции механизма смерти. Трехмерные модели тела позволяют визуализировать траекторию ранений, направление и силу удара, внутренние повреждения, что исключает субъективизм описаний и повышает точность фиксации данных.

Хранение цифровых изображений и моделей дает возможность повторного исследования без эксгумации, а также независимой проверки заключений, что укрепляет принцип состязательности сторон и повышает прозрачность процесса. 3D-визуализация обладает высокой наглядностью, повышая убедительность экспертных выводов и облегчая восприятие обстоятельств дела судом и следствием.

Практическая эффективность технологии подтверждается примерами судебно-медицинской практики. Так, в Российской Федерации проведено исследование, описанное А. Д. Халиковым и др. [2], где методы мультиспиральной компьютерной и магнитно-резонансной томографии применялись при изучении тела мертворожденного ребенка с врожденными пороками развития. Виртопсия позволила установить точную причину смерти и подтвердить результаты пренатальной диагностики без проведения вскрытия, что демонстрирует диагностическую точность и этическую приемлемость технологии, особенно при расследовании гибели несовершеннолетних и врачебных инцидентов.

Одним из ключевых преимуществ виртопсии является возможность повторной экспертизы и независимой проверки выводов. Хранение данных в цифровом формате (КТ, МРТ, 3D-реконструкции) обеспечивает воспроизводимость результатов и укрепляет доверие к судебно-медицинским исследованиям. В зарубежной практике (Швейцария, США) подобные материалы используются при демонстрации механизма преступления как иллюстративные доказательства [10].

В условиях чрезвычайных ситуаций виртопсия способствует оперативной идентификации погибших и установлению причин смерти без проведения множества традиционных вскрытий, обеспечивая этичность, точность и экономию ресурсов.

Эффективное внедрение технологии требует комплексных организационно-правовых мер: сертификации оборудования и программного обеспечения, разработки единых методических стандартов, подготовки специалистов в области цифровой криминалистики, интеграции результатов виртопсии в систему элек-

тронного уголовного дела и создания защищенного архива цифровых данных с контролем доступа.

Перспективы развития связаны с использованием искусственного интеллекта и машинного обучения для автоматического анализа изображений, созданием национальных архивов судебно-медицинских данных и развитием международного обмена цифровыми доказательствами. Казахстан и Россия обладают потенциалом стать региональными лидерами в этой области, объединив научно-технические и правовые подходы к цифровому доказыванию.

Таким образом, виртуальная аутопсия не только трансформирует подход к фиксации доказательственной информации, но и формирует основу для перехода к цифровой модели досудебного расследования, основанной на принципах научной достоверности, технологической воспроизводимости и процессуальной прозрачности.

Технология виртуальной аутопсии является одним из наиболее перспективных направлений цифровизации досудебного расследования. Она обеспечивает объективное и воспроизводимое исследование обстоятельств смерти, объединяя возможности судебной медицины, радиологии и криминалистики. Полученные в ходе виртопсии данные обладают высокой доказательственной ценностью и могут использоваться при производстве экспертиз, повторных исследований и судебных демонстраций.

Проведенный анализ показал, что действующее законодательство Казахстана и России допускает применение научно-технических средств, однако правовой статус виртуальной аутопсии требует дополнительного нормативного закрепления, включая вопросы сертификации оборудования, аутентификации данных и их процессуального использования.

Научная новизна исследования заключается в обосновании виртопсии как элемента системы цифровой криминалистики – интегрированной совокупности средств, обеспечивающих верифицируемое цифровое доказывание. Практическая значимость работы состоит в определении направлений внедрения технологии: разработке методических стандартов, создании защищенных цифровых архивов и подготовке специалистов нового профиля.

Таким образом, виртуальная аутопсия – это не только инновационный инструмент судебной медицины, но и шаг к формированию новой модели уголовного процесса, основанной на научной достоверности, гуманизме и цифровой прозрачности расследования.

Список библиографических ссылок

1. Thali M. J., Dirnhofer R., Vock P. The Virtopsy Approach: 3D Optical and Radiological Scanning and Reconstruction in Forensic Medicine // Forensic Science International. 2009. Vol. 186. P. 14–23.

2. Виртуальная аутопсия мертворожденного с пентадой Кантрелла и частичной формой спондилоторакального дизостоза / А. Д. Халиков, З. Д. Александрова, Т. Н. Трофимова [и др.] // Медицинская радиология и радиационная безопасность. 2009. Т. LVIII, № 1. С. 50–56.

3. К вопросу об использовании результатов виртуальной аутопсии (виртопсии) в ходе расследования преступлений: научный обзор / А. Б. Оракбаев, Ж. К. Курмангали, Е. Н. Бегалиев [и др.] // Судебная медицина. 2023. Т. 9, № 2. С. 183–192.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Астана, 2014.

6. Об утверждении Правил организации и производства судебных экспертиз и исследований: приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 27 апреля 2017 г. № 484.

7. Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7 июля 2020 г. № 360-VI.

8. Об утверждении тарифов на медицинские услуги, предоставляемые в рамках гарантированного объема бесплатной медицинской помощи и в системе обязательного социального медицинского страхования: приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 30 октября 2020 г. № КР ДСМ-170/2020.

9. Об утверждении стандарта организации оказания патологоанатомической диагностики в Республике Казахстан: приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 14 декабря 2020 г. № КР ДСМ-259/2020.

10. Virtopsy Project: Guidelines for Forensic Radiology. University of Zurich, Institute of Forensic Medicine, 2021.

© Айтмагамбетов А. С., 2026

Ольга Леонидовна Бувечич,
преподаватель кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ

Разбойные нападения относятся к числу наиболее опасных преступлений против собственности. В 2024 г. больше половины всех зарегистрированных преступлений (50,5 %) составили хищения чужого имущества, из них совершенные путем разбоя – 2,8 тыс. [1], за 9 месяцев 2025 г. (январь – сентябрь) зарегистрировано 1,8 тыс. разбойных нападений [2]. Общественная опасность разбоя чрезвычайно высока, поскольку данное деяние посягает не только на имущественные права граждан, но и неизменно сопряжено с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозой применения такого насилия.

В структуре зарегистрированных преступлений разбой стабильно входят в категорию тяжких и особо тяжких деяний, требующих немедленного и высоко-профессионального реагирования со стороны правоохранительных органов.

Первоначальный этап расследования имеет решающее значение для дальнейшего уголовного преследования, так как именно в этот период происходит сбор, фиксация и сохранение основной массы следовой информации и доказательств. Ошибки, допущенные следователем при проведении неотложных следственных действий, таких как осмотр места происшествия или допрос потерпевших и свидетелей, часто являются невосполнимыми и напрямую влияют на уровень раскрываемости и доказательную базу дела.

Для эффективной организации первоначального этапа расследования следователь при получении сообщения о разбойном нападении и проведении процессуальной проверки должен правильно квалифицировать совершенное преступное деяние. В криминалистическом и уголовно-правовом аспекте принципиальное значение имеет разграничение разбоя (ст. 162 УК РФ) и грабежа (ст. 161 УК РФ) [3]. Юридическая сущность разбоя определяется как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Ключевым признаком, влияющим на криминалистическую оценку и тактику действий следователя, является характер насилия. Отличаются эти составы исключительно степенью опасности применяемого насилия для потерпевшего [4, с. 50]. При грабеже насилие допустимо, но оно не должно быть опасным для жизни и здоровья, тогда как разбой всегда сопряжен либо с опасным насилием, либо с угрозой его применения. Неточная или заведомо неверная первичная квалификация деяния как менее тяжкого грабежа, когда фактически имело место опасное насилие (разбой), влечет за собой цепь негативных процессуальных и тактических последствий. Неправильная оценка степени общественной опасности ведет к выделению недостаточных ресурсов (например, менее опытная следственно-оперативная группа или несвоевременное привлечение необходимых специалистов), неполному определению объема необходимых неотложных и первоначальных следственных действий, ошибочному выбору тактики допроса потерпевших и свидетелей.

Таким образом, следователь на первоначальном этапе расследования должен провести немедленный и критический анализ характера насилия, основываясь на первичных показаниях пострадавшего (потерпевшего) и свидетелей-очевидцев, для обеспечения своевременного и адекватного реагирования.

Первоначальный этап расследования разбойных нападений включает в себя немедленное производство неотложных следственных действий. К таким действиям относятся, прежде всего, осмотр места происшествия, допрос потерпевших и свидетелей, обыск, выемка и при установлении лица, совершившего преступление, его задержание. Основная задача неотложных следственных действий – фиксация всей следовой картины совершенного преступления, установление личности и местонахождения преступника в максимально короткие сроки («по горячим следам») и его задержание. Недопустимо откладывать проведение этих действий под предлогом процессуальной волокиты или ожидания

прибытия следователя, если первичное реагирование осуществляет орган дознания.

Существенное влияние на ход расследования оказывает сложившаяся следственная ситуация. На первоначальном этапе расследования разбойных нападений могут сложиться следующие типичные следственные ситуации:

1. Разбой совершен в условиях очевидности, преступник скрылся (например, нападение на торговую точку или банк). Имеются потерпевшие и свидетели, возможно, есть записи с камер наблюдения. Требуется немедленная организация розыска преступника по приметам и изъятие цифровых данных.

2. Разбой совершен в условиях неочевидности (например, нападение в жилище или в малолюдном месте). Следовая картина ограничена, потерпевший находится в состоянии шока или не может дать полные приметы. Требуется тщательная работа со следами и определение круга лиц, знавших о жертве / имуществе.

3. Преступник задержан на месте преступления или по горячим следам. Это наиболее благоприятная ситуация. Требуется немедленного личного обыска, фиксации следов на одежде задержанного, а также безотлагательного допроса с соблюдением всех процессуальных гарантий.

Успех расследования на первоначальном его этапе во многом зависит от способности следователя оперативно определить типичную следственную ситуацию и применить соответствующий алгоритм действий.

Алгоритм действий следователя, несмотря на индивидуализацию под конкретную типичную следственную ситуацию, включает обязательный минимум: немедленный выезд следственно-оперативной группы в полном составе на место происшествия; детальный осмотр места происшествия с участием специалиста-криминалиста; получение оперативно значимой информации о лице, совершившем преступление, и похищенном имуществе, организация их розыска; допрос потерпевшего и свидетелей-очевидцев; принятие мер по изъятию любых носителей видеоинформации.

Осмотр места происшествия является самым неотложным и важнейшим действием. Тактическая особенность осмотра места происшествия по делам о разбое состоит в том, что здесь, в отличие от простых краж, часто остаются не только следы доступа, но и следы ожесточенной борьбы: биологические следы (кровь, слюна, волосы), микрочастицы одежды, а также динамические следы, связанные с применением насилия. Типичная ошибка следователя заключается в неполной или неправильной фиксации динамических следов (например, следов обуви в направлении ухода) или, что еще более критично, в нарушении границ осмотра места происшествия, что ведет к уничтожению ценных доказательств.

Успех первоначального этапа расследования в современных условиях более чем наполовину зависит от скорости и качества изъятия не только материальных, но и цифровых следов. Помимо традиционных биологических и трасологических следов, решающую роль играют данные с систем видеонаблюдения, геолокация мобильных устройств и информация из цифровых реестров. Если следователь не обучен немедленно инициировать процессуальные действия

для закрепления этих цифровых доказательств, они будут безвозвратно утрачены, поскольку многие цифровые данные хранятся недолго. Отсутствие четко прописанных алгоритмов изъятия и анализа цифровой информации в классических методиках расследования представляет собой существенный пробел. Крайне необходимо интегрировать этот комплекс действий в обязательный перечень неотложных следственных действий по делам о разбое.

Неотложный допрос потерпевшего имеет важную цель: получение информации о приметах преступника для немедленного розыска и установление обстоятельств нападения (момент угрозы, характер насилия). Главная проблема здесь – психологическое состояние потерпевшего. Разбой всегда сопряжен с серьезным психологическим шоком, что может исказить первичные показания, поэтому следователю необходимо предпринять все меры для установления свидетелей-очевидцев преступления и организации их допроса, а также обладать навыками установления психологического контакта с допрашиваемым лицом.

Кроме того, на первоначальном этапе расследования часто возникают проблемы с доказыванием применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия. При установлении личности преступника необходимо незамедлительно принимать решение о производстве обыска в его жилище, а также иных помещениях в целях обнаружения и изъятия орудий преступления, назначения соответствующих экспертиз. Если преступник успел избавиться от этих предметов, успех доказывания напрямую зависит от немедленного, широко-масштабного розыска по периметру места происшествия и вдоль маршрутов отхода. Отсутствие предмета преступления может значительно затруднить доказывание квалифицирующего признака.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что деятельность следователя на первоначальном этапе расследования разбойных нападений является критически важным элементом в системе уголовного судопроизводства. Проведенный анализ показал, что на практике возникают проблемы, связанные с оперативной квалификацией совершенного деяния, недостаточной адаптацией неотложных следственных действий к реалиям цифровой среды, допущением следователем ошибок в выборе тактики производства допросов. Эффективность расследования напрямую зависит от способности следователя в условиях ограниченного времени принимать тактически верные решения и максимально использовать научно-технические средства.

Список библиографических ссылок

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 03.12.2025).
2. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2025 г. // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 03.12.2025).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Волоколупова В. А. Вопросы разграничения насильственного грабежа и разбоя // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 4 (11). С. 49–56.

© Бувевич О. Л., 2026

Виталий Федорович Васюков,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации им. А. Я. Сухарева,
доктор юридических наук, профессор

ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (ЧТО УЧИТЫВАТЬ СЛЕДОВАТЕЛЮ ПРИ ДОПРОСЕ ПОТЕРПЕВШЕГО?)

Телефонное мошенничество как социально-психологический феномен представляет собой одну из наиболее актуальных угроз современного общества. Его специфика заключается в том, что оно базируется не только на технических способах обмана, но, прежде всего, на использовании психологических механизмов воздействия, подробно систематизированных в трудах по психологии воздействия.

По данным компании «Лаборатория Касперского», за первый квартал 2025 г. по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. доля российских пользователей, столкнувшихся с классическими звонками с подозрением на мошенничество с неизвестных номеров, выросла почти на 3 % и составила 43 % [1].

В отличие от традиционных форм преступной активности, где материальные или физические средства занимают центральное место, телефонное мошенничество опирается на эксплуатацию когнитивных и эмоциональных уязвимостей человека, что делает его особенно опасным и трудноуловимым в повседневных ситуациях.

Согласно концепции психологической безопасности, предложенной Т. С. Кабаченко, главным условием гармоничного функционирования личности и общества является такое состояние информационной среды, которое не способствует нарушению целостности и адаптивности социальных субъектов [2, с. 56].

Телефонное мошенничество, напротив, создает условия, угрожающие психологической целостности: оно подрывает доверие к социальным институтам, формирует хроническое чувство тревоги и уязвимости, а также препятствует адекватному отражению человеком действительности. Таким образом, данное явление следует рассматривать не только в криминологическом, но и в психо-

лого-аксиологическом измерении, связывая его с вопросами безопасности личности и общества.

С точки зрения механизмов воздействия телефонное мошенничество иллюстрирует широкий спектр стратегий, описанных в психологической литературе. Одним из наиболее часто используемых является механизм фиксации внимания. Мошенники выстраивают коммуникацию так, чтобы внимание собеседника было сосредоточено исключительно на доминирующем элементе ситуации – угрозе, опасности или возможности немедленной выгоды. Кабаченко описывает этот процесс как маркирование ситуации ориентирующими элементами: внимание жертвы целенаправленно фокусируется на одном объекте, что снижает способность воспринимать альтернативную информацию. Именно поэтому в ситуациях звонков «о проблемах с родственником» или «о подозрительных операциях по счету» человек оказывается под давлением искусственно созданного чувства срочности, которое блокирует рациональную обработку данных.

Другим ключевым приемом является апелляция к авторитету. Злоумышленники представляются сотрудниками банка, полиции или государственных органов, что создает иллюзию официальности и запускает у жертвы когнитивную установку на подчинение. Этот механизм можно описать в терминах субъект-объектной стратегии взаимодействия: одна сторона приписывает себе право на контроль и диктат, в то время как другая оказывается в позиции объекта воздействия. В результате критичность восприятия снижается, а вероятность подчинения требованиям возрастает [3, с. 83].

Важное значение имеет и тактика фрагментарного информирования. Злоумышленники нередко начинают разговор с упоминания достоверных деталей – имени, части номера телефона или банковской карты, что создает иллюзию компетентности и информированности. В психологии воздействия подобная техника трактуется как повышение субъективной значимости аргументов: наличие даже небольшой доли правдивой информации резко увеличивает доверие к последующим утверждениям, даже если они полностью ложны. Когнитивная неопределенность, возникающая в такой ситуации, заставляет человека искать простейшее решение и соглашаться на предложенные условия, особенно если они поданы как способ немедленно устранить проблему.

Не менее распространенным является использование эмоциональных состояний. Телефонные мошенники стремятся вызвать у жертвы сильные чувства – страх, тревогу, стыд или, напротив, эйфорию, связанную с обещанием выигрыша или компенсации. В литературе подчеркивается, что в условиях сильного эмоционального возбуждения у человека снижается способность к критическому мышлению и возрастает внушаемость. Таким образом, эмоциональное воздействие становится основным каналом манипуляции. Примером может служить сообщение о «выигрыше», которое стимулирует надежду на материальную выгоду, или звонок о «преступлении», в котором якобы замешан родственник, что провоцирует сильнейший страх и желание немедленно действовать [4, с. 330].

Особое место занимает метод создания когнитивного диссонанса. Мошенники нередко используют противоречивую информацию, сочетая угрозы и обе-

щения, что приводит к внутреннему напряжению у собеседника. В условиях диссонанса человек стремится как можно быстрее восстановить внутреннее равновесие, что часто достигается подчинением требованиям злоумышленников. Этот прием тесно связан с описанной Кабаченко стратегией противопоставления содержания непосредственного восприятия и оперативного информирования, когда реципиент сталкивается с несовместимыми интерпретациями ситуации и оказывается дезориентированным [5, с. 465].

Научный анализ механизмов телефонного мошенничества действительно предполагает его интерпретацию не исключительно в рамках криминологии или прикладной юриспруденции, но как элемента более широкой системы информационно-психологического воздействия. Такой подход позволяет выявить не только поведенческие стратегии злоумышленников, но и глубинные механизмы манипуляции сознанием, свойственные различным сферам общественной жизни. В основе телефонного мошенничества лежат универсальные приемы воздействия на когнитивные и эмоциональные процессы, которые в академической литературе рассматриваются как составляющие арсенала социальной инженерии и массовых коммуникаций.

Прежде всего, телефонное мошенничество демонстрирует, что психологическое воздействие может реализовываться в условиях минимального объема информации и сокращенного канала коммуникации – голосового контакта без визуального подтверждения. В этих условиях ключевую роль начинают играть интонационные характеристики речи, структура диалога, чередование вопросов и утверждений, что соответствует описанным в литературе механизмам фиксации внимания и формирования субъективной значимости сообщения [6, с. 269].

Понимание этих универсальных закономерностей дает основания рассматривать телефонное мошенничество как частный случай общего феномена психологического давления, где цель заключается в изменении когнитивных установок и поведенческих реакций субъекта.

С точки зрения последствий телефонное мошенничество представляет собой не только угрозу имущественным интересам личности, но и фактор психологической дестабилизации. Оно формирует у жертвы устойчивое чувство недоверия к социальным институтам, снижает уровень субъективной безопасности и может приводить к долгосрочным изменениям личностных установок. Такие последствия соответствуют концепции нарушения психологической безопасности: целостность личности и ее способность к адаптивному функционированию оказываются под угрозой даже в случае, если материальный ущерб был минимален или отсутствовал.

Противодействие телефонному мошенничеству должно включать в себя не только правовые и технические меры, но и психологические стратегии защиты. Кабаченко подчеркивает, что устойчивость личности к информационно-психологическому воздействию определяется уровнем ее когнитивной гибкости, способностью к творческому мышлению и сохранением внутренней целостности. В практическом плане это означает необходимость формирования у граждан навыков критического анализа информации, умения распознавать признаки манипуляции и способности сохранять эмоциональную стабильность в стрессовых условиях.

Особое внимание следует уделять просветительским и образовательным программам. В условиях информационной открытости и доступности мошеннические схемы могут быстро распространяться среди широких групп населения. Поэтому эффективной мерой профилактики становится систематическое информирование граждан о характерных приемах мошенников и о способах их распознавания. Научные исследования показывают, что даже простое знание нескольких «сигнальных» признаков значительно снижает вероятность стать жертвой обмана.

Опираясь на сказанное, отметим, что телефонное мошенничество следует рассматривать как специфическую форму психологического воздействия, использующую базовые механизмы манипуляции восприятием и поведением человека. Его изучение в психологическом ключе позволяет выявить внутренние закономерности функционирования мошеннических схем и обозначить эффективные пути противодействия, включающие развитие когнитивной устойчивости личности, институциональные меры контроля и системное просвещение общества. В этом контексте борьба с телефонным мошенничеством выступает не только задачей органов предварительного следствия, но и важнейшим направлением обеспечения психологической безопасности личности и общества в целом.

При рассмотрении телефонного мошенничества как особой разновидности психологического воздействия следователь, допрашивающий пострадавшего, должен исходить из того, что предметом его внимания является не только факт совершения преступления и материальные потери, но и сложный психоинформационный контекст, в рамках которого формировался ответ жертвы на высокоинтенсивное манипулятивное воздействие.

Стрессовые и трансовые состояния, индуцированные мошеннической коммуникацией, часто вызывают фрагментацию воспоминаний, нарушение хронологии и искажение деталей, которые в обычных условиях могли бы восприниматься как устойчивые. В связи с этим целесообразно планировать допрос таким образом, чтобы минимизировать дополнительное эмоциональное возбуждение: начинать с нейтральных вопросов, предоставлять возможность пауз, избегать многократного «воскрешения» травматического эпизода без необходимости и фиксировать ответы в максимально буквальной форме – дословные формулировки потерпевшего важны для последующего анализа техники воздействия (какие фразы использовал преступник, какие формулы вызывали реакцию и т. д.).

Полезно констатировать при этом сам факт переживания – просить описать не только содержательную сторону события, но и переживаемые эмоции и физиологические реакции, поскольку они являются маркерами глубины воздействия и помогают интерпретировать достоверность и полноту воспоминаний.

Поскольку коммуникация по телефону оставляет цифровой след, следователь должен сопоставить субъективный рассказ с объективными данными: деталями входящих / исходящих звонков, записями автоматических уведомлений, выписками банковских операций и, при наличии, записью разговоров. Важно выстроить хронологию событий: не только «что» произошло, но и «во сколько»,

«с каких номеров» и «какие действия были совершены после звонка». При этом целесообразно фиксировать то, что пострадавший делал между звонком и моментом передачи (перевода) денежных средств, поскольку мошеннические схемы часто включают серию шагов со стороны жертвы (переходы по ссылкам, авторизация приложений, переводы), и интерпретация этих промежутков даст понимание структуры манипуляции.

Список библиографических ссылок

1. В первом квартале 2025 года почти каждый второй россиянин столкнулся с «традиционным» телефонным мошенничеством. URL: <https://clck.ru/3PTY6t> (дата обращения: 20.09.2025).
2. Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия: учеб. пособие. М.: Педагогическое общество России. 2000. 544 с.
3. Змазнева О. А. Язык обмана: схема сценария и причины вовлечения жертв в ситуации телефонного мошенничества // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2024. № 4 (52). С. 81–89.
4. Ванюков Н. М., Цупикова Е. В. Средства и мишени воздействия мошенников в телефонном разговоре // Современные проблемы науки, общества и культуры: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2023. С. 328–336.
5. Чаплыгина В. Н., Фомина В. Э. Электронные средства платежа как объект для мошенничества // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 12 мая 2023 г. Т. 2. Курск, 2023. С. 463–469.
6. Чаплыгина В. Н., Черкасова Е. А., Рудов Д. Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267–271.

© Васюков В. Ф., 2026

Данил Дмитриевич Вихарев,
преподаватель кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России;
Егор Денисович Дудин,
слушатель 5 курса Нижегородской академии МВД России

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ОБОРОТА СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ (СТ. 234 УК РФ)

Преступления, связанные с нарушением правил оборота сильнодействующих веществ (далее – СДВ) или лекарственных препаратов, содержащих в своем

составе такие вещества, представляют собой значительную угрозу как для здоровья граждан, так и для общественной безопасности в целом. В последние десятилетия наблюдается значительный рост числа правонарушений в этой области, что обусловлено как увеличением доступности таких веществ, так и недостаточной эффективностью правового контроля и профилактических мер.

Наиболее проблемной является ситуация, когда преступления связаны с легальными медицинскими или фармацевтическими операциями, что затрудняет их выявление и расследование. Маскировка незаконных действий под медицинские процедуры или фармацевтическую деятельность осложняет работу правоохранительных органов, поскольку эти преступления зачастую скрыты от общества и органов контроля. Особое внимание в этом контексте стоит уделить как профессиональным правонарушителям, так и преступным группам, использующим уязвимости в системе здравоохранения и фармацевтики для незаконного оборота СДВ.

Преступления в данной сфере затрагивают не только здоровье граждан, но и стабильность функционирования медицинской и фармацевтической сфер. В последние годы проблема незаконного оборота СДВ становится все более актуальной, что объясняется ростом количества таких преступлений и серьезными последствиями для здоровья населения.

Нарушение установленных правил оборота СДВ или препаратов, содержащих такие вещества, может привести к распространению этих препаратов среди широких слоев населения, что создает угрозу для здоровья граждан, способствует развитию наркозависимости и иных заболеваний, связанных с их незаконным использованием. Важно отметить, что нарушения, описанные в статье, затрудняют нормальное функционирование здравоохранения и фармацевтической отрасли, создавая риски для ее стабильности.

Особую опасность представляют преступления, совершенные субъектами легального оборота СДВ, к которым можно отнести: медицинских работников (врачей, фармацевтов, медицинских сестер и др.); работников лабораторий и научных учреждений, проводящих исследования в сфере СДВ; руководителей организаций, ответственных за учет и контроль оборота сильнодействующих препаратов. Что в разы повышает латентность данных преступлений [1].

Учитывая особую опасность таких преступлений и их латентный характер, борьба с ними требует высокоэффективной работы правоохранительных органов, совершенствования законодательства, а также усиления контроля в сфере здравоохранения и фармацевтики.

Главными источниками незаконного оборота СДВ могут быть как законные каналы, так и подпольные сети. С одной стороны, это вещества, которые должны использоваться исключительно в медицинских, фармацевтических или научных целях, но оказываются в руках преступников. С другой стороны, существует целая сеть нелегальных производств, создающая и распространяющая СДВ без какого-либо контроля со стороны государства [2].

Одним из источников незаконного оборота СДВ являются законные каналы, такие как фармацевтические компании, аптеки, медицинские учреждения и исследовательские лаборатории, где СДВ используются для производства ле-

карств или научных исследований. Однако в случае нарушения внутреннего контроля, халатности работников или недостаточности мер безопасности такие вещества могут быть похищены или неправомерно переданы третьим лицам. Медицинские работники, фармацевты и сотрудники лабораторий могут стать источником незаконного оборота СДВ, если они нарушают правила хранения, учета или реализации этих веществ [3].

Злоупотребление должностными полномочиями, коррупция среди сотрудников, а также ненадлежащий контроль со стороны руководства в этих учреждениях способствуют утечке СДВ в незаконный оборот. В таких случаях, например, фармацевты или медицинские работники могут быть вовлечены в преступную деятельность, продавая СДВ на черном рынке или передавая их преступным группам.

Кроме того, существует целая сеть нелегальных источников, которые активно создают и распространяют СДВ без какого-либо государственного контроля. Производство рассматриваемых веществ в подпольных лабораториях, а также переработка препаратов, предназначенных для законного оборота, в незаконные. Преступные группировки и наркоторговцы часто используют методы контрабанды для получения СДВ, а также фальшивые рецепты или поддельные документы для их приобретения [4].

Одним из ключевых факторов, способствующим незаконному обороту СДВ, является коррупция среди работников фармацевтических и медицинских учреждений. Например, врачи и фармацевты могут получать взятки за создание фальшивых рецептов, а фармацевтические компании – за продажу препаратов, содержащих СДВ, в обход установленных стандартов безопасности. Это создает благоприятные условия для распространения наркотиков и психотропных веществ среди населения.

Выявление преступлений, связанных с нарушением правил оборота СДВ, представляет собой серьезную проблему для правоохранительных органов и других контрольных институций. Проблемы, с которыми сталкиваются следователи и органы правопорядка, многообразны.

1. Отсутствие централизованной базы данных. Одной из главных проблем является недостаточная координация между государственными органами, которые контролируют оборот СДВ. Отсутствие единой информационной системы затрудняет отслеживание движения веществ, что ведет к дефициту контроля за их перемещением и использованием.

2. Сложности в отслеживании незаконных каналов. Преступники используют сложные схемы для сокрытия своей деятельности, что делает обнаружение незаконного оборота СДВ чрезвычайно трудным. Например, поддельные документы, использование подставных лиц и вовлечение законных предприятий в преступную деятельность усложняют расследование.

3. Коррупция и халатность. В некоторых случаях коррупция и халатность среди сотрудников медицинских и фармацевтических учреждений мешают расследованию. Это может привести к тому, что преступления остаются нераскрытыми или вовсе не выявляются из-за активного участия сотрудников в незаконной деятельности.

4. Преступления в онлайн-среде. С развитием цифровых технологий преступники переносят свои незаконные действия в Интернет, где скрывают следы с помощью анонимных платформ и криптовалют. Это усложняет работу правоохранительных органов, затрудняя идентификацию преступников и отслеживание их действий.

5. Нехватка специализированных кадров. Для эффективного расследования преступлений в сфере незаконного оборота СДВ необходимы специалисты с соответствующими знаниями и опытом. Не все правоохранительные органы обладают достаточной квалификацией для работы с новыми технологиями и интернет-ресурсами, что создает дополнительные трудности при расследованиях.

Подводя итог исследованию, можно заключить, что преступления, связанные с нарушением правил оборота СДВ, продолжают оставаться одной из самых актуальных и серьезных проблем в сфере уголовного права. Основной проблемой, с которой сталкиваются правоохранительные органы, является недостаточный контроль за оборотом сильнодействующих препаратов, что создает условия для их хищения, подделки или использования в целях, не предусмотренных законом. Это, в свою очередь, приводит не только к распространению наркозависимости, но и к увеличению количества преступлений, связанных с незаконным оборотом данных веществ, а также усугублению проблем в сфере здравоохранения, где подобные вещества играют важную роль. Таким образом, для эффективной борьбы с незаконным оборотом СДВ необходимы комплексные меры: улучшение внутреннего контроля, внедрение современных информационных технологий для отслеживания движения препаратов и повышение ответственности как производителей, так и государственных органов контроля.

Список библиографических ссылок

1. Вихарев Д. Д. Проблемные аспекты возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с незаконным сбытом лекарственных средств, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 91–97.

2. Прокофьева Е. В., Прокофьева О. Ю., Шаркевич Н. В. Проблема незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ // Актуальные проблемы юридической науки и практики. Гатчина, 31 марта 2017 г. Т. 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2017. С. 349–353.

3. Кодзоков Б. В. Проблемы борьбы с незаконным оборотом сильнодействующих веществ и проблемы квалификация деяния группой лиц по предварительному сговору // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 246–247.

4. Мелкумян С. С. Юридические основы законного оборота наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. М.: МАКС Пресс, 2003. 33 с.

© Вихарев Д. Д., Дудин Е. Д., 2026

Данил Дмитриевич Вихарев,
преподаватель кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России;
София Андреевна Кастальская,
слушатель 5 курса Нижегородской академии МВД России

**ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
ИЛИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ, СОДЕРЖАЩИХ
В СВОЕМ СОСТАВЕ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
И ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА**

В современных условиях ярко выражена проблема потребления и распространения наркотических средств и психотропных веществ. Связанная с этой темой преступность стала серьезной угрозой для национальной безопасности Российской Федерации и ее будущего. Причина происходящего – в резком увеличении масштабов нелегального оборота рассматриваемых подконтрольных веществ и усиленном формировании их теневого рынка. Это существенно осложняет деятельность правоохранительных органов: становится гораздо тяжелее контролировать данную сферу, в связи с чем этому вопросу уделяется особое внимание.

Активное развитие технологий и условия цифровизации существенно изменили формы и методы совершения преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и содержащих их лекарственных препаратов. Повышенная общественная опасность данного вида преступлений требует от правоохранительных органов не только глубокого знания специфики таких преступлений, но и способности адаптироваться к постоянно трансформирующимся схемам сбыта [1]. Организаторы вовлекают в преступную деятельность молодежь, активно используют интернет-пространство, анонимные платформы и мессенджеры, что существенно затрудняет их выявление и привлечение к ответственности [2]. Современные формы незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ отличаются высоким уровнем конспирации и технологичности. Наиболее массовой формой сбыта в России стала «система закладок». Этот способ выгоден руководителям тем, что исключает непосредственный контакт между продавцом и покупателем, а следовательно, снижает риск задержания лица. Часто преступные группы маскируют сбыт под законную деятельность, используя службы доставки, фиктивные интернет-магазины. Под видом доставки бытовой химии, косметики или БАДов осуществляется передача запрещенных веществ. Могут также использоваться такси, каршеринг и курьерские платформы, водители и исполнители которых не всегда осведомлены о характере передаваемых посылок. В отдельных случаях сбыт осуществляется через аптечные сети, где под видом легальной продажи препаратов сбываются лекарственные препараты, содержащие в своем составе подконтрольные вещества.

Для того чтобы противостоять этому, от органов внутренних дел требуется применение современных методов оперативно-разыскной работы. В этой связи особое значение приобретает анализ особенностей выявления и фиксации таких преступлений. Традиционные методы розыска (наружное наблюдение, агентурная работа) требуют адаптации. Одним из наиболее действенных инструментов является проверочная закупка, позволяющая зафиксировать сам факт сбыта, за которым может последовать задержание с поличным. Как правило, при проведении этих мероприятий сотрудниками органов внутренних дел будут изыматься наркотические средства и психотропные вещества. Проверочную закупку следует планировать и проводить как операцию, основными структурными элементами которой являются: анализ информации об объекте (проверяемом лице); подбор и внедрение лица под видом «покупателя» наркотических средств к сбытчику наркотических средств, что требует высокой квалификации и соблюдения нормативных ограничений, чтобы исключить провокации преступления [3]. При задержании необходимо обращать внимание на предметы, документы и иные следы, указывающие на незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ (железнодорожные билеты, счета за междугородные телефонные разговоры, телеграммы и письма, денежные переводы, упаковочные материалы, тара, используемые для транспортировки наркотического сырья; предметы, используемые для инъекций, и др.) [4].

Ключевым элементом в выявлении преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ становится анализ цифровой информации – переписки в мессенджерах, IP-адресов, логов серверов, движения криптовалют. Умение оперативных служб работать с такими данными напрямую влияет на успех выявления преступной схемы. Одним из сложнейших аспектов в уголовном процессе является доказательство умысла именно на сбыт, а не на хранение наркотических средств. Особенно это актуально, когда изъятое вещество было только приготовлено к распространению или закопано для последующего сбыта. Наличие фасовки, точек на карте, переписки с клиентами и других косвенных признаков может свидетельствовать именно о намерении сбыть наркотическое средство. Допустимость и достоверность цифровых доказательств, например, скриншотов переписок, требует строгого соблюдения процессуальных норм при фиксации и оформлении таких материалов.

Повышение качества раскрытия и расследования уголовных дел, разработка новых средств и методов выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, комплексно способствуют эффективному противодействию распространения наркомании в России и спасению жизни людей. Борьба с незаконным сбытом требует не только точечных усилий, но и комплексной стратегии, включающей технологическое перевооружение.

Список библиографических ссылок

1. Дрозд А. Н. Отдельные вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 2 (42). С. 21–27.
2. Вихарев Д. Д. Особенности выявления преступлений в сфере немедицинского оборота лекарственных средств, содержащих наркотические средства, психотропные, сильнодействующие вещества // Альманах № 8: сб. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф. Нижегородской школы процессуалистов. Нижний Новгород, 19 ноября 2024 г. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 277–287.
3. Скориков Д. Г., Коловоротный А. А. Особенности выявления и документирования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Российский следователь. 2018. № 3. С. 25–29.
4. Бредихина Е. Э. Особенности проверочной закупки наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы современной юриспруденции: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Липецк, 6 декабря 2012 г. / Институт права и экономики; под ред. С. Л. Никоновича. Липецк: Издательство Першина Р. В., 2012. С. 109–111.

© Вихарев Д. Д., Кастальская С. А., 2026

Дарья Николаевна Евлушина,
доцент кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСТВОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Стремительное развитие информационных технологий и цифровизации финансовых услуг привело к трансформации структуры преступности. Мошенничество с использованием электронных платежных средств (далее – ЭПС) представляет собой одну из наиболее серьезных угроз экономической безопасности Российской Федерации и ее граждан. Динамичный рост IT-преступности, характерный для последних лет, требует незамедлительного совершенствования процессуальных и криминалистических методик расследования.

Масштаб проблемы подтверждается актуальными статистическими данными. За 11 месяцев 2024 г. в России было выявлено свыше 702 000 IT-преступлений, что демонстрирует рост на 14,3 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. [1]. Общий материальный ущерб от дистанционных хищений превысил 168 млрд руб. Особое внимание привлекает мошенничество, связанное непосредственно с ЭПС: количество операций злоумышленников с использованием платежных карт достигло 821 870, превысив остальные виды мошенничества. Наибольший финансовый ущерб (9,6 млрд руб.) пришелся на операции, связанные с использованием систем дистанционного банковского обслуживания (далее – ДБО).

Высокая доходность данного вида преступлений и сложность их раскрытия обусловлены трансграничным характером, использованием изощренных методов социальной инженерии и быстрым выводом похищенных средств. Поскольку мошенничество с ЭПС оставляет специфические цифровые следы, которые являются эфемерными и легко уничтожаемыми, их обнаружение, фиксация, изъятие и последующий анализ невозможны без привлечения субъектов, обладающих специальными знаниями. Таким образом, анализ и оптимизация механизмов применения специальных знаний в процессе расследования являются ключевым условием повышения эффективности борьбы с кибермошенничеством.

В контексте преступлений с ЭПС специальные знания включают глубокие познания в области информационной безопасности, сетевого взаимодействия, криптографии, а также функционирования банковских и платежных систем.

В расследовании мошенничества с ЭПС роль специалиста на первоначальном этапе критически важна. В отличие от традиционных преступлений, цифровые следы являются крайне неустойчивыми. Специалист, обладающий знаниями в области информационных технологий, должен быть незамедлительно привлечен к осмотру цифровых носителей, для того чтобы обеспечить процессуально корректное изъятие и фиксацию данной информации.

Однако практика показывает значительную недооценку роли специалиста на начальных этапах расследования. Статистика свидетельствует о том, что следователи и дознаватели значительно чаще проводят осмотр (79 %), допрос (68 %) и обыск (63 %), в то время как назначение судебных экспертиз занимает лишь 47 % от общего числа следственных действий. Этот процессуальный дисбаланс, выражающийся в инерционности следственной практики и позднем привлечении субъектов специальных знаний, является основной причиной потери или искажения ключевых цифровых доказательств в делах о кибермошенничестве [2].

Эффективное расследование мошенничества с ЭПС требует не просто отдельных видов экспертиз, а их комплексного применения, направленного на установление как механизма преступления, так и финансовых последствий.

Компьютерно-техническая экспертиза (далее – КТЭ) играет центральную роль в расследовании преступлений, связанных с использованием цифровых технологий. КТЭ позволяет выявить факты несанкционированного доступа, передачи и модификации информации, что необходимо для доказательства способа совершения мошенничества (например, использование фишинга или вредоносного ПО).

КТЭ подразделяется на несколько основных видов, включая физическую (носители), логическую (структура данных), программную (анализ ПО) и сетевую (анализ сетевой активности) экспертизы.

Основные задачи КТЭ в делах об ЭПС:

- восстановление удаленных или скрытых данных (переписки, логов, финансовых документов);
- анализ вредоносного программного обеспечения, использованного для получения доступа к ДБО или кражи учетных данных;
- установление IP-адресов, маршрутов сетевой активности и времени совершения подозрительных операций;
- идентификация пользователей, работавших с устройством или аккаунтом.

Учитывая, что наибольший ущерб приходится на хищения через ДБО (9,6 млрд руб.), сетевой анализ приобретает первостепенное значение. Анализ банковских логов, маршрутов подключения, использования VPN, TOR и прокси-серверов часто является более информативным, чем традиционный анализ конечных устройств (ПК или смартфонов). Это требует от экспертов глубоких компетенций в области финансовой криминалистики и информационной безопасности, а не только общих IT-знаний.

Судебно-экономическая экспертиза (далее – СЭЭ) направлена на установление точной суммы материального ущерба от мошеннических действий и документирование движения денежных средств. Эта экспертиза является базовой для определения крупного или особо крупного размера ущерба, необходимого для квалификации деяния.

В случаях мошенничества с ЭПС сложность СЭЭ возрастает, поскольку требуется проследивание сложного «цифрового следа» денег через многочисленные транзакции, мультисчета, счета «дропов» и, в современных реалиях, цепочки криптовалютных операций (обналичивание через криптобиржи).

При расследовании мошенничества в кредитно-финансовой сфере необходим комплексный экономико-криминалистический анализ, который сочетает в себе исследование финансовых документов и статистических закономерностей преступности, а также учитывает международный опыт выявления таких преступлений. Правильный выбор экспертов и назначение комплексного исследования являются базовой составляющей обеспечения объективности процесса доказывания.

Как указывалось, следственная практика демонстрирует процессуальное искажение: следователи склонны опираться на традиционные следственные действия, такие как осмотр и допрос, в ущерб своевременному назначению экспертиз и привлечению специалистов. Этот подход не учитывает скоротечность цифровых следов.

Зачастую специалист привлекается лишь для технического изъятия физических носителей (например, компьютера или телефона), а не для консультации по первичному анализу ситуации и составлению запросов в банки или операторам связи. В делах о мошенничестве с ЭПС, особенно в случаях использования социальной инженерии (ст. 159 УК РФ), задержка в получении данных о тран-

закциях и сетевой активности на часы может привести к безвозвратной потере доказательств, подтверждающих маршрут вывода денег.

Кроме того, при расследовании мошенничества для анализа субъективной стороны и механизма воздействия на потерпевшего, помимо КТЭ, требуется привлечение психологов и лингвистов. Эти специалисты анализируют переписки, голосовые сообщения и тексты, выявляя приемы психологического давления, что критически важно для доказывания умысла на мошенничество.

Ключевым организационным барьером является дефицит экспертов, обладающих многопрофильными знаниями – в области кибербезопасности, криптографии, и одновременно глубокими компетенциями в банковских и финансовых системах.

Мошенничество с ЭПС по своей природе является комплексным, и, следовательно, практически всегда требует назначения комплексной судебно-криминалистической и судебно-экономической экспертизы. Однако на практике сложность организации такой экспертизы – необходимость согласования методик, времени, привлечения специалистов из разных ведомственных или коммерческих структур – часто приводит к тому, что следователи назначают две отдельные экспертизы. Это значительно увеличивает сроки расследования, затрудняет сопоставление выводов и снижает общую доказательственную ценность.

Развитие расследования кибермошенничества требует активного внедрения передовых методик. Необходимо использовать специфические методы сбора доказательств, применяемые в международной практике финансовой разведки и форензик-бухгалтерии.

Ключевым направлением развития является экспертиза блокчейн-транзакций. Учитывая, что средства, похищенные с использованием ЭПС, часто выводятся и легализуются через криптовалюты, включение в арсенал следствия методик отслеживания этих транзакций (криптофорензика) становится насущной необходимостью.

Требуется также разработка и утверждение унифицированных методик проведения КТЭ и СЭЭ, ориентированных именно на схемы хищения через ДБО. Стандартизация методического обеспечения позволит повысить качество заключений, сократить сроки исследований и, как следствие, увеличить процент возмещения ущерба.

Учитывая вышеизложенное, мы пришли к выводу о том, что практический анализ выявил критическую важность комплексного использования КТЭ и СЭЭ для установления механизма хищения и маршрута денежных средств. Определено, что основной проблемой является процессуальный разрыв: значительный рост IT-преступности (более 14 %) и огромный объем хищений через ДБО (9,6 млрд руб.) сопровождаются низкой скоростью и недостаточной частотой применения экспертиз на начальном этапе (назначение экспертиз составляет лишь 47 % следственных действий), что приводит к необратимой потере цифровых доказательств и низкому проценту возмещения ущерба.

Организационно-методические проблемы связаны с дефицитом узких специалистов и сложностью организации комплексных исследований, что требует создания специализированных экспертных структур.

Данные пути решения, по нашему мнению, окажут существенное значение в расследовании преступлений, связанных с мошенничеством с использованием ЭПС.

Список библиографических ссылок

1. Число мошеннических операций с картами увеличилось до 821 870 в 2024 году. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2025/02/18/1092939-chislo-moshennicheskikh> (дата обращения: 05.09.2025).

2. Специальные знания и их роль в системе раскрытия и расследования мошенничества, сопряженного с использованием подложного документа. URL: <https://kvsz.ru/ru/nauka/article/89105/view> (дата обращения: 05.09.2025).

© Евлушина Д. Н., 2026

Евгений Иванович Замылин,
профессор кафедры криминалистики
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ЭВОЛЮЦИЯ «ПСИХОЛОГИЗАЦИИ» КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ КАК ПОСТЕПЕННЫЙ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС

Получение достоверной информации в ходе расследования уголовно наказуемого деяния, независимо от процессуального статуса допрашиваемого, ведомственной принадлежности следователя, в производстве которого находится уголовное дело, сложившейся следственной ситуации, этапа производства по делу и пр., является неоспоримой прерогативой правоприменительной деятельности строго определенной категории должностных лиц, показателем их профессионализма. С этой позиции мы попытаемся представить наше видение касательно использования знаний психологии как залога получения искомых сведений в отношении обстоятельств совершения преступления и лиц, их совершивших. Именно в данном ракурсе «психологизацию» криминалистической тактики следует признать в качестве одного из направлений развития и становления криминалистики как науки в целом и криминалистической тактики в частности, где широко используются наработки и достижения общей и судебной (юридической) психологии, ее рекомендации для повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Познания в сфере психологии, нужно признать, на довольно примитивном уровне, но уже находили свое применение еще на заре цивилизации. Есть письменные памятники глубокой древности, которые не только свидетельствуют о выявлении лжи в показаниях отдельных индивидов, где за основу были приняты проявления внешних признаков их психической деятельности, но и закрепляют подобное на законодательном уровне. Возьмем хотя бы в качестве примера «Законы Ману» [1] как памятник права Древней Индии (V в. до н. э.). В них нашли свое отражение рекомендации по наблюдению за внешними психическими проявлениями конкретного индивида, искренность которого при получении от него той или иной информации и критическом ее анализе вызывает обоснованное сомнение. Именно здесь в качестве оснований для выводов о наличии лжи в показаниях определено следующее: лицо, дающее показания, переступает с одного места на другое без крайней необходимости, облизывает языком губы, голос дрожит, а фразы прерываются, лоб покрывается потом, а лицо меняется в цвете и пр. Стоит отметить, что заложенные в комментируемом правовом источнике основы не далеки от истины: в ходе практической деятельности нам приходилось неоднократно наблюдать подобное.

Думаем, уместным здесь будет сказать несколько слов о мусульманском философе, ученом-энциклопедисте, враче, представителе восточного аристотелизма Ибн-Сине (Авиценне). Проводя свои научные исследования на рубеже X–XI вв., среди прочего он описал несколько случаев, когда психологические факторы влияли на физическое состояние пациента. В частности, им подмечено, что страх и тревога могут вызвать учащенное сердцебиение и повышенное потоотделение. В научных трактатах, применительно к излагаемой нами тематике, целенаправленный поиск новых знаний Авиценны затрагивал и вопросы человеческих эмоций и, в частности, аффектов в регуляции и развитии поведения организма. В научном мире имеет место точка зрения, согласно которой этому гениальному ученому, труды которого актуальны до настоящего времени, принадлежит пальма первенства в описании метода психодиагностики [2], где за основу взято учащение пульса у человека под воздействием внешних факторов, в том числе получение ответов на «неудобные» вопросы оппонента. Профессором М. Г. Ярошевским данный метод признан первым в истории психологии случаем психодиагностики, основы которого предопределили принцип функционирования «детектора лжи». Продолжая развивать мысль в данном направлении, он в своей монографии приходит к однозначному выводу, что Ибн-Сина открыл роль противоположных эмоциональных установок в возникновении глубоких соматических сдвигов, что позволяет видеть в его исследованиях зачатки экспериментальной психофизиологии эмоциональных состояний человека [3, с. 87].

Обращаясь к истории позднего средневековья Европы, возьмем за основу исследования Даниеля Дефо, который самым непосредственным образом был «завязан» в процессе получения искомой достоверной информации относительно преступности в Англии XVII–XVIII вв. не только как признанный романист своего времени, но и, по некоторым данным, тайный агент секретной службы при короне Британии. Часть его изданных произведений различных

жанров (более 500 книг) посвящена криминалу и психологии. Так, в частности, в работе «Эффективные схемы предотвращения уличных грабежей и пресечения других ночных нарушений» в качестве основного направления борьбы с преступностью им предложена методика выявления лжи в показаниях лиц, подозреваемых в совершении уголовно наказуемого деяния. В ее основу положено измерение пульса задержанного, у которого страх разоблачения обычно сопровождается тремором в крови; как следствие, измерение пульса в тот или иной момент может преступника разоблачить [4]. Здесь же следует отметить, что современники Дефо отнеслись к его изысканиям довольно скептически, сводя свои замечания к тому, что измерение пульса не дает полной определенности и не может служить доказательством вины. Сам же автор данного метода настаивал, что если способ применять правильным образом, то его результаты можно будет принимать во внимание наряду с другими обстоятельствами, особенно если эти результаты противоречат другим доказательствам, на которых строится подозрение.

Нечто подобное характерно и для деятельности правоохранительных органов на современном этапе¹. В частности, метод «проверки сердцебиения» до последнего времени применялся на контрольно-пропускных пунктах Афганистана при выявлении в поклаже героина. Данный метод сводится к тому, что представитель силового ведомства при возникновении подозрения в отношении того или иного индивида использует нечто вроде «местной психодиагностики», прикладывая ладонь к груди в области нахождения сердца, при этом он задает стандартный перечень вопросов относительно наличия запрещенных веществ. Ориентируясь на сердечный цикл проверяемого, должностное лицо принимает соответствующее решение – проводить досмотр или нет. За основу проверки берутся особые навыки, психологическое чутье и наблюдательность конкретного сотрудника правоохранительных органов, которые строго индивидуальны и учитываются при отборе на подобную должность.

С позиции сегодняшнего дня заметный успех в деле выявления лжи в показаниях лиц, вовлеченных в процесс расследования, предопределен использованием различных по техническим возможностям приборов, осуществляющих регистрацию инструментальной диагностики эмоциональной напряженности (ИДЭН), более известных под наименованием «полиграф». Пионером в сфере использования прообраза полиграфа, основанного на измерении у подозреваемого колебаний давления крови, следует признать итальянского психиатра Чезаре Ломброзо, которым в конце XIX в. проведен целый ряд исследований в данном направлении. В результате эмоционального и психологического стимулирования эксперименты Ч. Ломброзо не ограничивались лишь изменениями кровяного давления, здесь им учитывалась ответная реакция и пульса, и дыхания испытуемого. Признавая неоценимый вклад ученого в процесс выявления заведомо недостоверной информации, полученной от фигуранта по делу, следует

¹ Данный пример в 1985 г. был приведен одним из офицеров «Царандоя» (МВД Демократической Республики Афганистан) на вечере советско-афганской дружбы во время нашего обучения в ВСШ МВД СССР.

обратить внимание и на то, что он проводил исследования и в области проявления таких физиологических реакций, как стресс и тревога, которые, несомненно, взаимосвязаны с эмоциями и психологическим состоянием индивида.

Нужно признать, что полиграф прошел путь «эволюции» от простейшего прибора по измерению у испытуемого колебаний давления крови до современных электронных аппаратов, позволяющих одновременно и непрерывно измерять и фиксировать динамику физиологических изменений состояния человека, представленную 19 параметрами, с последующим выводением их в аналоговом или цифровом виде, предназначенном для оценки достоверности сообщаемой информации.

Одним из родоначальников полиграфа следует признать профессора А. Р. Лурия, советского психолога, основателя нейропсихологии в нашей стране. Его психологические исследования, проведенные порядка 100 лет назад, сводились к диагностике причастности лица к преступлению; при этом был сформулирован один из основных принципов психофизиологических методов выявления скрываемой человеком информации. Он положен в основу определения научной «детекции лжи». Как результат психологических опытов, вопросы, задаваемые индивиду, скрывающему информацию, и / или демонстрация ему тех или иных материальных объектов, имеющих отношение к преступлению, «оживляют» эмоциональное состояние, пережитое ранее; его лишь нужно выявить и зафиксировать.

Однако, несмотря на международное признание исследований А. Р. Лурия, многие видные деятели науки и представители правоохранительных органов Советской России того периода оценили их как выражение реакционной идеи; как способ принуждения и вымогательства показаний; как факт психического и физического насилия над личностью и пр., а проводимые исследования – «научными гнусностями» [5; 6; 7].

Думаем, здесь будет уместным мнение, согласно которому «...научная дискуссия вокруг полиграфа заменялась политической. Вместо того, чтобы научной аргументацией опровергнуть использование подобных методик в расследовании преступлений, акцент ставился на реакционность полиграфа» [8, с. 63, 65]. Трудно оспорить и версию профессора А. Р. Ратинова, где «машина не может быть реакционной, прибор не бывает ненаучным. Он или работает, или не работает» [9, с. 257].

Но время все расставило по своим местам. В настоящее время, по самым скромным подсчетам, количество стран, использующих полиграф в практике борьбы с преступными проявлениями, достигает более полусотни, включая Россию. Полиграф призван отслеживать динамику психофизиологических реакций лица, вовлеченного в процесс расследования, как ответную реакцию на вопросы, содержащие сведения об обстоятельствах уголовно наказуемого деяния. Результат рассчитан на то, что сведениями по делу может обладать лишь индивид, который обладает интересующей следствие искомой информацией, независимо от его процессуального статуса, непосредственно имеющий отношение к преступлению. Внедрение в следственную практику нетрадиционных методов выявления лжи в показаниях лиц, противодействующих расследованию

по делу, обусловлено развитием науки и техники, в том числе достижениями в области психологии, психиатрии, криминалистики и др.

Основная масса изменений физиологических параметров организма фигуранта по делу находится вне пределов досягаемости органов чувств следователя. Поэтому мы порой склонны верить лицу, которое уверенно ведет себя в ходе следственного действия, практически без обдумывания формулирует и дает четкие ответы на поставленные вопросы, и ставим под сомнение ответы индивида, у которого волнение «написано» на лице. Во многом это предопределено индивидуальным складом ума и внешними проявлениями психики допрашиваемого, а также его заинтересованностью в исходе дела. Соответственно, объективизация данного процесса предусматривает необходимость использования специальной аппаратуры, позволяющей расширить диапазон фиксации и оценки психофизиологического состояния участника уголовного судопроизводства. Регистрируемые полиграфом психофизиологические изменения состояния человека представляют собой ответную реакцию организма на внешние раздражители, как то вопросы, исходящие от должностного лица. Полиграф решает проблему выявления осведомленности лица об интересующем следствии факте и сведения к минимуму следственно-судебных ошибок. Исходящая от фигуранта по делу информация может носить как оправдательный, так и обвинительный характер лишь при подтверждении ее иными доказательствами.

Список библиографических ссылок

1. Законы Ману: Манавадхармашастра. URL: https://www.advaita.org/binaries/file/news/f_545.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
2. Нуманов Т. Бессмертный Авиценна, или чем знаменит «метод Сина»? URL: <https://www.shkolazhizni.ru/biographies/articles/27391/> (дата обращения: 21.01.2024).
3. Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1966. 564 с.
4. Кабинет инструментальной детекции лжи. URL: https://vk.com/wall-212662220_8 (дата обращения: 06.11.2023).
5. Вышинский А. Я. Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе // Проблемы уголовной политики. М., 1937. Кн. 4. С. 29.
6. Полянский Н. Проблемы «механизации» уголовного процесса в США // Сов. гос-во и право. 1941. № 1. С. 118.
7. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.; Л., 1947. С. 114–115.
8. Прукс П. Уголовный процесс: научная «детекция лжи». Инструментальная диагностика эмоциональной напряженности и возможности ее применения в уголовном процессе: монография. Тарту: Тартуский Университет, 1992. 199 с.
7. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.

© Замылин Е. И., 2026

Валерия Александровна Зуева,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

При расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 260 УК РФ, особое внимание уделяется доказыванию предмета преступления. Обратим внимание на обновленные с 15 декабря 2022 г. положения постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 18 октября 2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (в ред. от 15.12.2022), а именно на позицию суда о предмете посягательства – у правоприменителя возникает достаточное количество вопросов относительно того, каким образом в рамках расследования уголовного дела о незаконной рубке лесных насаждений возможно получить достоверные, объективные и достаточные данные о статусе земель, на которых произрастают лесные насаждения; необходимых характеристиках незаконно вырубленных лесных насаждений.

Поскольку следователь (дознатель) не обладает специальными знаниями в области лесопатологии, лесотехнических специальностей, ботаники, возникает необходимость привлечения для участия в уголовном деле лиц, обладающих специальными знаниями в указанных научных областях. Результат расследования при этом напрямую зависит от результатов проведения осмотра места происшествия, выявленных следов преступления, полученных образцов для сравнительного исследования, их количественных и качественных характеристик, и, соответственно результатов судебных экспертиз [1, с. 173].

Важно понимать, что с учетом специфики рассматриваемых преступлений приглашение специалиста не должно осуществляться лишь на этапе расследования уголовного дела (т. е. после возбуждения уголовного дела). Обращаться за разъяснениями отдельных положений лесного законодательства, технологических процессов, связанных с заготовкой древесины; привлекать специалистов к производству осмотров места происшествия, предметов и документов при подготовке и назначении судебных экспертиз необходимо не иначе, как на этапе проверки сообщения о преступлении, поскольку уже тогда действия следственно-оперативной группы ориентированы на формирование доказательственной базы, фиксацию основных обстоятельств совершенного преступления, на чем основывается принятие процессуального решения.

В таком случае специалист, например, из числа работников лесничества участвует в осмотрах места происшествия (мест незаконных рубок, мест складирования и хранения незаконно вырубленной древесины), лесозаготовительной и лесовозной техники, древесины, дает объяснения по отдельным вопросам, в том числе по результатам участия в осмотрах.

Одним из первоочередных направлений работы следователя (дознателя) на этапе проверки по материалу в целях обеспечения правильной квалификации деяния в рамках материала проверки и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, является истребование документов. Так, в органах, осуществляющих полномочия в области лесных отношений (лесничествах), необходимо истребовать по запросу следующие документы:

- копии документов, подтверждающих право пользования лесным участком;
- сведения о категории земель, на которых обнаружена незаконная рубка;
- данные об обстоятельствах нарушения лесного законодательства;
- акт о лесонарушении;
- справка о расчете причиненного ущерба (со ссылкой на методику исчисления размера ущерба и таксы в соответствии с действующими нормативно-правовыми актами) с указанием ее свойств (деловая / дровяная);
- выкопировка из лесоустроительного планшета;
- схема-план лесонасаждений участка незаконной рубки;
- копия таксационного описания участка незаконной рубки и т. д.

В то же время, как правило, перед направлением запроса о предоставлении вышеуказанных сведений требуется получить предварительную консультацию от работника лесничества о списке документов, которые могут быть предоставлены (может зависеть от расположения и статуса лесного участка, информация о котором запрашивается). Это обусловлено следующими аспектами:

1. Необходимость удостовериться в том, что лесной участок, на котором произведена незаконная рубка, находится в ведении указанного участкового лесничества; входит ли этот участок в состав лесного фонда и не относится ли он к иной категории лесов, находящихся в ведении Росимущества, ОАО «Российские железные дороги», муниципального образования и пр.

При отсутствии требуемых документов у заявителя и спорном вопросе о принадлежности данной земли к какой-либо категории, а равно собственности необходимо обратиться в органы местного самоуправления или в Росреестр [2, с. 157].

2. Необходимость исключить ситуацию, связанную с предоставлением недостаточного объема информации, вследствие чего при установлении места незаконной рубки, расчете ущерба может быть допущена ошибка.

Отдельно стоит остановиться на сведениях о расчете стоимости причиненного ущерба, который производится работниками лесничества на основании нормативно-правовых актов. Несмотря на то что к справке об ущербе прилагаются подтверждающие документы, расчет-обоснование, содержание указанных документов зачастую требует дополнительных разъяснений специалиста (в частности, о применявшихся при расчете стоимости ущерба формулах, коэффициентах). Получение объяснения с должностного лица, производившего расчет, производится после поступления в распоряжение следователя всего объема запрошенных документов и обеспечивает обоснованность принимаемого по результатам проверки процессуального решения.

На этапе расследования уголовного дела следователь (дознатель) допускает для участия в уголовном процессе специалиста из числа работников участ-

кового лесничества (может быть допущено несколько специалистов) путем вынесения соответствующего постановления о привлечении специалиста, обладающего специальными знаниями в (соответствующей) области, для участия в уголовном судопроизводстве. При этом необходимо истребовать заверенные в установленном порядке копии документов с места работы привлекаемого специалиста, а именно:

- приказа о приеме работника на работу;
- приказа о переводе работника на другую работу (при наличии);
- диплома об образовании;
- свидетельства о повышении квалификации (при наличии);
- удостоверения о переподготовке (при наличии);
- должностной инструкции (должностного регламента).

Вышеуказанные документы должны подтверждать квалификацию лица в той области знаний и профессии, в рамках которых планируется получение разъяснений.

После истребования названных документов и вынесения постановления о допуске для участия в уголовном деле специалиста последний знакомится с постановлением, ему разъясняются права в соответствии со ст. 58 УПК РФ, после чего осуществляется его допрос (составляется протокол допроса специалиста).

Применительно к разъяснениям относительно расчетов ущерба, причиненного в результате незаконной рубки лесных насаждений, содержание объяснений и показаний, зафиксированных в протоколах допроса специалиста, должно отражать:

1. Информацию о месте работы и должности, стаже по специальности, описание основных должностных полномочий, в части которых будут осуществляться разъяснения.

2. Степень осведомленности о совершенном преступлении, источник осведомленности и иные известные обстоятельства преступления, известные специалисту.

3. Подробное описание произведенных им расчетов причиненного ущерба и разъяснения содержания подготовленных им документов, представленных в распоряжение следователя.

4. Обязательную ссылку на нормативные правовые акты (в том числе локальные), на основании которых был произведен расчет ущерба.

Содержание вопросов, выясняемых у специалиста, дополняется или видоизменяется, в зависимости от его квалификации и той сферы знаний, в рамках которых он привлечен к расследованию. Например, могут быть выяснены вопросы, связанные с описанием непосредственно незаконно вырубленных лесных насаждений (их качественный, количественный, сортиментный и породный состав, состояние деревьев на момент рубки; характеристика способа и вида рубки); комментарии по результатам участия в осмотре места происшествия, осмотре предметов и документов, изъятых в ходе расследования; разъяснения, касающиеся особенностей заготовки древесины для собственных нужд гражданами, особенностей аренды лесных участков, технологических процессов лесо-

заготовки и лесопереработки, условий хранения древесины и пиломатериала, работы государственных лесных инспекторов, возможных дополнительных источников криминалистически важной информации для расследования преступления и получения доказательств и пр. [3, с. 189]

Отдельно необходимо упомянуть о том, что в отдельных случаях у следователя (дознателя) возникает необходимость привлекать специалиста, обладающего не только специальными знаниями в области ботаники, но и специальными навыками. Это относится к случаям привлечения специалиста для получения образцов в целях сравнительного исследования – кернов деревьев (образцов стволов деревьев) для последующего проведения ботанической (дендрологической) судебной экспертизы. Значимым для практики является сокращение времени трудоемкости работ при производстве судебной экспертизы с образцами для исследования. В этой связи Н. В. Кривошековым обоснованно предложено привлекать к получению образцов для сравнительного исследования того специалиста, которому планируется поручить проведение экспертного исследования [4, с. 159].

Таким образом, проведенные исследования относительно необходимости привлечения специалистов в лесной сфере позволили прийти к справедливому выводу о целесообразности их участия на всех стадиях расследования незаконной рубки лесных насаждений, что способствует качественному сбору и фиксации доказательств [5, с. 207]. Более того, систематическое взаимодействие со специалистами в данной области знаний позволит оптимизировать работу по аналогичным уголовным делам и материалам проверок, находящимся в производстве следователей (дознателей), что минимизирует следственные ошибки, влекущие снижение качества уголовных дел.

Список библиографических ссылок

1. Неупокоева И. А., Шеховцова Л. С. Обстоятельства, устанавливаемые при назначении судебных экспертиз при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Закон и право. 2022. № 2. С. 172–175.

2. Иванов В. Ю., Екимова О. Р. Проблемы, возникающие при рассмотрении вопросов о привлечении к ответственности за незаконную рубку лесных насаждений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4 (44). С. 155–159.

3. Косых В. А. Использование специальных познаний при расследовании уголовных дел о незаконных рубках лесных насаждений // Криминалистика наука без границ: традиции и новации: материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 30 ноября 2023 г. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД РФ, 2024. С. 188–192.

4. Кривошеков Н. В. Инновационные методы использования специальных знаний при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2 (42). С. 155–161.

5. Криворучкина Е. А. Использование специальных знаний при рассмотрении сообщения о незаконной рубке лесных насаждений и ее расследовании // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 202–208.

© Зуева В. А., 2026

Дмитрий Петрович Ищенко,
доцент кафедры уголовного права, криминологии
и уголовного процесса Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
Галина Константиновна Ищенко,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского гуманитарного института,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ И ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ

Действующее законодательство и выработанная тактика и методика проведения следственных действий в рамках уголовного преследования сформировали конкретный порядок. В то же время расследование конкретных видов преступлений с учетом специфики требует учитывать особенности при организации и проведении как отдельных следственных действий, так и всего расследования в целом [1].

В данном исследовании рассмотрим особенности проведения допросов потерпевших и свидетелей при расследовании чрезвычайных происшествий и техногенных катастроф. Следователь определяет предмет допроса для установления и подтверждения обстоятельств, подлежащих выяснению. При определении статуса допрашиваемого в качестве свидетеля или подозреваемого следователь исходит, прежде всего, из требований законодательства в первую очередь при разъяснении прав и обязанностей – возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ.

Немаловажный аспект – сохранение тайны следствия, для чего требуется перед началом следственных и процессуальных действий предупредить об уголовной ответственности за разглашение тайны предварительного расследования в порядке ст. 310 УК РФ [2].

В качестве свидетелей кроме лиц, непосредственно управляющих техническим средством, администрации, сотрудников служб эксплуатации, управления и технического обслуживания допрашиваются также непосредственно потерпевшие, их родственники, случайные очевидцы, которые могут располагать информацией, имеющей значение для расследования [3].

Не следует исключать возможность того, что посторонние люди – невольные свидетели происшествия могли произвести видеозапись на мобильные устройства, другие технические средства наблюдения. Безусловно, что данные видеозаписи имеют значение для расследования, что подразумевает необходимость их процессуального изъятия и приобщения в качестве доказательств.

Несмотря на значительный объем проводимых следственных действий и проверочных мероприятий, допрос случайных очевидцев не следует откладывать на длительный срок [4]. Промедление в проведении допроса указанной категории лиц, которые действительно обладают информацией, может повлечь искажение информации, восприятие свидетелем информации о происшествии из других источников, в том числе средств массовой информации.

Допрос непосредственно очевидцев аварии, катастрофы зачастую вызывает сложности из-за динамически меняющейся обстановки на месте происшествия, вызванной активной работой созданных спасательных групп, представителей социальных и медицинских служб, кроме того, активной работой правоохранительных органов и служб безопасности технологического объекта, которые параллельно опрашивают очевидцев. Следует отметить, что возникают ситуации, когда одного и того же свидетеля опрашивают несколько раз представители разных правоохранительных органов, а другие потенциальные свидетели остаются «неохваченными». Данные прецеденты свидетельствуют о необходимости не только проводить мероприятия по установлению и опросу очевидцев, но и своевременно обобщать и анализировать полученную информацию, задавать вектор работы задействованным силам.

Случается, что допрашиваемые зачастую интерпретируют произошедшие события неверно, что происходит, как правило, непреднамеренно [5]. Соответственно, проверка показаний требует особого внимания, следует сопоставлять полученные данные с иной информацией, желательно подтвержденной документально или средствами видеонаблюдения либо объективного контроля.

Возможное решение указанной проблемы – формирование опросного листа с определением перечня вопросов. Целесообразно внести ряд проверочных вопросов, ответы на которые известны и подтверждены предварительным следствием. Данная тактика даст возможность определить ценность полученной информации, а также задать дополнительные уточняющие вопросы.

Несомненно, что совокупность подтвержденных свидетельских показаний предоставляет возможность воссоздать хронологию развития событий происшествия. Наиболее это актуально, когда нет данных с технических средств объективного контроля. Носители информации, в том числе электронные системы и устройства, могут оказаться непригодными для снятия информации, например, при технических повреждениях. Как выход из сложившейся ситуации – установление свидетелей, допросы которых следует проводить несмотря на возникающие сложности.

Не следует исключать, что происшествия такого рода являются результатом преступной халатности должностных лиц. Соответственно, на свидетелей и очевидцев, в основном из числа работников предприятия, на котором произошла катастрофа, могут воздействовать и негативно влиять заинтересованные лица, что, безусловно, негативно повлияет на весь ход расследования. Чтобы избежать подобных ситуаций, следует допросить основных свидетелей до опросов, допросов руководства и представителей администрации технологического объекта. Вероятно, наиболее эффективное решение – ограничить доступ к очевидцам и потерпевшим без разрешения следователя, руководителя следственной группы, однако законодательно такой способ не предусмотрен, технически обеспечить его затруднительно, но вполне возможно [6].

Следует отметить, что оперативные сотрудники органов дознания, как правило, не уделяют достаточного внимания удостоверению личности опрашиваемого, опросы проводятся поверхностно, при проведении допросов свидетелям не разъясняются права и обязанности.

Целесообразно в первую очередь допросить лиц, непосредственно управляющих транспортным средством, технологическим оборудованием, а также обслуживающий технический персонал, непосредственно находившийся в момент аварии и катастрофы на рабочих местах. Сведения, сообщенные последними, в сравнении с показаниями очевидцев, как правило, являются объективными и достоверными.

Допросы членов экипажа и работников технического персонала по управлению и обслуживанию технического средства необходимо проводить с участием специалиста, в качестве которого допустимо привлечение члена служебной комиссии. В ходе допросов требуется установить реальную картину происшествия путем детализации показаний, а также сравнения с иными данными, полученными из других источников.

Допросы оставшихся в живых допустимы только с учетом состояния их физического здоровья, психического и эмоционального состояния после происшествия. Оценка потерпевшими аварии (катастрофы) основывается на индивидуальном восприятии, определяется собственными чувствами, полученными травмами и иными обстоятельствами. При таких условиях проведение допроса будет неэффективно, целесообразно обеспечить помощь психолога.

Возможны ситуации, когда лица, управляющие транспортным средством, ставшим причиной аварии, катастрофы, или руководство технологического объекта, используя неясность сложившейся обстановки, предпринимают попытки «снять» с себя ответственность и обвинить иных лиц. Необходимо отметить, что в большинстве случаев данные лица первоначально допрашиваются в качестве свидетеля, потому что недостаточно оснований для подтверждения обоснованности подозрения в совершении преступления.

Возможное решение данной проблемы – это участие специалиста при допросе. Не исключено для устранения неочевидности и противоречий в показаниях допрашиваемых проведение очных ставок, но на первоначальном этапе расследования это затруднительно.

Привлечение специалиста целесообразно как во время проведения допросов лиц, участвующих в следственных действиях, так и при назначении исследований, экспертиз. Все это связано со специфической терминологией, поэтому разъяснение специальных терминов, речевых оборотов, а также специфических познаний необходимо для успешного разрешения возникающих вопросов и принятия законного решения по уголовному делу.

Считаем, что проведение тщательного допроса / допросов с участием специалистов разных сфер для конкретизации и пояснения речевых оборотов и специфических терминов позволит минимизировать неточности и возможные ошибки при проведении следственных действий.

Говоря о преступлениях данной категории, а также их последствиях, можно сделать вывод о том, что привлечение и участие специалистов на всех этапах расследования уголовного дела является не только результативным, но и даже необходимым для достижения целей уголовного процесса.

Список библиографических ссылок

1. Ищенко Д. П., Ищенко Г. К. Актуальные вопросы осмотра места происшествия при расследовании уголовных дел о происшествиях на транспорте // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 14 ноября 2024 г. Ростов на/Д.: Ростовский юридический институт МВД РФ, 2025. С. 43–49.

2. Ищенко Д. П., Калининская Я. С., Кравцов С. С. Расследование преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта: учеб. пособие. М.: Перо, 2024. 64 с.

3. Усич Л. А. Некоторые особенности осмотра места авиационного происшествия // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 25 мая 2018 г. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Изд-во: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 169–172.

4. Ищенко Д. П. Практические аспекты уголовного преследования за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2025. Т. 40, № 4. С. 89–95.

5. Ищенко Д. П., Малянова К. П. Актуальные вопросы расследования преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 4 (111). С. 129–135.

6. Соломатина Е. А., Трощанович А. В. Особенности организации и производства осмотра места происшествия при авиакатастрофах // Расследование транспортных преступлений: проблемы и пути их решения: материалы российско-казахстанского науч.-практ. семинара. Москва, 27 ноября 2015 г. / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: Юнити-Дана, 2015. С. 86–101.

© Ищенко Д. П., Ищенко Г. К., 2026

Владимир Валентинович Клишин,
старший преподаватель кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевую роль в реализации уголовной ответственности за преступные деяния играют уголовно-процессуальные отношения. Однако в последних существует ряд сложностей, которые оказывают воздействие на результативность раскрытия, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел [1].

Необходимо отметить, что по состоянию на 2021 г., с момента вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] было внесено свыше 280 поправок и изменений. Полученные сведения говорят о постоянном увеличении их количества, что может свидетельствовать о нестабильности в уголовно-процессуальном праве.

По мнению Барышникова П. С., регулярные поправки и изменения, вносимые в уголовно-процессуальные нормы, негативно влияют на всю сферу уголовного судопроизводства. Анализируя внесенные изменения и поправки, включая разграничение проверочных судебных производств, уточнение ряда положений в УПК РФ, добавление упрощенных судопроизводств и прочее, автор констатирует, что, несмотря на их значимость и прогрессивный характер, уголовно-процессуальная законодательная база находится в кризисном состоянии [3].

Вероятно, большое количество изменений и поправок в законодательстве вызвано тем, что при разработке УПК РФ было уделено недостаточно внимания отдельным его частям и допущены многочисленные пробелы.

Шхагапсоев З. Л. и Тутуков А. Ю. полагают, что регулярные изменения и поправки в УПК РФ связаны в первую очередь с динамичным развитием российского права и непрерывным усложнением способов совершения преступлений. В связи с этим такая реакция законодательства на подобные трансформации оценивается как весьма положительная тенденция.

В целях выявления и систематизации актуальных проблем уголовно-процессуального права Российской Федерации, а также разработки предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере, необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические основы уголовно-процессуального права и выявить существующие противоречия и пробелы в законодательстве РФ.
2. Исследовать правоприменительную практику и установить наиболее распространенные нарушения УПК РФ.
3. Разработать предложения по совершенствованию эффективности существующих процессуальных механизмов.

4. Использовать зарубежный опыт в сфере уголовного судопроизводства в целях его применения в российской практике.

В свете реформирования уголовно-процессуального законодательства возникают проблемы участия прокурора в уголовном процессе. Множество дискуссий вызывает правовое соотношение следователя и прокурора, особенно на стадии возбуждения уголовного дела. Так, по мнению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой, необходимо реформировать данную стадию уголовного процесса путем определения правового статуса заявителя и возвращения механизма воздействия прокурора на следователя в форме обязательных поручений в целях развития прокурорского надзора [4].

Вопрос улучшения качества предварительного следствия и дознания всегда остается в приоритете, поскольку это напрямую обусловлено стремительной эволюцией преступных схем и способов совершения преступлений в современных условиях. Эффективность следственных мероприятий напрямую связана с применением современных научно-технических достижений в ходе их проведения. Практические исследования регулярно демонстрируют необходимость постоянного изучения современных форм и методов совершения преступлений в различных сферах жизнедеятельности. Следует также подчеркнуть, что в современном мире транснациональная организованная преступность достигла угрожающих размеров, что обуславливает необходимость улучшения способов международного взаимодействия в уголовно-правовой области.

Постоянное развитие следственных подразделений и органов дознания неизбежно, так как правонарушители непрерывно совершенствуют способы совершения преступлений. Успешность и продуктивность работы следователей неразрывно связаны с внедрением научно-технических разработок. Повседневная практика свидетельствует о том, что крайне важно непрерывно отслеживать и анализировать появляющиеся методы совершения преступлений в различных областях.

Следовательно, современный УПК РФ характеризуется наличием обширного спектра нерешенных вопросов. Необходимо отметить, что указанные затруднения, как правило, носят многосторонний характер и возникают вследствие недостаточной проработки теоретических аспектов, неясностей в законодательной базе и коллизий при реализации на практике. Постоянное реформирование уголовно-процессуальных норм отражает изменчивость правовой среды в России. Вместе с тем существует насущная потребность в обеспечении единого подхода к их реализации на практике.

В Российской Федерации реформирование уголовно-процессуального законодательства требует всестороннего подхода и должно быть составной частью государственной стратегии.

В современной российской юридической практике уголовно-процессуальное законодательство характеризуется рядом актуальных проблем, обусловленных недостаточной теоретической проработкой, пробелами в законодательстве и расхождениями в правоприменительной практике. Непрерывное реформирование уголовно-процессуальных норм отвечает быстро меняющимся правовым условиям в России, однако стандартизация их практического применения крайне

необходима. Модернизация уголовно-процессуального права в Российской Федерации должна осуществляться комплексно и находить отражение в государственной политике в данной области.

Список библиографических ссылок

1. Мурашкин Н. Ю. Проблемные аспекты уголовно-процессуальных правоотношений в современной России // Молодой ученый. 2022. № 1 (396). С. 184–186.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.12.2025).
3. Барышникова П. С. Актуальные проблемы становления и развития уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации // Право: история, теория, практика: материалы VII Междунар. науч. конф. г. Санкт-Петербург, октябрь 2019 г. СПб.: Свое издательство, 2019. С. 14–16.
4. Москалькова Т. Н. предлагает пересмотреть стадию возбуждения уголовного дела // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20181206/1547488897.html> (дата обращения: 10.12.2025).

© Клишин В. В., 2026

Александр Александрович Лихолетов,
профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНОМ РАСКАЯНИЕМ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях либерализации уголовного законодательства в отношении преступлений в сфере экономической, в том числе предпринимательской, деятельности освобождение от ответственности, с одной стороны, служит достижению задач уголовно-правовой защиты, а с другой – выступает мерой, создающей режим обеспечения безопасности общественных отношений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности путем предупреждения совершения общественно опасных посягательств.

Ознакомление с содержанием правоприменительных актов позволило прийти к выводу, что четверть от общего количества изученных решений (25 %), принятых по результатам рассмотрения по существу уголовных дел о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности [1], связана с реализацией судами положений гл. 11 УК РФ (табл. 1).

Норма о деятельном раскаянии применяется в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести впервые, выполнивших ряд условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ, одним из которых выступает возмещение ущерба или заглаживание вреда, причиненного посягательством, иным образом.

Таблица 1

**Практика применения судами положений
об освобождении от уголовной ответственности
по преступлениям в сфере осуществления специальных видов
предпринимательской деятельности**

Статьи УК РФ		Количество решений об освобождении от уголовной ответственности, принятых по различным основаниям					
		ст. 75 УК РФ	ст. 76 УК РФ	ст. 76 ¹ УК РФ	ст. 76 ² УК РФ	ст. 78 УК РФ	Итого по статье
		абс. вел.	абс. вел.	абс. вел.	абс. вел.	абс. вел.	%
ст. 171 УК РФ		10	—	—	80	20	110
	В том числе:						
	ч. 1 ст. 171	5	—	—	20	18	43
	ч. 2 ст. 171	5	—	—	60	2	67
ст. 171² УК РФ		6	—	—	85	1	92
	В том числе:						
	ч. 1 ст. 171 ²	2	—	—	2	1	5
	ч. 2 ст. 171 ²	4	—	—	83	—	87
ст. 171³ УК РФ		3	—	—	75	2	80
	В том числе:						
	ч. 1 ст. 171 ³	3	—	—	65	2	70
	ч. 2 ст. 171 ³	—	—	—	10	—	10
ст. 171⁴ УК РФ		17	—	—	49	1	67
всего по ст. 172 УК РФ		—	—	—	40	5	45
	В том числе:						
	ч. 1 ст. 172	—	—	—	40	4	44
	ч. 2 ст. 172	—	—	—	—	1	1
ст. 235 УК РФ		—	7	—	3	7	17
	В том числе:						
	ч. 1 ст. 235	—	6	—	3	7	16
	ч. 2 ст. 235	—	1	—	—	—	1

ст. 235¹ УК РФ		1	–	–	2	1	4	1
	в том числе:	–	–	–				
	ч. 1 ст. 235 ¹	–	–	–	1	1	2	0,5
	ч. 2 ст. 235 ¹	1 [□]	–	–	1 [*]	–	2	0,5
итого по различным основаниям абс. вел.		37	7	0	334	37	415	100
%		8,9	1,7	0	80,5	8,9	100 %	
%**		2,2	0,4	0	20,2	2,2	25 %	

** В соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменена категория преступления с тяжкого на средней тяжести.*

*** От общего количества изученных судебных решений по преступлениям в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности (1 663).*

Необходимо обратить внимание на то, что рассматриваемые положения применяются к лицу, которое «добровольно явилось с повинной». Такая формулировка видится избыточной исходя из того, что явка с повинной по определению не может быть недобровольной. В статье 142 УПК РФ указанный термин определяется как «добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении». Таким образом, использование плеоназмов при конструировании уголовно-правовых норм приводит к снижению качества юридической техники в законодательстве.

Выполнение перечисленных выше условий позволяет (но не обязывает) правоприменителю принять решение об освобождении от ответственности, в том числе за преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, большинство из которых (за исключением ч. 3 ст. 171² и ч. 2 ст. 172 УК РФ) относится к категории небольшой и средней тяжести.

Анализ правоприменительной практики показал, что по основанию, предусмотренному ст. 75 УК РФ, прекращено уголовное преследование по 8,9 % преступлениям рассматриваемой группы или по 2,2 % деяниям, по которым вынесены исследованные судебные акты.

Наиболее часто указанная норма (17,1 %) применялась по делам, связанным с незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, что обусловлено сравнительно невысокой степенью общественной опасности посягательства, предусмотренного ст. 171⁴ УК РФ, и проявлением принципа гуманизма на практике.

Изучение решений суда позволило выявить проблему, связанную с исполнением установленных законом требований по обязательному возмещению ущерба или заглаживанию вреда, причиненного в результате нарушения уголовно-правового запрета, в части определения размеров такой компенсации.

Представляется, что в преступлениях с материальными составами, совершаемых в сфере осуществления специальных видов предпринимательской дея-

тельности, объем средств, направленных на возмещение вреда, можно связать с фактически причиненным ущербом гражданам, организациям или государству в результате противоправной предпринимательской деятельности (ст. 171, 172 УК РФ), что является достаточно трудоемким процессом.

Так, А. в период с 2009 г. по ноябрь 2013 г. в составе организованной группы осуществлял деятельность по приему бытовых отходов и строительного мусора на территории Ворошиловского района г. Ростова-на-Дону, в результате чего государству в лице муниципального казенного учреждения «Управление благоустройства Ворошиловского района» г. Ростова-на-Дону причинен крупный ущерб, составляющий 3 045 542 руб. 34 коп., выразившийся в затратах, необходимых для ликвидации свалочного очага на данном участке [2].

В приведенном примере крупный ущерб государству – это издержки, необходимые для устранения результатов незаконного предпринимательства, которые определяются путем назначения и проведения экспертиз.

Установление объективных компенсационных значений последствий, связанных с причинением вреда здоровью, затруднено, а в случае смерти потерпевшего – невозможно (ст. 235 УК РФ).

И если способы расчета размеров вреда, подлежащего возмещению, в преступлениях с материальными составами присутствуют, то в деяниях с формальной конструкцией объективной стороны такая возможность иллюзорна, что расширяет возможности судебной дискреции.

Осложняет рассматриваемую проблему то обстоятельство, что в большинстве преступлений изучаемой группы отсутствует потерпевший (кроме ст. 171, 172 при наличии последствий и ст. 235 УК РФ). Несмотря на то что указанная процессуальная фигура относится к заинтересованному в исходе расследования кругу лиц, ее наличие облегчает установление размеров причиненного посягательством ущерба.

Следует обратить внимание, что практика выработала различные варианты подхода к установлению способов и размеров возмещения ущерба или заглаживания вреда. Так, в большинстве изученных постановлений суда подобный вопрос вообще не отражен в описательно-мотивировочной части [3], в некоторых решениях содержится указание на факт компенсации ущерба, но без конкретизации формы ее выражения [4].

И только в единичных случаях в процессуальных документах уточняется, каким именно образом произошло заглаживание вреда. Часто правоприменитель учитывает в качестве подобных компенсационных действий совершение разного рода актов благотворительного характера [5]. Так, С., обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного ст. 171² УК РФ, в целях выполнения условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием принесла публичное извинение жителям г. Уссурийска, опубликовав его в местной газете, вырученные от преступной деятельности денежные средства добровольно пожертвовала в КГКУ «Центр содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Уссурийска» и в филиал ГКУЗ «Краевой психоневрологический дом ребенка» [6].

Вместе с тем встречаются и другие обстоятельства, которые суд признает возмещением ущерба или заглаживанием причиненного преступлением вреда. В частности, меры по прекращению осуществления незаконной предпринимательской деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию и размещению отходов I–IV классов опасности и получению соответствующей лицензии, по мнению правоприменителя, свидетельствуют о заглаживании причиненного преступлением вреда [7]. Таким образом, прекращение общественно опасного посягательства судом фактически признано компенсационными действиями, предусмотренными ст. 75 УК РФ, что вряд ли оправданно.

В некоторых случаях при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности правоприменитель ссылается на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым положения о деятельном раскаянии применимы при условии выполнения всех перечисленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить [8].

Представляется, что указанное предписание в отношении требования о компенсации вреда, причиненного преступлением, как условия освобождения от ответственности, распространяется исключительно на случаи невозможности возмещения ущерба, обусловленной тяжелым материальным положением лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, установленной в рамках предварительного расследования и подтвержденной в судебном заседании.

Таким образом, в настоящее время отсутствует какой-либо алгоритм определения размера ущерба, подлежащего возмещению, как условия применения положений ст. 75 УК РФ относительно рассматриваемых преступлений.

Следует подчеркнуть, что каждое преступление в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности неизбежно наносит вред экономической системе государства, выражающийся в недополучении казной обязательных средств, подлежащих уплате при регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица, получении лицензии, а также налогов и взносов в различные фонды и др. Эти объемы платежей и составляют ущерб, причиненный в результате совершения рассматриваемых общественно опасных посягательств, который должен подлежать возмещению при рассмотрении вопроса об освобождении от уголовной ответственности, в том числе в связи с деятельным раскаянием.

Список библиографических ссылок

1. Лихолетов А. А. Понятие и виды преступлений в сфере специальных видов предпринимательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 81–87.
2. Приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 14 февраля 2019 г. по делу № 1-144/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 23.09.2025).
3. См.: постановление Кумертауского городского суда Республика Башкортостан от 25 декабря 2019 г. по делу № 1-405/2019; постановление Нестеров-

ского районного суда Калининградской области от 6 февраля 2018 г. по делу № 1-6/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 25.09.2025).

4. См.: постановление Кумертауского городского суда Республика Башкортостан от 25 декабря 2019 г. по делу № 1-405/2019; постановление Нестеровского районного суда Калининградской области от 6 февраля 2018 г. по делу № 1-6/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 25.09.2025).

5. См.: постановление Спасского районного суда Приморского края от 9 октября 2017 г. по делу № 1-458/2017; постановление Стерлибашевского межрайонного суда Республики Башкортостан от 27 февраля 2020 г. по делу № 1-48/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 25.09.2025).

6. Постановление Уссурийского районного суда Приморского края от 18 октября 2018 г. по делу № 1-1031/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 25.09.2025).

7. Постановление Мантуровского районного суда Костромской области от 21 декабря 2017 г. по делу № 1-66/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 25.09.2025).

8. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Лихолетов А. А., 2026

Алёна Николаевна Митасова,
преподаватель кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Мелкое хищение является одним из наиболее распространенных видов преступлений. Данный вид посягательств против собственности, особенно так называемых магазинных краж, характеризуется высокими показателями латентности из-за того, что завладение чужим имуществом происходит практически незаметно и может совершаться неоднократно.

До 2016 г. административная ответственность за хищения наступала при сумме не более 1 тыс. руб. Суммы свыше относились к уголовно наказуемым деяниям. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ [1], за кражи по ч. 1 ст. 158 УК РФ без отягчающих обстоятельств в 2013–2015 гг.

было осуждено более 200 тыс. чел. Данная статистика негативно сказывалась на общественных отношениях, так как система карательных санкций приводила к тому, что большинство граждан имели судимости, а это, в свою очередь, нарушало процесс их социализации в обществе.

На практике совершение большинства преступлений предваряют аналогичные административные правонарушения, поэтому административное и уголовное право плотно связаны друг с другом. Учитывая, что уголовная ответственность, в отличие от административной ответственности, наступает, как правило, при более крупной сумме ущерба, то административное право можно называть «смягченным уголовным правом» [2, с. 37].

Административная ответственность за мелкое хищение предусмотрена ст. 7.27 КоАП РФ, поэтому очень важно правильно понимать диспозицию данного правонарушения при правовой характеристике содеянного [3, с. 50].

На протяжении многих лет истории человечества противодействие мелким хищениям учитывалось уголовной политикой государства, обычаями и менталитетом граждан. Однако основным определением степени общественной опасности хищений, оказывающим влияние на пределы ответственности, являлась сумма размера похищенного имущества. Данный признак служил основанием для разграничения видов хищений, что отражает и современное законодательство.

Современная уголовная политика характеризуется поиском баланса между гуманизацией законодательства и необходимостью жесткого реагирования на рецидивную преступность. Верховный Суд РФ поддержал депутатов Госдумы о смягчении наказания за мелкие хищения, ужесточив его только для рецидивистов. В результате Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ [4], вступившим в силу 15 июля 2016 г., в УК РФ введена ст. 158.1, предусматривающая уголовную ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. При этом наиболее строгим наказанием за совершение преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ, является лишение свободы на срок до одного года.

Введение ст. 158.1 УК РФ стало результатом пересмотра законодателем подхода к общественной опасности личности преступника. Традиционно в российской постсоветской доктрине господствовал подход, согласно которому общественная опасность присуща самому деянию, а не личности. Однако рост рецидивной преступности заставил вернуться к конструкции административной преюдиции, суть которой заключается в криминализации повторного совершения административного правонарушения.

При воплощении разных мер ответственности ключевым моментом основания привлечения к ответственности останется совершение мелкого хищения. Это говорит о том, что административная ответственность за совершение мелкого хищения первична по отношению к другим видам юридической ответственности, в том числе уголовной.

Особую остроту проблематике придает вопрос о «нижнем пороге» уголовной ответственности. В условиях отсутствия законодательно закрепленного

минимального размера ущерба для ст. 158.1 УК РФ суды вынуждены решать сложные этические и правовые задачи: является ли хищение товара стоимостью менее 100 руб. преступлением, если оно совершено рецидивистом, или же такое деяние должно признаваться малозначительным в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ? Неоднородность судебной практики в различных регионах России нарушает принцип правовой определенности и равенства граждан перед законом.

В статье 158.1 УК РФ нет конкретного определения, какое именно хищение следует считать мелким, так как четко не определены его формы и размеры. В соответствии со ст. 7.27 КоАП РФ мелкое хищение делится на два вида правонарушений. К первому виду относится мелкое хищение, предусмотренное ч. 1 вышеуказанной статьи, а именно: мелкое хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает 1 тыс. руб., путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных УК РФ. Ко второму виду относится мелкое хищение чужого имущества стоимостью более 1 тыс. руб., но не более 2,5 тыс. руб. путем совершения аналогичных деяний.

Ввиду этого уголовная ответственность за мелкое хищение имеет комплексное, межотраслевое регулирование.

К такому мнению пришли многие авторы, в том числе Н. Л. Назарова [5, с. 15], считающая, что институт ответственности за мелкое хищение является межотраслевым, рассматривая данное понятие исходя из ответственности, которая наступает за совершение указанного деликта, выделяя тройное понимание данного хищения: как административное правонарушение; дисциплинарное правонарушение; гражданско-правовой деликт. Свое мнение Н. Л. Назарова обосновывает наличием соответствующих отраслевых охранительных норм права.

Указанный подход рассмотрения мелкого хищения имеет место, но нужно понимать, что применение мер дисциплинарного и гражданско-правового характера осуществляется уже после применения мер административного характера. Это происходит с учетом норм административного права, т. е. «имеет место своего рода преюдиция в установлении фактов, приводящих к правовым последствиям» [6, с. 43].

С учетом риска увеличения числа преступлений, связанных с хищениями имущества, ст. 158.1 УК РФ оказывает реальное предупреждающее воздействие. При этом Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ увеличил безнаказанность за хищения в небольших размерах, ослабив наказуемость кражи, а такие правонарушения составляют большую долю от всех хищений. После привлечения к административной ответственности лиц, совершивших мелкое хищение, данные лица могут вновь совершать аналогичные деяния, что, в свою очередь, ведет к росту данного вида правонарушений. Наступление уголовной ответственности возможно при условии установления факта повторного совершения мелкого хищения. Несомненно, это облегчило работу правоохранительных органов, но при этом усугубило ситуацию относительно граждан, которые часто совершают мелкие хищения.

Таким образом, можно сделать вывод, что введение уголовной ответственности за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию, имеет как преимущества, так и недостатки.

Список библиографических ссылок

1. Судебный департамент Верховного Суда РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.cdept.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).
2. Оноколов Ю. П. Главная цель административных наказаний – превенция административных правонарушений и преступлений // Административное право и процесс. 2014. № 8. С. 37–40.
3. Прохорцев И. А. О предмете мелкого хищения // Административное право и процесс. 2011. № 4. С. 50.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Назарова Н. Л. Мелкие хищения чужого имущества в России: вопросы правовой квалификации и профилактики в современный период: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 188 с.
6. Зарубицкая Т. П. Мелкое хищение как комплексный правовой деликт: вопросы квалификации и ответственности. Н. Новгород, 2004. 198 с.

© Митасова А. Н., 2026

Игорь Святославович Назаренко,
старший преподаватель кафедры
информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России им. И. Д. Путилина;
Юлия Михайловна Самойлова,
старший преподаватель кафедры
информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России им. И. Д. Путилина,
кандидат технических наук

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современная преступность все в большей степени приобретает цифровой характер. Преступники активно используют передовые технологии для связи, планирования и сокрытия своей деятельности. В этой связи традиционные методы оперативно-разыскной работы должны быть дополнены и усилены современными научно-техническими методами. На заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 г. Президент РФ Путин В. В. уделил особое внимание росту количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, что подтверждает необходимость постоянного совершенствования механизмов борьбы с указанными преступлениями [1].

Ключевой задачей при расследовании таких преступлений или проведении оперативно-разыскных мероприятий становится обнаружение, фиксация и анализ электронно-цифровых следов. Эти следы, в отличие от материальных, невидимы невооруженным глазом, но обладают высокой информационной емкостью и могут с высокой точностью устанавливать факты, действия и причастность лиц. Следовательно, компетентность в области применения данных технологий перестает быть узкоспециализированной компетенцией и становится неотъемлемой частью профессионального портрета современного сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

Особую сложность и важность представляет задача идентификации не только действий преступника, но и самих программно-технических средств, которые он применял. Каждое такое устройство или программа в процессе своей работы оставляет уникальные «цифровые следы» – сведения о своей конфигурации, использовании и взаимодействии с другими системами. Любое программно-техническое средство – будь то компьютер злоумышленника, мобильный телефон, скрытая камера или специализированная программа для перехвата данных – в процессе своей работы неизбежно оставляет после себя электронно-цифровые следы. Эти следы являются своеобразными «цифровыми отпечатками пальцев»

устройства или программы. Их фундаментальное свойство в том, что они создаются большей частью автоматически, без прямого желания пользователя, и поэтому обладают высокой степенью достоверности.

Необходимо отметить, что отечественными учеными-процессуалистами ведутся дискуссии по вопросу определения места в системе криминалистических учений концептуальных основ изучения, например, цифровых следов. Так, В. Б. Вехов определяет эти вопросы в рамках предлагаемой им частной криминалистической теории «Электронная криминалистика», Е. Р. Россинская – в качестве объекта познания в рамках учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем и др. [2, с. 129]. Анализ имеющейся информации позволяет сделать вывод о том, что ученые в ходе своих исследований подразумевают один и тот же предмет, но в силу малоизученности называют его различными терминами. В частности, И. П. Ищенко в одних трудах использует термин «виртуальные следы», в других – «цифровые следы» [3, с. 174].

Прежде всего, цифровые следы можно разделить на временные и постоянные. К временным цифровым следам относят информацию, содержащуюся в оперативной памяти устройства. Это временные данные, которые живут только пока устройство включено: пароли, запущенные программы, незашифрованные сообщения. Они «самые хрупкие» и исчезают при выключении питания. Поэтому подготовленный сотрудник специализированного оперативного подразделения и специалист должны уметь их отыскивать и корректно изымать в первую очередь, по «горячим следам». К постоянным следам относят информацию, содержащуюся на жестком диске или другом постоянном носителе. Они сохраняются надолго. Например, сами файлы, история браузера, журналы системных событий, записи о подключенных накопителях информации. Эти следы – основной материал для последующего детального анализа. Например, злоумышленник использовал флеш-накопитель, чтобы скопировать на него конфиденциальные документы с рабочего компьютера. Сами документы – это целевая информация, которую он хотел получить. Но факт его деятельности раскрывается не столько самими документами, сколько следами, которые оставил сам флеш-накопитель. При подключении к компьютеру операционная система автоматически присваивает устройству уникальный буквенный диск и, что важнее, фиксирует идентификатор устройства в системном журнале. Даже если файлы будут потом удалены с накопителя информации, в реестре операционной системы останутся записи о том, что устройство с таким-то идентификатором подключалось к конкретному компьютеру в определенное время. Данное обстоятельство позволит установить факт использования накопителя информации и привязать его к конкретной машине.

Другое важное основание для классификации – это следы-идентификаторы: уникальные или псевдоуникальные метки, позволяющие идентифицировать программно-технические средства. Каждый сделанный ими снимок они снабжают целым досье – так называемыми EXIF-данными. В этом досье «скромно» указаны и модель телефона, и дата съемки, а часто – точные географические координаты места, где эта фотография была сделана. Аппаратные следы – это уникальные идентификаторы: MAC-адрес сетевой карты, серийный номер на-

копителя на жестких магнитных дисках, твердотельного накопителя или флеш-накопителя, IMEI и MAC-адрес терминала связи (телефона). Они доказывают, что конкретное физическое устройство было подключено к системе или использовалось для выхода в сеть. Следы-события (журналы событий – Logs): хронологические записи о действиях, произведенных ПТС. Примеры: время включения / выключения устройства, записи об ошибках, логи доступа к файлам.

Программные следы представляют собой сведения, оставленные программами и операционной системой. Например, метаданные файла, которые показывают, в какой программе и на каком компьютере он был создан, или временные файлы, которые программа оставляет после себя, даже если основной документ удален. Отдельно стоит обратить внимание на сетевые следы (Network Artifacts) – они подтверждают соединение устройства с сетью компании-провайдера или сотового оператора: IP-адреса, DHCP-логи, показывающие, когда какое устройство (с каким MAC-адресом) получало IP-адрес, логи сетевого оборудования (маршрутизаторов, коммутаторов) о прохождении трафика, история DNS-запросов, кэшированные на устройстве или зафиксированные сервером. Они помогают установить «маршрут» трафика, с каких серверов устройство получало пакеты данных.

Современные решения, такие как Cellebrite UFED, Oxygen Forensics или «Мобильный криминалист», позволяют осуществлять как логическое, так и физическое копирование, преодолевая порой системы защиты, и представлять извлеченную информацию в виде структурированных отчетов, пригодных для дальнейшего анализа и использования в процессе доказывания.

Цифровые следы программно-технических средств представляют собой фундаментальную категорию в современной оперативно-разыскной деятельности. Они являются не побочным продуктом, а целенаправленным объектом поиска и анализа, позволяя перейти от констатации наличия данных к реконструкции процесса их создания и использования. Важнейшее свойство этих следов – их объективность и автоматизированный характер формирования, что минимизирует возможность манипуляции со стороны злоумышленника и придает им высокую доказательственную силу. Практическая ценность работы с такими следами заключается в решении триединой задачи: идентификации (какое именно устройство или программа применялись), атрибуции (как, когда и с какой целью они использовались) и доказывания (установления причинно-следственных связей между действиями лица и наступившими последствиями). В конечном итоге, компетентное выявление и исследование электронно-цифровых следов программно-технических средств позволяет преобразовать разрозненные цифровые артефакты в стройную и юридически безупречную систему доказательств, обеспечивая тем самым неотвратимость ответственности за преступления, совершаемые в цифровой среде. Это формирует основу для эффективного противодействия современной киберпреступности и защиты граждан от преступных посягательств с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Умение работать с электронно-цифровыми следами программно-технических средств является не просто техническим навыком, а критически важным элемен-

том профессиональной компетенции современного сотрудника органов внутренних дел. Это позволяет не только доказывать сам факт использования определенных средств, но и выстраивать целостную картину противоправной деятельности, устанавливая причинно-следственные связи и идентифицировать злоумышленников.

Список библиографических ссылок

1. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 20.09.2025).
2. Малыхина Н. И. Криминалистическое учение о механизмах следообразования: современное состояние, направления развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 127–134.
3. Переверзева Е. С. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178.

© Назаренко И. С., Самойлова Ю. М., 2026

Ирина Алисаламовна Нифталиева,
доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Приоритетом государственной политики Российской Федерации является обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних как группы, требующей повышенной социальной защиты. Глава государства В. В. Путин подчеркивает, что сегодня для Запада «разрушение семьи, культурной и национальной идентичности», «извращения, издевательства над детьми, вплоть до педофилии, объявляются нормой, нормой их жизни». В этих условиях первоочередная задача России – защита своих детей от «псевдоценностей» и «деградации» [1].

Преступления против половой неприкосновенности оказывают мощное разрушительное воздействие на физическое и психическое развитие детей. Нельзя не поддержать мнение Е. Е. Черных и А. В. Петрянина о том, что такие

деяния влекут «глубочайшие психологические последствия» для жертвы, в ряде случаев имеющие необратимый характер [2, с. 288].

По данному поводу И. С. Кон отмечает, что люди, подвергавшиеся в детстве насилию, часто отличаются пониженной самооценкой, погруженностью в себя, склонностью к алкоголизму и наркомании, суициду, а также «предрасположенностью к виктимизации». По мнению автора, ребенок, перенесший подобную травму, «сам становится опасен для других» [3, с. 64–65].

Уязвимость несовершеннолетних, обусловленная их возрастом, зависимостью от взрослых, предопределяет необходимость особого внимания к виктимологическим аспектам данных преступлений. В свою очередь, распространенность этих деяний, включая совершаемые в сети Интернет, подчеркивает безотлагательность разработки эффективных мер профилактики. Данная проблематика закономерно привлекает пристальное внимание научного сообщества, государственных органов и общества в целом [4; 5].

Основу виктимологической профилактики преступлений против половой неприкосновенности составляет укрепление института семьи – первичного и наиболее значимого агента социализации, формирующего образцы межличностного взаимодействия. Криминологические исследования убедительно демонстрируют корреляцию между семейной дисфункцией и повышенной виктимностью несовершеннолетних. Дети, воспитывающиеся в условиях гипоопеки, эмоционального отвержения либо, напротив, гиперопеки и подавления автономии, демонстрируют дефицит навыков распознавания опасности и противодействия посягательствам.

Укрепление института семьи как направление виктимологической профилактики включает ряд мер. Во-первых, создание условий для реализации репродуктивных установок (жилищные программы, налоговые вычеты, пособия), позволяющих снизить уровень стресса и конфликтности в семье. Во-вторых, развитие системы консультирования родителей по вопросам возрастной психологии и полового воспитания. Дефицит компетенций у родителей приводит к тому, что дети остаются один на один с информацией, получаемой из деструктивных источников. В-третьих, укрепление традиционных семейных ценностей. Как справедливо отмечают Е. С. Набойченко и Е. В. Фокина, «усвоение ребенком половой роли, полоролевых стереотипов поведения... во многом зависят от родительской семьи, гармонично совмещающей биологические и социальные начала личности» [6].

Вторым значимым направлением выступает родительский контроль. В контексте виктимологической профилактики родительский контроль не тождественен тотальному надзору или ограничению свободы ребенка. Речь идет о компетентном сопровождении, включающем информированность о круге общения, ограничение доступа к деструктивному контенту в сочетании с разъяснительной работой, а также формирование доверительной коммуникации. Родительский контроль предполагает знание того, где и с кем проводит время ребенок, без создания атмосферы тотальной подозрительности. Запретительные меры без объяснения причин провоцируют обратную реакцию – скрытое потребление запрещенной информации. Создание доверительной коммуникации, напротив,

позволяет ребенку своевременно сообщить о дискомфортной или опасной ситуации. Очевидно, что большинство детей не рассказывают родителям о совершенных в отношении них действиях сексуального характера из-за страха обвинения, стыда либо неуверенности в поддержке.

Неотъемлемым элементом профилактики являются образовательные программы. Их следует рассматривать в качестве системного компонента общего образования. В российской практике наблюдается концептуальный разрыв: признавая значимость профилактики, образовательные учреждения зачастую ограничиваются эпизодическими беседами, не интегрированными в учебно-воспитательный процесс.

Эффективная модель образовательной профилактики предполагает непрерывность и преемственность. Представляется целесообразным включение элементов профилактики в курсы «Окружающий мир», «Обществознание», «Основы безопасности жизнедеятельности», «Семьеведение», «Разговоры о важном» на всех уровнях образования. При этом, полагаем, необходимы программы повышения квалификации для педагогов в целях формирования компетенций проведения занятий и обсуждения тем, связанных с половой неприкосновенностью.

Не менее важным в данном вопросе является взаимодействие с родителями. Дело в том, что образовательные программы, реализуемые без информирования и согласования с родительским сообществом, провоцируют сопротивление и дискредитируют саму идею профилактики. Оптимальной признана модель «школа – семья – ребенок», где родители выступают не наблюдателями, а соучастниками учебно-воспитательного процесса.

Наконец, ни одно из перечисленных направлений не может быть эффективно реализовано в изоляции. Укрепление института семьи требует координации органов социальной защиты, образования и здравоохранения. Родительский контроль обеспечивается при поддержке психологических служб. Образовательные программы нуждаются в методическом сопровождении научных организаций и экспертизе правоохранительных органов.

Представляется целесообразным создание на муниципальном и региональном уровнях межведомственных программ виктимологической профилактики, включающих: мониторинг виктимогенных факторов; подготовку специалистов первичного звена; информационные кампании, направленные на дестигматизацию обращения за помощью; систему раннего выявления семейного неблагополучия.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что эффективная система виктимологической профилактики преступлений против половой неприкосновенности должна строиться не на эпизодических мероприятиях, а на системном воздействии на фундаментальные институты социализации. Укрепление института семьи, компетентный родительский контроль, непрерывные образовательные программы образуют взаимосвязанный комплекс, способный обеспечить долгосрочное снижение уровня виктимизации.

Список библиографических ссылок

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Черных Е. Е., Петрянин А. В. Внутриотраслевые коллизии и пробелы уголовного законодательства в области охраны половой неприкосновенности малолетних // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 287–292.
3. Кон И. С. Совращение детей и сексуальное насилие // Педагогика. 1998. № 5. С. 58–66.
4. Николаева Ю. В. Защита прав несовершеннолетних: Уголовный кодекс Российской Федерации обновляется, проблемы остаются // Образование и право. 2020. № 7. С. 265–272.
5. Корнакова С. В. Субъективные признаки насильственных половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2025. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Набойченко Е. С., Фокина Е. В. Роль семьи в усвоении детьми половых ролей и межличностных отношений // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 199–202.

© Нифталиева И. А., 2026

Виктория Геннадьевна Олесовец,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Современная уголовно-правовая политика Российской Федерации характеризуется стремлением к расширению практики применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Базовым принципом реализации ответственности является положение ст. 19 Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом, а также ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, устанавливающей, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в России правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, за исключением случаев, установленных федеральным законом [1].

Вместе с тем изменения российского уголовного закона, вступившие в силу 20 января 2026 г., существенно изменили порядок назначения отдельных видов наказаний. В соответствии с ч. 1 ст. 50 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место

работы. Для иностранных граждан практическая реализация указанной нормы вступает в противоречие с положениями законодательства о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, что создает препятствия для исполнения наказания и достижения цели исправления осужденного.

Основная проблема назначения исправительных работ иностранным гражданам детерминирована положениями Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ). Согласно подп. 2 п. 22 ст. 13.3 и подп. 5 п. 9 ст. 18 этого закона в случае осуждения иностранного гражданина за совершение преступления его патент (разрешение на работу) не выдается, а ранее выданный документ подлежит автоматическому аннулированию [2].

Указанные нормы создают ситуацию, при которой исполнение исправительных работ в отношении осужденного иностранного гражданина становится фактически невозможным. На стадии вынесения приговора суд, руководствуясь ст. 50 УК РФ, устанавливает наличие у подсудимого основного места работы. Однако вступление приговора в законную силу влечет за собой императивное аннулирование разрешительных документов. В результате осужденный утрачивает право на осуществление трудовой деятельности на территории Российской Федерации, а работодатель обязан расторгнуть трудовой договор, что исключает возможность исполнения наказания и производство удержаний из заработной платы в доход государства.

В юридической науке обоснованно указывалось на сложности дифференциации правового статуса иностранных граждан в зависимости от наличия разрешительных документов на право занятия трудовой деятельностью [3, с. 176]. В условиях трансформации УК РФ обозначенная проблема приобрела системный характер, фактически исключая возможность применения наказания в виде исправительных работ к осужденным иностранным гражданам, чья трудовая деятельность осуществляется на основании патента.

Возникшая коллизия первоначально приводила к фактической невозможности исполнения назначенного наказания. Впоследствии она была частично нивелирована разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, который ограничил возможность назначения исправительных работ иностранным гражданам, осуществляющим трудовую деятельность исключительно на основании патента. Однако такое решение не устранило противоречие между нормами уголовного и миграционного законодательства, а лишь сузило сферу применения наказания.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения закона Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление от 23 декабря 2025 г. № 40, актуализирующее положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [4].

В пункте 15 указанного постановления разъяснено, что с учетом особенностей, предусмотренных Федеральным законом № 115-ФЗ, исправительные работы могут быть назначены только тем иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые имеют право на осуществление трудовой деятельности

в Российской Федерации без разрешения на работу или патента. К данной категории относятся осужденные, имеющие вид на жительство или разрешение на временное проживание, поскольку в силу подп. 1 п. 4 ст. 13 Федерального закона № 115-ФЗ на них не распространяется порядок осуществления трудовой деятельности, требующий наличия разрешения на работу или патента.

Указанная ситуация свидетельствует о нарушении принципа равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ), поскольку при тождественных обстоятельствах совершения преступления иностранные граждане ставятся в неравное положение по сравнению с гражданами РФ. Это противоречие возникает из-за привязки вида наказания к административно-правовому статусу осужденного (наличию патента), а не к критериям, предусмотренным уголовным законодательством. Такой подход вступает в противоречие с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ), согласно которому наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Кроме того, это нарушает общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ), требующие индивидуального подхода с учетом всех обстоятельств дела.

Существенные сложности возникают в ситуациях, когда правовой статус осужденного иностранного гражданина меняется непосредственно в процессе отбывания наказания. В соответствии с ч. 4 ст. 50 УК РФ замена исправительных работ принудительными работами или лишением свободы допускается исключительно в случае признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания.

Как отмечалось ранее, патент иностранному гражданину аннулируется в случае его осуждения вступившим в законную силу приговором суда за совершение преступления. Указанное обстоятельство не зависит от воли осужденного, в связи с чем утрата им возможности выполнять трудовые обязанности не может быть признана нарушением порядка и условий отбывания наказания. В. М. Степашин указывает, что отсутствие волевого компонента в потере работы исключает наличие признаков злостности в действиях осужденного [5].

Таким образом, формальное применение положений ст. 46 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) в подобных обстоятельствах вступает в противоречие с принципом справедливости. Поскольку осужденный лишен правовой возможности выполнять требования ч. 4 ст. 40 УИК РФ о самостоятельном трудоустройстве в течение 15 дней (ввиду административного запрета на привлечение его к труду), применение к нему санкций за неисполнение обязанностей приобретает характер объективного вменения.

В. И. Аммосова и А. А. Павлова указывают, что при аннулировании разрешительных документов на право занятия трудовой деятельностью уголовно-исполнительная инспекция вынуждена направлять в суд представление о замене исправительных работ более строгим видом наказания ввиду невозможности их дальнейшего исполнения [6]. Такая ситуация препятствует реализации целей уголовного наказания и не учитывает влияние назначенного наказания на усло-

вия жизни семьи осужденного, на необходимость соблюдения которых указывал Президент РФ [7].

Для обеспечения достижения целей наказания и реализации принципа равенства граждан перед законом представляется необходимым устранение противоречий между нормами уголовного законодательства и законодательства о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации.

В целях обеспечения фактической возможности исполнения наказания в виде исправительных работ обоснованным видится дополнение положений Федерального закона № 115-ФЗ нормами, исключающими аннулирование патента или разрешения на работу на период отбывания осужденным назначенного судом вида наказания. Подобное решение позволит в полной мере реализовать предусмотренные ст. 9 УИК РФ средства исправления, в частности, привлечение к общественно полезному труду, без необходимости изоляции лица от общества.

Текущая редакция ст. 50 УК РФ и сопряженные с ней положения миграционного права создают существенные препятствия для исполнения приговоров в отношении иностранных граждан, работающих на основании патента. Совершенствование порядка и условий исполнения данного вида наказания требует системного подхода, при котором реализация принципа справедливости и целей наказания будет обеспечена для всех категорий осужденных независимо от их административно-правового статуса.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Пенкин С. С. Проблемные вопросы назначения уголовных наказаний иностранным гражданам // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Vol. 9-1. С. 176–179.

4. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 г. № 40). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Степашин В. М. Проблемы теории и практики назначения и исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 529 с.

6. Аммосова В. И., Павлова А. А. Уголовное наказание в виде исправительных работ в России и странах СНГ: история и современность: монография. Казань: ООО «Бук», 2020. 156 с.

7. Путин поручил продолжать гуманизацию уголовного законодательства // ТАСС. 2025. 15 авг. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21614523> (дата обращения: 25.02.2026).

© Олесовец В. Г., 2026

Сергей Викторович Попов,
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С УЧЕТОМ РОЛИ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эффективность оперативно-разыскной деятельности определяется не только уровнем развития информационных технологий и межведомственным сотрудничеством, но и активным участием граждан, оказывающих содействие оперативным подразделениям. В современных условиях вовлечение населения в помощь правоохранительным органам становится важным ресурсом для своевременного выявления и предотвращения правонарушений [1, с. 96].

Информационное взаимодействие как процесс обмена данными между субъектами противодействия преступности включает участие граждан, которые на добровольной основе содействуют в подготовке и проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Межведомственное взаимодействие, базирующееся на координации между оперативными подразделениями, правоохранительными органами и гражданами, требует преодоления проблем координации, правовых ограничений и защиты участников, что возможно посредством выработки эффективных механизмов контроля и безопасности.

В международной практике привлечение граждан к содействию оперативным подразделениям является признанным инструментом борьбы с преступностью, где защищенные каналы связи, автоматизированные системы и жесткий контроль информации обеспечивают эффективность и безопасность такого сотрудничества.

Законодательная база, главным образом Федеральный закон № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», определяет правовой статус граждан, участвующих в содействии, их обязанности, а также меры социальной и правовой защиты, включая конфиденциальность и охрану от противоправных посягательств [2, с. 110]. Ведомственные нормативные акты конкретизируют

порядок взаимодействия и защиты, создавая условия для безопасного и эффективного участия населения.

Законодательство различает формы содействия: гласное (официальное) и негласное (конфиденциальное), что обеспечивает правовую основу такой помощи. Граждане, выступая источниками оперативно значимой информации, способствуют обнаружению, предупреждению и раскрытию преступлений, взаимодействуя с органами через информирование и активное участие в мероприятиях.

Однако ограниченный доступ граждан к информационным ресурсам оперативных подразделений и недостаточная интеграция информационных систем создают значительные препятствия для оперативного обмена сведениями. Нормы, ограничивающие распространение информации узкому кругу сотрудников, затрудняют предоставление гражданам доступа к необходимым данным, что особенно критично для негласного содействия, где конфиденциальность и безопасность участников имеют первостепенное значение [3, с. 74].

Регламентация конфиденциальности и информационной безопасности призвана сохранить государственную тайну, защитить персональные данные и предотвратить утечки, однако в силу этого возникают дополнительные барьеры для обмена информацией между ведомствами и гражданами. В результате граждане, способные выступать в роли конфиденентов, сталкиваются с ограничениями, снижающими их вклад в оперативно-разыскную деятельность.

Правовые пробелы в регулировании привлечения граждан к содействию в некоторых случаях приводят к неопределенности их статуса и полномочий, увеличивая юридические риски и демотивируя потенциальных участников. Технические проблемы – несовместимость информационных систем, ограниченные ресурсы защиты информации и недостаточный контроль распространения данных даже среди доверенных лиц – снижают эффективность взаимодействия и увеличивают риски компрометации.

Повышение эффективности деятельности оперативных подразделений возможно через совершенствование нормативно-правовой базы, внедрение современных технологий интеграции и защиты информации, а также разработку надежных механизмов вовлечения и защиты граждан, содействующих правоохранительным органам с сохранением конфиденциальности и безопасности сторон. Помимо этого важна систематическая подготовка и поддержка граждан, включающая обучение юридическим и техническим аспектам взаимодействия, а также психологическую поддержку для уменьшения стресса и повышения мотивации.

Техническое обеспечение конфиденциальности и безопасности взаимодействия осуществляется с помощью криптографических методов, систем контроля доступа и мониторинга операций, а также использования защищенных коммуникационных каналов, что снижает риски утечки и позволяет разграничивать уровни доступа с учетом полномочий и характера оперативных мероприятий [4, с. 76]. Создание единой интегрированной платформы для объединения оперативных подразделений, ведомств и граждан способствует стандартизации данных, автоматизации документооборота и контролю безопасности на всех

этапах обмена информацией. Такая платформа облегчает координацию, снижает бюрократические препятствия и расширяет возможности граждан для эффективного содействия [5, с. 27]. Технические меры по обеспечению анонимности, такие как защищенные каналы связи, системы шифрования и анонимные платформы, снижают риски раскрытия личности участников и способствуют повышению уровня доверия к правоохранительным органам.

В совокупности данные меры создают условия для безопасного, добровольного и эффективного участия граждан в оперативно-разыскной деятельности, что способствует усилению потенциала органов в борьбе с преступностью и повышению общественной безопасности.

Список библиографических ссылок

1. Попов С. В. Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 96–102.

2. Горковенко И. А., Поляков А. В. Содействие несовершеннолетних лиц в решении задач оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 110–117.

3. Попов С. В. Понятие «оперативный контакт» в оперативно-разыскной деятельности и его толкование // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 74–78.

4. Алексеева А. П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Концепт. 2017. № Т31. С. 76–80.

5. Алексеева А. П., Ничуговская О. Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27–34.

© Попов С. В., 2026

Артём Андреевич Сковородко,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ И КОПИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА

Широкой критике в научной литературе подвергается положение ч. 2 ст. 164¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ),

устанавливающее, что следователь осуществляет изъятие электронных носителей информации в ходе следственных действий с участием специалиста.

Этой норме дан следующий комментарий: «Обязательным условием для правомерного изъятия электронных носителей информации является участие специалиста в соответствующей области знания» [1]. Отметим, законодатель не дает уточнений, при изъятии каких именно электронных носителей должен участвовать специалист, но по смыслу закона его участием обеспечивается гарантия сохранности и предотвращения утраты или изменения содержащейся на них информации. Однако несложно представить, что следователь, осуществляя, например, обыск в квартире, обнаружил USB-флеш-накопитель, на котором находится информация, имеющая доказательственное значение по делу общеуголовной направленности. Считаем, что в подобной ситуации не выглядит целесообразным и необходимым приглашать специалиста, чтобы изъятие USB-флеш-накопителя было произведено с его участием.

Кроме того, возможен случай, что следователь при расследовании преступления экономической направленности в ходе производства обыска в помещении, принадлежащем юридическому лицу, отыскивает бухгалтерскую документацию, содержащуюся в локальной сети или в базе данных предприятия. Здесь представляется логичным и целесообразным приглашение специалиста, так как, вероятнее всего, следователь не будет иметь достаточную компетенцию для изъятия информации.

В поддержку тезиса о том, что приглашение специалиста при изъятии электронных носителей информации не всегда является целесообразным, приведем кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 5 августа 2021 г. № 224-УД21-13-А6 [2]. Суд не согласился с утверждениями защитника о том, что отсутствие специалиста при осуществлении личного досмотра гр. Казакова является нарушением процедуры ч. 2 ст. 164¹ УПК РФ. Он обосновал свою позицию тем, что при изъятииотовых телефонов в ходе досмотра Казакова применение специальных знаний не требовалось. Должностными лицами не осуществлялись какие-либо действия в отношении информации, которая содержится на мобильных устройствах. Телефоны были изъяты в установленном законом порядке.

Однако мы вынуждены заметить: по вопросу участия специалиста при изъятии электронных носителей информации во время производства следственных действий сложилась непоследовательная судебная практика. Данную точку зрения может подтвердить апелляционное постановление от 9 июня 2018 г. № 22-247/2018 по делу № 22-247/2018 [3]. Хотя в данном решении и рассматривается нарушение уже утратившей силу нормы ч. 3¹ ст. 183 УПК РФ, устанавливающей, что при выемке электронных носителей информации участвует специалист, сегодня его участие при их изъятии распространяется на все следственные действия, о чем гласит ч. 2 ст. 164¹ УПК РФ.

Согласно вышеуказанному постановлению апелляционный суд считает нарушением закона изъятие следователем CD-R диска у свидетеля в ходе производства выемки без участия специалиста и признает этот электронный носитель информации и производство всех процессуальных действий с этим диском

недопустимыми доказательствами. В данном примере, как и в первом, можно утверждать, что для простого изъятия следователем CD-R диска у свидетеля не требуются специальные знания, так как следователь не проводит никаких действий в отношении информации, не ставит под угрозу ее утрату или изменение. Он просто изымает материальный носитель, содержащий в себе определенную информацию.

Мы считаем, что следователь имеет право производить изъятие электронных носителей информации самостоятельно в тех случаях, когда это действие возможно без применения специальных знаний. В подтверждение этого тезиса могут выступить следующие аргументы, которые приводятся в научной литературе [4]:

1) согласно ст. 38 УПК РФ следователь – самостоятельная процессуальная фигура, которая сама направляет ход расследования;

2) принятие решения следователем об участии специалиста зависит от технической сложности электронного носителя, подлежащего изъятию;

3) производство действий технического характера, требующих специальных знаний и подготовки, обязывает следователя привлечь к их производству специалиста;

4) изъятие следователем электронных носителей информации без участия специалиста вполне может быть законным, если в его действиях отсутствуют существенные нарушения прав и законных интересов участвующих лиц в следственном действии (необоснованное отклонение ходатайств, повреждение или утрата информации, содержащейся на изымаемых электронных носителях).

На основе вышеприведенных рассуждений мы видим весьма логичным и последовательным изменение редакции нормы ч. 2 ст. 164¹ УПК РФ и изложение ее следующим образом: «Электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста в тех случаях, когда компетенция следователя не позволяет произвести их изъятие без применения специальных знаний, а также в случае, если отсутствие специалиста создает угрозу утраты, повреждения или изменения информации, содержащейся на электронных носителях информации...».

В науке достаточно широко обсуждается проблема копирования информации, содержащейся на электронных носителях. Интересным является комментарий к положению нормы ч. 3 ст. 164¹ УПК РФ, наделяющей следователя правом в ходе следственного действия осуществлять копирование информации, содержащейся на электронном носителе, на другой соответствующий носитель. Комментарий представлен следующим образом: «Скопированная надлежащим образом информация, содержащаяся на электронном носителе информации, имеет такое же доказательственное значение, что и информация, полученная путем изъятия электронного носителя информации» [1]. Из данного контекста следует, что копирование имеет такую же доказательственную силу, как и изъятие, они являются равносильными способами установления истины по уголовному делу. Копирование следователем может произойти только в ходе следственного действия.

Норма о праве копирования следователем информации, содержащейся на электронном носителе, в ходе следственного действия, и комментариев, данный к ней, создают спорные и противоречивые моменты. По их контексту следует, что изъятие и копирование по доказательственной силе имеют равное значение. В таком случае возникает вопрос, зачем следователю соблюдать процедуру изъятия носителей информации по ч. 2 ст. 164¹ УПК РФ, если он может осуществить действия, указанные в ч. 3 той же статьи? Ведь в таком случае следователь может обойти спорное предписание об участии специалиста, тем самым заменить изъятие копированием.

Мы считаем, что законодатель не изложил должным образом норму ч. 3 ст. 164¹ УПК РФ. Ее редакция в данный момент ставит перед органами предварительного расследования вопрос о том, в каком виде и каким образом для уголовного дела имеют доказательственную силу электронные носители, на которые была скопирована информация в ходе следственного действия? В законе нет пояснений, каковы должны быть последующие действия с ними. Часть 1 ст. 81¹ УПК РФ устанавливает, что изъятые электронные носители информации признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем выносится постановление. Отметим, нужно ли следователю таковыми признавать носители, на которые была скопирована информация с других носителей, в законе не написано. Считаем, для более полного и ясного восприятия положения ч. 3 ст. 164¹ УПК РФ необходимо норму ч. 1 ст. 81¹ УПК РФ дополнить тем, что электронные носители информации, на которые была скопирована информация с других носителей, также признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем следователь выносит соответствующее постановление.

Кроме того, нам представляется не совсем ясным, почему законодатель в ч. 3 ст. 164¹ УПК РФ не оставил никаких упоминаний об участии специалиста при копировании информации следователем, учитывая порядок, изложенный в ч. 2. Ведь по аналогии с нормой ч. 2 ст. 164¹ УПК РФ специалист также может сделать заявление, что производство копирования способно повлечь угрозу утраты или изменения информации. Не исключена и ситуация, что компетенции следователя для выполнения этого действия может не хватить, и появится необходимость в применении специальных знаний.

Считаем, участие специалиста также необходимо в выполнении указанной процедуры, если копирование представляет собой техническую сложность, существуют риски изменения или утраты копируемой информации, и требуются специальные знания.

Список библиографических ссылок

1. Комментарий к статье 164¹ УПК РФ // Уголовно-процессуальный Кодекс РФ. Актуальная редакция с комментариями. URL: <https://oupkrf.ru/st164.1> (дата обращения: 01.10.2025).

2. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 5 августа 2021 г. № 224-УД21-13-А6. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное постановление от 9 июня 2018 г. № 22-247/2018 по делу № 22-247/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EvxInDnJQpl6/> (дата обращения: 01.10.2025).

4. Пирман В. В. Проблемные вопросы участия специалиста при изъятии электронных носителей информации // Человек. Общество. Право: материалы междунар. науч. конф. курсантов, слушателей и студентов, посвящ. 300-летию полиции России. Омск: Омская академия МВД России, 2019. Вып. 9. С. 116–117.

© Сковородко А. А., 2026

Наталья Сергеевна Сысолина,
старший преподаватель кафедры
уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

ЗНАЧЕНИЕ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Определение пространственно-временных характеристик занятия высшего положения в преступной иерархии представляет собой один из важных вопросов квалификации. Факультативность признаков места и времени приобретает особую значимость ввиду длящегося характера деяния, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, и специфики соответствующего криминального статуса как внепространственной категории. Дискуссионным является вопрос о том, насколько масштабной должна быть территория влияния лица, чтобы его положение могло признаваться «высшим» в контексте ст. 210¹ УК РФ, и каким образом территориальный признак соотносится с иерархическим уровнем лидера в системе криминальной субкультуры. Настоящая статья посвящена анализу места совершения преступления как факультативного признака объективной стороны, исследованию зависимости между территорией влияния и статусным положением лидера в преступной иерархии, а также критической оценке правоприменительной практики в части установления пространственных границ данного деяния.

Следует отметить, что место занятия высшего положения в преступной иерархии нередко вызывает сложности при доказывании и требует тщательной уголовно-правовой оценки. Очевидно, что место совершения первоначального акта преступления – получения искомой позиции – и место последующего непре-

рывного продолжения деяния в контексте обладания и пользования ею не совпадают. Часто преступление, предусмотренное ст. 210¹ УК РФ, подпадает под признаки транснационального [1].

В научной среде сформировался подход к определению места совершения длящегося преступления, в соответствие с которым им будет признаваться место его окончания. Относительно занятия высшего положения в преступной иерархии речь идет о месте прекращения обладания соответствующим статусом либо о месте задержании виновного [2; 3]. В правоприменительной практике наиболее часто возникает именно вторая ситуация, поскольку выявление лиц, подлежащих ответственности по указанной статье, происходит исключительно в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Разумеется, место приобретения рассматриваемого статуса и территория, на которую он распространяется и на которой указанный криминальный лидер осуществляет обусловленные своей позицией функции, в обязательном порядке подлежат доказыванию в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Однако в научном сообществе возникают споры по поводу оценки указанной территории, что напрямую связано с толкованием такой категории, как «высшее положение».

Значение термина «положение» при трактовке его в контексте внепространственных категорий (каковой является преступная иерархия) определяется толковыми словарями как «состояние при сложившихся обстоятельствах», «место, роль в коллективе» [4, с. 555]. Поэтому синонимами к указанному термину являются слова «статус», «позиция», «место» [5, с. 810]. Вопрос у исследователей вызывает то, насколько криминальный статус должен быть высоким применительно к той или иной территории, на какую местность или сферу влияния распространяться? [6, с. 26] Ответы на данные вопросы позволяют разрешить проблему определения круга лидеров преступной среды, подлежащих ответственности по рассматриваемой статье.

К настоящему моменту в науке и практике сформировалось мнение, что преступная иерархия как особая система связей в криминальной среде может проявляться на разных по масштабу территориях – от конкретного исправительного учреждения до региона или страны в целом. Соответственно, криминологическая категория «высшее положение в преступной иерархии» связывается с конкретной сферой влияния, как правило, ограниченной территориально. Таким образом, лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ, должно занимать в преступной иерархии позицию, обусловленную той или иной криминальной субкультурой и являющуюся высшей именно на данной территории влияния.

П. А. Скобликов справедливо утверждает отсутствие «единого преступного мира» [7], что подтверждается данными судебной практики. Лица, придерживавшиеся наиболее распространенной сегодня «воровской» криминальной субкультуры и судимые за занятие высшего положения в преступной иерархии, обладали своим положением (к слову, не всегда высшим с точки зрения преступной иерархии в целом) и выполняли обусловленные им организационные и идеологические функции на разных по масштабу территориях. Лидерские страты в рамках указанного вида криминальной субкультуры исследованы

множеством специалистов и включают три главные позиции (от высшей к более низшим): «вор в законе», «положенец», «смотрящий» – с некоторыми вариациями наименований указанных статусов [8, с. 23–26].

Анализ вступивших в силу обвинительных приговоров по ст. 210¹ УК РФ и научных трудов показал, что относительно «воровской» криминальной субкультуры применим вывод: чем выше криминальное положение лидера, тем больше территория, на которую оно распространяется. Так, авторитет «воров в законе» действует по всей стране, однако данные типы лидеров объединены между собой в группировки по признаку землячества и, соответственно, контролируют лишь отдельные территории [9]; влияние «положенцев», назначаемых «вором в законе», в большинстве случаев ограничено территорией того или иного субъекта РФ [10]; в свою очередь, лидерство «смотрящих» осуществляется в границах территории города [11], определенного исправительного учреждения [12], его некоторых зон или в конкретной сфере, например, за так называемым «общаком» [13].

Очевидно, что установление места совершения анализируемого преступления обязательно, несмотря на факультативный характер данного признака. В связи с этим не можем согласиться с мнением суда, согласно которому «для квалификации действий виновных по ст. 210¹ УК РФ установление конкретной даты и места наделения лица подобным статусом не требуется». Представляется, такой подход противоречит требованиям уголовно-процессуального закона и затрудняет последующую проверку законности и обоснованности приговора, особенно в части определения территориальной подследственности и подсудности уголовного дела. Установление места совершения преступления необходимо не только для формального соблюдения требований УПК РФ, но и для определения круга доказательств, подлежащих исследованию, а также для разграничения компетенции правоохранительных органов различных государств в случаях транснационального характера преступной деятельности. Полагаем, специфика длящегося характера занятия высшего положения в преступной иерархии обуславливает необходимость доказывания как места первоначального акта получения криминального статуса, так и территории последующего осуществления лицом лидерских функций.

Таким образом, место совершения преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, выступает не просто факультативным признаком объективной стороны, а важным доказательственным элементом, позволяющим конкретизировать объем криминального влияния лица, подтвердить его иерархический статус и обеспечить законность уголовного преследования. Дальнейшее совершенствование практики применения данной нормы должно идти по пути выработки четких критериев соотнесения территории влияния с иерархическим положением лидера и недопустимости игнорирования пространственно-временных характеристик деяния при его квалификации.

Список библиографических ссылок

1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бондарев С. П. Место окончания преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-okonchaniya-prestupleniya> (дата обращения: 15.01.2026).
3. Расулов Р. В. Некоторые спорные вопросы определения места совершения преступления // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-spornye-voprosy-opredeleniya-mesta-soversheniya-prestupleniya> (дата обращения: 15.01.2026).
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
5. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений / Л. И. Скворцов. М.: Оникс: Мир и Образование, 2009. 1104 с.
6. Новожилов С. С. Особенности лиц, обладающих статусным лидерством в преступной среде // Юридические исследования. 2023. № 5. С. 24–33.
7. Скобликов П. А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии криминальной среды России, как объект оперативно розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб.-практ. пособие / А. В. Воронцов [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2022. 76 с.
9. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан по делу № 2-6/2021 от 11.10.2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/v2jjPPZ6dnb4/?page=12®ular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+210.1.+Занятие+высшего+положения+в+преступной+иерархии%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge= (дата обращения 16.01.2026).
10. Определение Верховного суда Российской Федерации по делу № 16-УД24-24-А3 от 14.01.2025 // Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс».
11. Приговор Верховного суда Республики башкортостан по делу № 2-2/2024 (2-14/2023;) от 31.07.2024 // Судебныерешения.рф. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/76270412> (дата обращения 16.01.2026).
12. Приговор Вологодского областного суда по делу № 2-11/2020 от 02.12.2021 // Судебныерешения.рф. URL: <https://судебныерешения.рф/56440413> (дата обращения 16.01.2026).
13. Определение суда кассационной инстанции от 27.09.2023 № 39-УД23-14-А1 // Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс».

Айгуль Жумабековна Тулеуова,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ИНСТИТУТ ИМУЩЕСТВЕННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ВЫВОДУ КАПИТАЛА

Глобализация и цифровизация мировой экономики обострили проблему незаконного вывода капитала из стран с переходной экономикой, включая Республику Казахстан. Одной из ключевых задач государственной правовой политики является формирование эффективной системы мониторинга, предупреждения, раскрытия и расследования финансовых преступлений. Данная задача отражена в Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, где отмечается: «Необходим качественный мониторинг по предупреждению, выявлению и пресечению незаконного вывода средств за рубеж» [1].

В условиях усиления финансовой глобализации и цифровизации финансовых потоков борьба с незаконным оборотом капиталов требует комплексного подхода, включающего правовые, финансовые и организационные меры. Особое значение приобретает развитие института имущественного расследования как ключевого инструмента установления источников происхождения преступных доходов и обеспечения их последующей конфискации.

Международным сообществом выработан комплекс правовых инструментов, направленных на выявление и возврат активов, приобретенных преступным путем.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (от 15 ноября 2000 г.) устанавливает, что государства-участники принимают меры для обеспечения выявления, отслеживания, ареста или выемки имущества, полученного преступным путем, с целью последующей конфискации [2].

Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141 от 8 ноября 1990 г.) детально регулирует порядок взаимодействия правоохранительных органов государств-участников по принятию мер, позволяющих конфисковать орудия, доходы или имущество, добытое преступным путем [3].

В 2003 г. ФАТФ (Financial Action Task Force) впервые установила международные стандарты в области противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма, в том числе раскрытия информации о бенефициарных

владельцах, которые впоследствии были обновлены (включая редакции 2012 г. и 2023 г.) [4].

Данные рекомендации служат направлением для национальных законодательств, при этом рекомендательные стандарты играют важную роль в формировании международной уголовной политики. Они могут со временем стать обязательными через их имплементацию в национальное законодательство или трансформацию в международные договоры.

Кроме того, выполнение стандартов является крайне важным для стран, стремящихся к интеграции в мировую финансовую систему. ФАТФ регулярно проводит оценки, известные как «взаимные оценки», чтобы определить, насколько страны-члены и другие государства соблюдают рекомендации.

Если страна не следует этим требованиям, она может быть включена в «серый» или «черный» список ФАТФ, что негативно сказывается на ее репутации, инвестиционном климате и доступе к международным финансовым рынкам, т. е. их невыполнение может иметь серьезные экономические и политические последствия для страны.

Таким образом, краткий обзор международных правовых актов свидетельствует о том, что конечным результатом расследования является арест и конфискация имущества. Иными словами, проведение действий по установлению законности приобретенного имущества.

В отечественной и зарубежной научной литературе понятие финансового расследования рассматривается с разных позиций.

Так, Пименов Н. А. полагает, что «под финансовыми расследованиями как процессуальной деятельностью следует понимать сбор, закрепление, всестороннее рассмотрение, изучение существенных, имеющих значение для дела обстоятельств совершенного нарушения, связанного с посягательством на отношения по формированию, распределению, перераспределению и использованию фондов денежных средств (финансовых ресурсов) субъектов экономических отношений» [5]. Лепский С. «характеризует финансовое расследование как междисциплинарный процесс, сочетающий правовые, экспертные, аналитические и оперативно-разыскные методы, используемые в целях выявления и расследования нарушений в ходе хозяйственной, управленческой и финансовой деятельности» [6]. Дедков А. В. акцентирует внимание на превентивной функции финансовых расследований как инструмента национальной экономической безопасности [7].

Основными маркерами финансового расследования выступают анализ финансовых потоков, установление взаимосвязей между субъектами и источниками средств, а также документирование данных, необходимых для последующих процессуальных действий.

Большой экономический словарь «финансы» описывает так: «экономическая категория, отражающая экономические отношения в процессе создания и использования фондов денежных средств» [8].

Международные стандарты и позиции исследователей свидетельствуют, что финансовое расследование является важным инструментом выявления источников преступных доходов и отслеживания путей их движения.

Однако результаты такого расследования имеют в основном аналитический характер и не всегда обеспечивают установление конкретных активов, находящихся в распоряжении правонарушителей. Между тем конечной целью расследования согласно Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и Конвенции ООН против коррупции (2003 г.) является обеспечение конфискации имущества, полученного преступным путем. Это требует перехода от анализа финансовых потоков к идентификации и изъятию материальных активов, что фактически образует предмет имущественного расследования.

Следовательно, имущественное расследование выступает логической и практической стадией, обеспечивающей достижение основной цели – возвращение незаконно приобретенных активов в государственную собственность, по следующим причинам.

Во-первых, согласно рекомендациям ФАТФ целью проведения параллельного финансового расследования является выявление активов, извлеченных в результате преступной деятельности. Для реализации данной цели необходимо расширить предмет расследования от финансовых потоков до имущественных активов (имущественное расследование).

В национальном законодательстве Казахстана данная тенденция получила развитие с принятием Закона Республики Казахстан от 12 июля 2023 г. № 21-VIII «О возврате государству незаконно приобретенных активов» [9], который институционализировал понятие активов как объекта имущественного расследования.

Согласно ст. 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан, к объектам гражданских прав относятся [10]:

- вещи;
- денежные средства (включая иностранную валюту);
- финансовые инструменты;
- результаты интеллектуальной деятельности;
- цифровые активы и иное имущество.

Таким образом, законодатель формально очертил предмет имущественного расследования – совокупность имущественных прав и активов, подлежащих выявлению, аресту и последующему обращению в доход государства.

Во-вторых, международная практика показывает, что финансовое расследование нередко сопровождается мерами по установлению и аресту имущества, приобретенного на незаконные доходы. В соответствии с подходами ФАТФ и Конвенции ООН против коррупции эффективная борьба с отмыванием средств предполагает не только выявление источников финансирования, но и поиск, замораживание и конфискацию имущества, представляющего ценность. Поэтому целесообразно рассматривать имущественное расследование как составную часть финансового анализа, направленную на материальное воплощение полученной выгоды.

В-третьих, в национальной экономике Казахстана преступные доходы чаще всего приобретают форму реальных активов – недвижимости, транспортных средств, долей в компаниях. Указанное связано с особенностями структуры

национального рынка и ограниченными возможностями для сложных финансовых инвестиций. В связи с этим проведение имущественного расследования приобретает особую значимость как инструмент выявления и возврата активов, полученных преступным путем.

В заключение хотелось бы отметить, что развитие института имущественного расследования является важным элементом реализации правовой политики Республики Казахстан в сфере противодействия незаконному выводу капитала и коррупции. Акцент на выявлении и возврате активов соответствует международным обязательствам государства и способствует укреплению экономической и финансовой безопасности.

В долгосрочной перспективе эффективное имущественное расследование позволит:

- обеспечить возврат конкретных активов, незаконно выведенных за рубеж;
- развить практику внесудебной конфискации;
- повысить уровень международного сотрудничества в сфере розыска активов;
- укрепить доверие к правоохранительным органам и системе финансового мониторинга.

Имущественное расследование по своей сути, это процесс сбора, анализа сведений о происхождении имущества. Данный вид расследования тесно связан с такими правовыми категориями, как собственность, обязательства и финансовая деятельность, и включает изучение движимого и недвижимого имущества, финансовых активов.

Его задачами являются:

- предотвращение дальнейшей преступной деятельности;
- обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, через конфискацию и / или гражданский иск;
- предупреждение тяжких преступлений, связанных с извлечением имущественной выгоды.

Таким образом, имущественное расследование становится неотъемлемым элементом правоприменительной практики, направленным на защиту интересов государства и общества, укрепление законности и обеспечение справедливости в сфере имущественных отношений.

В результате имущественное расследование становится основным инструментом не только правового, но и экономического оздоровления государства.

Список библиографических ссылок

1. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. № 674. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 25.09.2025).

2. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (от 15 ноября 2000 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 25.09.2025).

3. Конвенция Совета Европы об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141 от 8 ноября 1990 г.). URL: <https://rm.coe.int/168007bd4a> (дата обращения: 25.09.2025).

4. Рекомендации ФАТФ: международные стандарты по противодействию отмыыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения // ФАФТ: офиц. сайт. URL: www.fatf-gafi.org/recommendations.html (дата обращения: 25.09.2025).

5. Пименов Н. А. Финансовые расследования: основные подходы // Вестник финансовой академии. 2003. № 1. С. 33–35.

6. Лепский С. Финансовые расследования: понятие и правовое содержание // Закон и жизнь. 2014. № 3. С. 48.

7. Дедков А. В. Вопросы формирования института финансового расследования // Финансовый менеджмент. 2004. № 2. URL: <http://www.finman.ru/articles/2004/2/1759.html> (дата обращения: 25.09.2025).

8. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. 3-е изд. стер. М.: Институт новой экономики, 1998. С. 781.

9. О возврате государству незаконно приобретенных активов: Закон Республики Казахстан от 12 июля 2023 г. № 21-VIII ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021> (дата обращения: 25.09.2025).

10. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общий раздел). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000> (дата обращения: 25.09.2025).

© Тулеуова А. Ж., 2026

Елена Евгеньевна Шавкарова,
старший преподаватель кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СОЗДАНИЕМ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ПОСЯГАЮЩЕЙ НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН

Современная религиозно-мировоззренческая ситуация в Российской Федерации характеризуется высокой динамикой и сложностью. Наряду с возрождением традиционных конфессий, в последние десятилетия наблюдается активный рост новых религиозных движений (НРД), психокультизм, групп личностного роста и псевдорелигиозных коммерческих организаций. Часть из них, согласно данным правоохранительных органов и экспертного сообщества, обладает при-

знаками деструктивности, представляя угрозу для психического здоровья граждан, общественной безопасности и конституционного строя государства.

Проблема расследования преступлений, совершаемых организаторами и участниками таких объединений, заключается в латентном характере воздействия. В отличие от общеуголовных преступлений, где орудие и механизм причинения вреда очевидны, в деятельности деструктивных культов орудием преступления выступает информация, а механизмом – психологическое манипулирование. Установление причинно-следственной связи между пребыванием человека в организации и наступившими тяжкими последствиями (суицид, распад семьи, отчуждение имущества, психическое расстройство) невозможно без применения специальных знаний.

В уголовном судопроизводстве использование специальных знаний традиционно реализуется через институты судебной экспертизы и участия специалиста. Однако специфика объекта исследования – деятельности организаций, использующих технологии контроля сознания, – порождает ряд правовых и методических коллизий. Отсутствие в российском законодательстве легальных дефиниций понятий «секта», «деструктивный культ», «психологическое насилие» создает зону правовой неопределенности, которую вынуждены заполнять эксперты. Это приводит к тому, что экспертное заключение зачастую становится ключевым, а иногда и единственным доказательством обвинения, что налагает колоссальную ответственность на качество и объективность экспертного исследования.

В теории уголовного процесса под специальными знаниями понимаются знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта, приобретенные в результате профессионального обучения или работы в определенной области науки, техники, искусства или ремесла. В делах о деструктивных культах потребность в таких знаниях обусловлена сложной природой расследуемых событий, лежащих на стыке теологии, психологии, социологии и лингвистики.

Специфика объекта исследования – «деструктивного культа» – заключается в его многогранности. Это не просто юридическое лицо или группа граждан, это сложная социальная система, обладающая собственной идеологией, внутренней иерархией, специфическим языком и методами воздействия на адептов.

Правоприменитель (следователь, судья) неизбежно сталкивается с необходимостью интерпретации фактов, недоступных для обыденного понимания:

– Почему взрослый, дееспособный человек добровольно отдает имущество лидеру группы?

– Является ли отказ от медицинской помощи результатом свободного религиозного выбора или следствием подавления воли?

– Содержат ли тексты организации призывы к насилию, если они выражены метафорическим, «сакральным» языком?

Ответы на эти вопросы лежат за пределами юридической компетенции. Следовательно, специальные знания выступают не просто вспомогательным инструментом, а необходимым условием установления истины по делу. При этом важно отметить, что правовая квалификация (например, определение

наличия состава преступления) является исключительной прерогативой суда и не может быть делегирована эксперту. Однако на практике граница между установлением факта (компетенция эксперта) и его правовой оценкой (компетенция суда) в делах о культах часто размывается.

Судебная религиоведческая экспертиза занимает центральное место в доказывании объективной стороны преступления по ст. 239 УК РФ. Ее предметом являются фактические данные о вероучении, структуре, истории и культовой практике исследуемого объединения.

Согласно методическим рекомендациям и практике 2023–2024 гг. перед экспертом-религиоведом ставятся следующие вопросы:

- Является ли представленная организация религиозным объединением? Какова ее конфессиональная принадлежность?
- В чем заключаются основы вероучения данной организации?
- Содержатся ли в вероучении догматы, предписывающие совершение насилия над гражданами или причинение вреда их здоровью?
- Имеются ли в литературе или устных проповедях призывы к отказу от исполнения гражданских обязанностей (службы в армии, уплаты налогов, получения образования, медицинской помощи)?

Важным аспектом является разграничение компетенции. Эксперт-религиовед исследует содержание учения, но не дает правовую оценку действиям. Например, вопрос «Является ли данная организация сектой?» считается некорректным, так как термин «секта» не имеет юридического закрепления в Российской Федерации и носит оценочный, часто уничижительный характер. Вместо этого следует выяснять наличие признаков иерархической структуры, противопоставления группы обществу и наличия эзотерического (скрытого) учения.

Анализ информационных материалов (книг, листовок, видеозаписей, сайтов) требует назначения комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Лингвист анализирует текст как знаковую систему, а психолог – направленность текста на изменение установок и поведения адресата [1].

Лингвистический компонент: эксперт-лингвист решает задачи атрибуции текста (кто автор?), смыслового анализа и выявления речевых актов побуждения. Типичные вопросы:

- В каком значении употреблены слова и выражения, характеризующие отношение к государственным институтам или иным социальным группам?
- Содержатся ли в тексте высказывания в форме призыва? К каким именно действиям они побуждают?
- Имеются ли высказывания, содержащие негативную оценку группы лиц, объединенных по признаку отношения к религии?

Особую сложность представляет анализ «новояза» – специфического сленга, используемого внутри культа. Слова могут менять свое общеупотребительное значение (например, «семья» может означать общину, а биологическая семья именоваться «мертвецами»). Лингвистический анализ позволяет вскрыть подмену понятий, используемую для манипуляции.

Психологический компонент: психолог исследует текст на предмет наличия признаков психологического воздействия. В рамках ст. 239 УК РФ ключе-

вым является вопрос о побуждении. Побуждение может быть выражено не только прямым призывом (императивом), но и скрытыми методами: внушением, созданием образа врага, запугиванием (угроза «духовной гибели»). Вопросы эксперту-психологу:

– Используются ли в материалах специальные психологические средства и приемы воздействия на сознание и волю человека?

– Способны ли данные материалы формировать у читателя (зрителя) побуждение к совершению конкретных действий (например, передаче имущества, отказу от семьи)?

– Каков механизм воздействия данных текстов на эмоциональную сферу личности?

Зачастую возникает необходимость в проведении судебно-психиатрических или психолого-психиатрических экспертиз потерпевших. Главная задача – установить наличие психического расстройства и его причинную связь с воздействием в организации. Психологическое насилие (контроль сознания) часто приводит к реактивным психозам, депрессиям, посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР). Вопросы экспертам:

– Страдает ли потерпевший психическим расстройством? Если да, то каким?

– Имеется ли причинно-следственная связь между возникновением расстройства и участием лица в деятельности организации (посещением собраний, участием в обрядах)?

– Находился ли потерпевший в момент передачи имущества или совершения иных действий в состоянии, лишившем его способности понимать значение своих действий и руководить ими (беспомощное состояние, психологическая зависимость)?

Практика показывает, что для ответа на эти вопросы часто требуется стационарное обследование в специализированных центрах, таких как НМИЦ ПН им. В. П. Сербского.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что использование специальных знаний является безальтернативным условием эффективного расследования преступлений, связанных с созданием некоммерческих организаций, посягающих на личность и права граждан. Специфика современных деструктивных культов, использующих сложные психотехники и цифровые платформы, делает традиционные методы расследования недостаточными.

Список библиографических ссылок

1. Кульпин А. А. О некоторых проблемах, возникающих при назначении и производстве судебной лингвистической экспертизы при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ // Вестник криминалистики. 2024. № 1. С. 45–50.

© Шавкарова Е. Е., 2026

Андрей Борисович Шавловский,
преподаватель кафедры судебно-экспертной
и оперативно-розыскной деятельности
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации им. А. Я. Сухарева

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРАНЗАКЦИЙ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

Современные цифровые технологии оказывают существенное влияние на все сферы жизнедеятельности человека и общества, в том числе и на сферу преступности. К таким цифровым технологиям относят децентрализованные нефинансовые средства – цифровую валюту (криптовалюту). Среди причин популярности использования криптовалют в преступной деятельности можно выделить анонимизацию их владельцев и получателей. Как отмечают И. В. Степанов, Ю. А. Грачев, «одна из особенностей биткоина и многих других криптовалют – анонимность. Идентификация владельца происходит только по номеру электронного кошелька, который, как правило, не привязан к персональным данным владельца» [1, с. 286].

Деятельность пользователей в цифровом пространстве, в том числе в сети Интернет, порождает цифровые (виртуальные) следы, которые могут иметь доказательственное значение и относиться к расследуемым уголовным делам. Неотъемлемой частью организации расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, является обнаружение, фиксация и закрепление цифровых следов на электронных носителях, в цифровых устройствах и др., которые могут иметь значение для установления всех обстоятельств по уголовным делам.

Концепция функционирования криптовалют основана на технологии блокчейн-сетей, которые представляют собой самостоятельные децентрализованные реестры, содержащие информацию обо всех выполненных транзакциях (блоках транзакций). Как отмечает Г. П. Осипов, «фактически блокчейн служит публичным журналом всех транзакций, он представляет собой цепочку блоков, содержащих все данные о ранее проведенных транзакциях» [2, с. 190].

Сегодня не существует единых методических подходов к собиранию цифровых доказательств в блокчейн-сетях, однако их принципы схожи с информационно-аналитическими исследованиями открытых источников сети Интернет, поскольку объектом исследования являются массивы цифровых данных в открытых источниках – блокчейн-сетях. Как отмечают В. В. Бычков, В. Б. Вехов, «структура информации, размещенной в Интернете, с точки зрения ее формы аналогична цифровым доказательствам в целом. Наиболее типичной ее формой является текст, как текст страницы в Интернете, так и исходный код веб-сайта, сообщения электронной почты, логов, контрольных сумм и пр.» [3, с. 110].

Таким образом, принципы собирания цифровых следов в сети Интернет тождественны исследованию компьютерной информации на электронных носи-

телях и цифровых устройствах. В ходе проводимых информационно-аналитических исследований по открытым источникам сети Интернет могут быть установлены и закреплены следующие цифровые следы в блокчейн-сетях: адрес криптокошелька отправителя, адрес криптокошелька получателя, сведения о совершенной криптотранзакции: контрольная сумма (криптографический хеш), дата и время, сумма средств в криптовалюте.

Документирование указанных цифровых следов в блокчейн-сетях возможно через использование специальных обозревателей блокчейн-сетей (блоков крипто-транзакций): Blockchain Explorer (адрес – www.blockchain.com), Blockchair (адрес – www.blockchair.com), BlockExplorer (адрес – www.blockexplorer.com). Также могут использоваться и специальные аналитические сервисы: «Прозрачный блокчейн» от Росфинмониторинга, «ШАРД» от АО «ШАРД».

Необходимо отметить, что технология блокчейн-сетей позволяет владельцу нескольких криптокошельков выполнять одновременный перевод на другие криптокошельки в единой транзакции. Эта особенность технологии блокчейн-сетей позволяет соотносить адреса криптокошельков-отправителей, как вероятно принадлежащие одному владельцу.

Одной из проблемных для решения задач является идентификация владельцев криптокошельков в блокчейн-сетях. Как правило, такие задачи решаются через комплексное проведение следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, в том числе при помощи собирания цифровых следов за пределами блокчейн-сетей посредством анализа данных, содержащихся в открытых источниках сети Интернет:

- страницы пользователей и сообществ в социальных сетях, публичные каналы и сообщества в сервисах обмена мгновенными сообщениями;

- данные сайтов интернет-архивов, сервисов размещения объявлений, фото и видеохостинги, специализированные форумы, в том числе размещенные в закрытом сегменте сети Интернет и др.

В результате выполненного информационно-аналитического исследования могут быть установлены сведения о транзакциях цифровой валюты в блокчейн-сетях с подробным описанием и визуализацией, наглядно демонстрирующей движение цифровой валюты. В случае необходимости установления рыночной стоимости полученной цифровой валюты в порядке ст. 195 УПК РФ может быть назначена судебная оценочная (стоимостная) экспертиза, на разрешение которой ставится следующий вопрос: «Какова рыночная стоимость в российских рублях цифровой валюты [наименование криптовалюты] в количестве 1 единицы по состоянию на [указать дату]?».

Подводя итог, отметим, что комплексное использование современных технологий и специальных знаний позволит повысить эффективность собирания доказательств в расследовании современных видов преступлений, в том числе по вопросам документирования цифровых следов в отношении цифровой валюты (криптовалюты). Как справедливо подчеркивает О. А. Решняк, «благодаря внимательному научному изучению криптовалюты как предмета криминалистической характеристики преступлений можно создать алгоритмы в ее выявлении, тем самым помочь следственным органам в доказывании преступлений» [4, с. 136].

Список библиографических ссылок

1. Степанов И. В., Грачев Ю. А. Криптовалюты – современные цифровые технологии для преступных целей // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 28 ноября 2019 г. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2019. С. 281–288.
2. Осипов Г. П. Практика расследования преступлений с использованием криптовалют // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: сб. тр. междунар. науч.-практ. конф. Москва, 30 июня 2023 г. М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 186–195.
3. Бычков В. В., Вехов В. Б. Электронное следообразование преступной деятельности в сети Интернет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 106–111.
4. Решняк О. А. Цифровая валюта как элемент механизма преступления в криминалистической характеристике // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения): сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Москва, 24 мая 2024 г. М.: Академия управления МВД России, 2024. С. 130–136.

© Шавловский А. Б., 2026

Салтанат Нурлановна Шайхыстановна,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ПРАВОВЫЕ СВОЙСТВА НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК СПОСОБА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

В условиях стремительного развития цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта, особого внимания заслуживает эскалация преступности, характеризующаяся усилением организованных транснациональных форм, использованием современных средств и высокой латентностью, что, безусловно, ставит перед уголовным процессом задачи по повышению эффективности расследования и адаптации к современным криминальным вызовам. При этом имеющиеся в арсенале следственных действий классические гласные методы зачастую оказываются недостаточными для формирования устойчивой доказательственной базы и своевременного противодействия преступности.

В результате в уголовно-процессуальном законодательстве ряда государств постсоветского пространства, например, Молдавии, Киргизии, Украины,

Казахстана и Грузии, был введен относительно новый институт негласных следственных действий (далее – НСД) [1, с. 34]. Указанное нововведение следует расценивать как инкорпорацию оперативно-разыскных возможностей в сферу уголовно-процессуального регулирования или, иными словами, процессуализацию некоторых специальных оперативно-разыскных мероприятий.

Согласно ч. 1 ст. 232 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) «негласные следственные действия производятся, если для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сведения о фактах необходимо получить, не информируя вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересы которых они затрагивают» [2].

Исходя из вышеприведенной законодательной формулировки, очевидно, что основной целью проведения НСД является выявление и закрепление фактических данных и сведений об их источниках для последующего получения доказательств и их проверки в уголовном процессе, при этом отличительной особенностью от других следственных действий является то, что НСД проводятся лишь в тех случаях, когда установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, иным способом не представляется возможным.

Кроме того, правовая дефиниция указывает на присущий им скрытый характер осуществления, что также отличает их от классических следственных действий. Безусловно, в целях достижения эффективности данной деятельности, а также обеспечения безопасности ее участников необходима полная «негласность».

Однако в соответствии с УПК РК, «если в доказывании используются тайно зафиксированные высказывания или действия какого-либо лица, это лицо обязательно должно быть об этом допрошено» [2]. Справедливо возникает вопрос: является ли обозначенная «негласность» абсолютной? Поскольку допрос и последующее использование его результатов способствует раскрытию для определенного круга участников уголовного процесса сведений о фактах и обстоятельствах их проведения.

В этой связи, несмотря на то что «негласность» является исключительным свойством НСД, латентность факта и методов их проведения скорее является относительной. Тем не менее в настоящем исследовании свойство абсолютной и относительной негласности рассматривается обзорно, но представляется перспективным направлением для последующего более развернутого изучения.

Несмотря на относительную новизну института НСД, отдельные аспекты их применения получили развитие в трудах казахстанских и зарубежных ученых и практиков, среди которых: Ахпанов А. Н., Амирханов Б. К., Банчук А., Гинзбург А. Я., Глашева А. М., Головкин Л. В., Ешназаров А. А., Когамов М. Ч., Коновалов С. Г., Медиев Р. А., Орумбаев Н. Е., Рогатюк И. В., Хан А. Л., Хан В. В.

Как справедливо отмечают Ахпанов А. Н. и Хан А. Л., казахстанский законодатель при формировании УПК РК 2014 г. постарался учесть мнения ученых, в результате чего можно говорить о появлении в казахстанском уголовном судопроизводстве нового вида доказывания – оперативно-следственного [3, с. 47].

Являясь разновидностью следственных действий, сущность НСД неразрывно связана с ОРД, ст. 11 Закона Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г.

«Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон) регламентирует разделение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) на общие и специальные [4]. Несмотря на схожесть НСД и ОРМ, имеются существенные различия, некоторые из которых будут рассмотрены ниже.

Так, в плане правового регулирования основания и порядок проведения НСД законодательно закреплены в УПК РК (гл. 30), тогда как ОРМ в Законе.

Основополагающие различия содержатся и в траектории целевого предназначения: назначение НСД является локальным (не выходящим за предмет и пределы доказывания обстоятельств конкретного уголовного дела или отдельного уголовного правонарушения), в то время как ОРМ имеет фронтальное предназначение, не ограниченное рамками досудебного расследования по отдельно взятому уголовному делу, начиная с контроля и борьбы с преступностью и заканчивая обеспечением национальных интересов [3, с. 48].

Кроме того, результаты НСД, будучи способом собирания доказательств, должны соответствовать общим критериям, предъявляемым к доказательствам, т. е. быть относимыми, допустимыми, достоверными и в совокупности достаточными для разрешения уголовного дела.

Рассмотрение элементов оценки доказательств следует начать со свойства относимости. Согласно УПК РК «доказательство признается относящимся к делу, если оно представляет собой фактические данные, которые подтверждают, опровергают или ставят под сомнение выводы о существовании обстоятельств, имеющих значение для данного дела» [2]. Если сведения или фактические данные связаны с произошедшим преступным событием, а также способствуют установлению объективной истины, предполагается дальнейшее их признание в качестве доказательств по рассматриваемому делу.

Подчеркивая неразрывную связь всех элементов оценки доказательств друг с другом, Горбунов Т. А. справедливо отмечает, что «институт относимости доказательств не может быть понят в достаточной мере без оценки доказательств с точки зрения их допустимости» [5, с. 442]. В свою очередь, допустимость доказательств, полученных при производстве НСД, является наиболее формализованным свойством и определяется законностью источника, методов и приемов получения фактической информации.

К ключевым гарантиям допустимости НСД следует относить:

– судебное санкционирование: в связи с ограничением конституционных прав граждан (например, неприкосновенность частной жизни, жилища, тайна переписки и пр.) подавляющее большинство перечисленных в ст. 231 УПК РК видов НСД проводятся с санкции судьи специализированного следственного суда. Регламентированное законодателем условие корреспондирует с мнением профессора И. Л. Петрухина, согласно которому «судебный контроль – это одна из форм реализации судебной власти по осуществлению правосудия» [6, с. 32];

– надлежащий субъект и порядок: НСД проводятся уполномоченным подразделением по поручению следователя (органа досудебного расследования). Признание доказательств недопустимыми происходит, когда они получены с существенным нарушением установленной уголовно-процессуальной формы или ненадлежащим участником доказывания;

– принцип пропорциональности: применение НСД должно балансировать частные и публичные интересы, поскольку они существенно ограничивают права граждан. Достоверность же характеризует содержательную (материальную) сторону доказательств, подтверждая точность и правильность обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Правила допустимости призваны максимально обеспечить достоверность доказательств. Проверка достоверности НСД требует сопоставления с другими доказательствами, а также их проверяемости уголовно-процессуальными способами, «оценку достоверности доказательства необходимо рассматривать как критерий гарантий через его допустимость, но не отождествляя эти два разных свойства доказательства» [7, с. 218].

Важным элементом проверки достоверности является возможность проведения допроса должностного лица, осуществлявшего ОРД / НСД, в качестве свидетеля, если это необходимо для обеспечения безопасности конфиденентов, внедренных в преступную группу.

В свою очередь, достаточность представляет собой свойство всей собранной совокупности элементов (доказательств), когда их количество и качество позволяют составить полную картину, необходимую для принятия окончательного и убедительного решения по делу.

Правовое свойство НСД как способа доказывания проявляется в особом механизме преобразования полученной информации в процессуальные доказательства (легализации). В уголовном процессе Республики Казахстан источником доказательств служат не сами НСД, а протоколы их исследования.

В целях придания результатам НСД значения доказательств органу досудебного расследования необходимо провести предварительное исследование, сопряженное с составлением соответствующего протокола. Протоколы исследования, звукозаписи, фотографии и изъятые предметы используются в доказывании наравне с доказательствами, полученными в результате обычных следственных действий. При этом материалы, полученные в результате проведения ОРД, подлежат использованию только после облечения их в форму, предусмотренную УПК РК.

Немаловажно, что процедура НСД, как и специальные ОРМ, содержит специфические правовые свойства, направленные на защиту публичных интересов и конфиденциальности. Так, сведения о силах, средствах, методах и источниках (конфидентах), использованных при проведении негласных мероприятий, составляют государственную тайну (секреты) и не подлежат разглашению.

Ключевым гарантом, обеспечивающим баланс между публичным интересом и правом на информацию, является уведомление о виде и сроках их проведения без ознакомления с результатами в установленные законом сроки лица, в отношении которого проводились НСД.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что институт НСД является объективно необходимым элементом современного уголовного процесса, сформировавшимся как ответ на усложнение форм преступности и высокий уровень конспирации преступных структур. Специфика НСД выражается в сочетании таких ключевых правовых свойств, как негласность проведения, уси-

ленные гарантии допустимости в качестве доказательств, предусматривающие обязательное судебное санкционирование, строгая регламентация порядка проведения, а также опосредованность доказательственного характера, когда юридическую силу имеют не сами действия, а протоколы их исследования.

Проведенный анализ показал, что практическое применение НСД сопряжено с рядом проблем, среди которых необходимость более четкого разграничения НСД и ОРМ, совершенствование процедур легализации результатов негласных мероприятий.

Таким образом, НСД в уголовном процессе функционируют как особый механизм получения и последующей процессуальной трансформации информации, обеспечивающей ее пригодность в качестве доказательства. Дальнейшее научное осмысление и совершенствование правового регулирования института НСД будут способствовать укреплению гарантий справедливого уголовного производства и эффективного перехода от догоняющего к опережающему способу борьбы с организованной и высокотехнологичной преступностью.

Список библиографических ссылок

1. Андриенко Ю. А. Негласные следственные действия в российском уголовном процессе: за и против // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 2 (43). 171 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 25.09.2025).
3. Ахпанов А. Н., Хан А. Л. О правовой природе и разграничении оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий // Вестник Института законодательства РК. 2018. № 3 (52). 222 с.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ (с изм. и доп. по состоянию на 16.09.2025). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158 (дата обращения: 25.09.2025).
5. Горбунов Т. А. Актуальные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 г. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2023. 749 с.
6. Петрухин И. Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений: монография. М.: Велби, Проспект, 2008. 288 с.
7. Сулейменов Т. Е. Достоверность и допустимость доказательств, получаемых в результате производства негласных следственных действий, представляемых оперативными аппаратами ОВД Республики Казахстан // Новеллы права, экономики и управления 2019: сб. науч. тр. по материалам V междунар. науч.-практ. конф. Гатчина, 22 ноября 2020 г. Т. 1. Гатчина: Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий, 2020. 358 с.

© Шайхыстановы С. Н., 2026

Юрий Михайлович Юбко,
профессор кафедры расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент;
Виктория Назимовна Михневич,
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ЗНАНИЕ О МЕХАНИЗМЕ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ЕГО УСПЕШНОГО РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ

Раскрытие и расследование коррупционных преступлений, которые характеризуются высокой степенью латентности, требуют от сотрудников правоохранительных органов слаженной профессиональной деятельности, основанной на практических навыках и теоретических разработках юридических наук, которые находят отражение в том числе в положениях частной криминалистической методики. В большинстве случаев раскрытие коррупционных преступлений осуществляется в рамках первоначальной стадии уголовного процесса – при возбуждении уголовного дела, проведении проверки поступившего заявления или сообщения о преступлении. Отличительной чертой процессуальной и криминалистической деятельности в рамках возбуждения уголовного дела по коррупционным преступлениям является фактическая необходимость полного познания механизма преступления для принятия решения о наличии либо отсутствии признаков преступления. Процессуальная и криминалистическая деятельность на данном этапе характеризуется «усеченным» арсеналом следственных и иных процессуальных действий (ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь), а также сроками (ч. 1, 3, 4 ст. 173 УПК Республики Беларусь), уступающими по продолжительности срокам предварительного следствия (ст. 190 УПК Республики Беларусь), в связи с чем полагаем целесообразным остановиться на некоторых аспектах механизма коррупционного преступления для совершенствования теоретических разработок по оптимизации криминалистической деятельности на данной стадии уголовного процесса.

Как представляется, понимание механизма коррупционного преступления зависит от знания сущности материального права, положений уголовного закона [1, с. 13], благодаря которым сотрудники органа уголовного преследования формулируют признаки коррупционных преступлений: специальный субъект преступления – должностное лицо; единый общий мотив – корыстная либо иная личная заинтересованность; осуществление противоправной деятельности в рамках реализации своих должностных обязанностей; схожесть механизма совершения преступления, и, соответственно, механизма слеодообразования (преобладающим источником следовой информации является документ, который зачастую является в том числе средством и результатом преступной деятельности).

Знание и понимание механизма коррупционного преступления является залогом его успешного раскрытия и расследования. Традиционно в криминалистической науке механизм преступления представлен системой взаимодействующих в преступлении лиц, материальных объектов и процессов, взаимосвязи которых обусловлены подготовкой, совершением и сокрытием преступления [2, с. 119]. В свою очередь, А. М. Кустов выделял три этапа механизма коррупционного преступления: начальный, основной и заключительный [3, с. 22]. В криминалистической литературе встречаются и иные определения названных этапов, однако разность предложенных наименований скорее является лингвистическим спором, нежели имеет какой-либо научный подтекст.

Начальный этап механизма коррупционного преступления сосредотачивает в себе действия должностного лица, создающие основу для совершения коррупционного преступления. Определим, что предпринимаемым подготовительным действиям всегда предшествует умственный анализ определенных объективных и субъективных факторов. К объективным факторам отнесем особенности функционирования предприятия, учреждения, организации в ведении, к примеру, бухгалтерского отчета, документооборота, общего контроля за деятельностью должностного лица, объем документально предоставленных ему полномочий. К субъективным факторам можно отнести фактически возложенные и выполняемые должностным лицом обязанности, его личностные качества, характеристика взаимоотношений с руководителями, подчиненными сотрудниками, представителями коммерческих организаций. При проведении такого анализа должностное лицо выявляет «слабые места», посредством использования которых оценивается перспективность и реальность совершения преступления, а также создается базис для его совершения.

После проведенного анализа должностное лицо переходит к активному этапу осуществления действий, обеспечивающих совершение коррупционного преступления. Данные действия могут быть представлены изданием определенных приказов, введением нового порядка документооборота, ослаблением и рассредоточением функций контроля и учета товарно-материальных ценностей, изменением привычной процедуры выбора подрядных организаций (с сохранением видимости легитимности), перемещением по службе «неудобных» сотрудников либо же, напротив, предоставлением определенной должности лицу, которое по своим личностным качествам будет способствовать совершению преступления в той или иной форме. Для придания практической направленности предлагаемым нами аргументам приведем следующие примеры.

Так, в целях совершения хищения денежных средств путем фиктивного трудоустройства руководитель структурного подразделения учреждения (к примеру, жилищно-коммунального хозяйства) предварительно вступает в сговор с фиктивно трудоустроенным лицом, информирует отдел кадров о необходимости оформления документов о приеме на работу, включает фиктивно трудоустроенное лицо в график отпусков, рассредоточивает иных подчиненных ему сотрудников в рамках обслуживаемой территории в целях недопущения распространения информации о трудоустройстве лица, которое фактически не выполняет свои трудовые обязанности. Либо же руководитель предприятия для

обеспечения победы в тендере определенной коммерческой структуры заранее формирует с последней пакет необходимой документации с отражением перечня работ и их стоимости, искусственно обеспечивающей их последующую победу при условии передачи незаконного денежного вознаграждения.

Основной этап механизма коррупционного преступления, как правило, представлен наступлением определенного юридического факта, влекущего исковые противоправные последствия. Данный юридический факт может найти отражение в подписании определенного распоряжения в пользу юридического лица частной формы собственности с последующим получением должностным лицом выгод имущественного характера, подписанием и выдачей листа временной нетрудоспособности с последующей передачей незаконного денежного вознаграждения и т. д. Вариативность способов совершения коррупционных преступлений довольно высока. Основной этап механизма коррупционного преступления может быть как кратковременным, так и длительным. Так или иначе, в рамках данного этапа совершаются основные юридически значимые действия и достигается преступный результат, выраженный в достижении основной цели всей противоправной деятельности в рамках совершения коррупционного преступления – достижении корыстной или иной личной заинтересованности.

Действия в рамках заключительного этапа механизма коррупционного преступления направлены на достижение цели сокрытия следов совершенного преступления, в их основе находится желание избежать привлечения к установленной законом ответственности. Следует отметить, что по некоторым категориям коррупционных преступлений, к которым следует отнести, например, бытовую коррупцию, действия по сокрытию следов совершенного преступления предпринимаются, как правило, только после установления факта противоправного действия надзорными либо правоохранительными органами. Сокрытие следов коррупционного преступления может выражаться, например, в интеллектуальном подлоге документов либо их физическом уничтожении.

Следующим направлением деятельности должностных лиц в рамках заключительного этапа механизма коррупционного преступления является оказание противодействия при проведении проверки по заявлению или сообщению о коррупционном преступлении (и / или в рамках предварительного расследования). В свою очередь, оказание противодействия может выражаться в воздействии на участников уголовного процесса (чаще всего на подчиненных сотрудников), воспрепятствовании проведению следственных или иных процессуальных действий (неявка в орган уголовного преследования, дача ложных показаний, отказ в предоставлении документов и т. д.). В качестве дополнительного элемента заключительного этапа механизма коррупционного преступления также можно назвать принятие должностным лицом мер, направленных на сокрытие имущества, добытого преступным путем.

Таким образом, знание механизма коррупционного преступления обеспечивает качественный сбор основной доказательственной информации по коррупционным преступлениям, и, соответственно, его раскрытие и расследование, в связи с чем необходимо активизировать разработку положений частной криминалистической методики в данном направлении. Отдельное внимание

следует уделить криминалистическим методам проведения проверки по заявлениям или сообщениям о коррупционном преступлении в рамках возбуждения уголовного дела, не пренебрегая его значимостью, поскольку, как отметил Н. В. Веретенников, «от эффективности осуществления начальной стадии уголовного процесса во многом зависит реализация назначения уголовного судопроизводства в целом» [4, с. 3].

Список библиографических ссылок

1. Халиков А. Н. Должностные преступления: характеристика, расследование, предупреждение (криминалистический аспект): монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 312 с.
2. Рогава И. Г., Хальзов М. И. Механизм преступления в криминалистике – понятие и структура // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-6. С. 116–119.
3. Кустов А. М. Особенности механизма преступлений коррупционной направленности // Криминалистика. 2011. № 2 (9). С. 22–28.
4. Веретенников Н. В. Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д., 2009. 27 с.

© Юбко Ю. М., Михневич В. Н., 2026

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ

Материалы

Международной научно-практической конференции
«Правовые и правоприменительные проблемы в реализации
уголовной ответственности и их освещение в научных изданиях
(посвященной 20-летию научно-методического журнала
„Вестник Волгоградской академии МВД России“)»
Волгоград, 24 апреля 2025 г.

Международной научно-практической конференции
«Актуальные проблемы предварительного расследования»
Волгоград, 23 октября 2025 г.

Редактор *А. М. Мачнева*
Компьютерная верстка *Н. А. Доненко*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 05.06.2026. Объем 1,1 Мб.
Тираж 10 экз. Заказ 17.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.